

КУШТУРА

Алтайского края

№3 (11)

СЕНТЯБРЬ
2013

Прочитайте код
с помощью
RM GUIDE.

Андрей Никулин.
Последние лучи. Барнаул.
1906.
Фото предоставлено
ГХМАК.

12+

«Шукшин — писатель для сегодняшнего дня в высшей степени актуальный. Он возобновляет одну из важнейших тем русской литературы — пушкинскую. Это проблема внутренней свободы человека. И очень важно, когда его герои, которые не имеют никакого серьезного социального статуса, которые с точки зрения обычных человеческих понятий глубокие маргиналы, вдруг обнаруживают превосходство и внутреннее достоинство перед множеством других людей, озабоченных своим бытовым преуспеянием, служебной карьерой. И для нашего времени, гипермотивированного социальным успехом, заработком, погоней за игрушками, которые нам подсовывает потребительская цивилизация, Шукшин может быть в значительной степени лекарством от этой гипермотивированности».

**Из выступления гостя Шукшинских дней на Алтае — 2013 поэта
Алексея Машевского в Алтайской краевой универсальной
научной библиотеке им. В.Я. Шишкова.**

**Константин
Максимов.
Портрет
В. Шукшина. 1983.
Холст, масло.
124х97,7**

Фото предоставлено
ГХМАК.

в номере:

СОБЫТИЯ, ЛИЦА

XXXVII ШУКШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ XV ВСЕРОССИЙСКИЙ ШУКШИНСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

- 4 Константин Гришин. **АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ: «БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ СВЯЗАНО С БУДУЩИМ РУССКОГО НАРОДА»**
- 5 Константин Гришин. **ИГОРЬ БЕЛОВ: «РОССИЯ — СТРАНА, КОТОРАЯ БУДЕТ ПИСАТЬ СТИХИ ВСЕГДА»**
- 7 Елизавета Гундарина. **РЕЦЕНЗИИ НА ФИЛЬМЫ-ПОБЕДИТЕЛИ XV ШУКШИНСКОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ «ЕСЛИ ВСЕ...» (АРМЕНИЯ) И «ДОЧЬ» (РОССИЯ)**

- 32 **НА ДВА ГОЛОСА:**
Дмитрий Золотарев и Александр Рыжов о выставке «Нолибри в Сибири»
- 34 Евгений Пешков. **АЛТАЮ ДАР, С ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩЕННЫЙ**
- 36 Александр Рыжов. **ИНСТАЛЛЯЦИИ И ПЕРФОРМАНСЫ ИВАНА ДМИТРИЕВА**

ТЕАТР

- 38 Елена Кожевникова. **ЧТО ОСТАЕТСЯ ОТ СКАЗКИ ПОТОМ, ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕЕ РАССКАЗАЛИ?**
- 39 Анна Негреева. **МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ ТЕАТРА И СНОМ КИНОМАТОГРАФА**

стр.

16

стр.

4

стр.

36

- 10 Лариса Вигандт. **АЛЕКСЕЙ МАШЕВСКИЙ: «И В НАШИ ДНИ ЕСТЬ И БРЮЛЛОВ, И ПУШКИН, НО НИКТО ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАЕТ»**
- 12 Лариса Вигандт. **ЧЕТВЕРТАЯ ВЫСОТА**

СЛОВО

- 16 Лариса Вигандт. **КОСМИЧЕСКИЙ РОДИОНОВ**
- 20 **КНИЖНЫЙ ИНСТИНКТ**
Рецензии на книги Владимира Пасеки, Сергея Теплянова, Владимира Токмакова, Сергея и Антона Ужакных

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

- 24 **ВЫСТАВКИ. ИЗБРАННОЕ**
(Авторы: Дмитрий Золотарев, Оксана Сидорова, Елена Дариус, Наталья Гусельникова)

стр.

44

- 41 Елена Кожевникова. **ВРЕМЯ АКТЕРА**
(Творческий портрет актера Игоря Бочерикова)

НАСЛЕДИЕ

- 44 Евгений Платунов. **БАРНАУЛ В КИНОХРОНИКЕ 1919 ГОДА**

РАЙОН

- 46 Лариса Вигандт. **ЖАРКОЦВЕТНОЕ КРАСНОГОРЬЕ**

ЛИТОТДЕЛ

- 50 Евгений Бессмертных. **СТИХИ**
- 52 Виолетта Метелица. **СТИХИ**
- 54 Иван Ужакин. **ЗА НАМИ ИДЕТ «РОССИЯ»**
- 58 Михаил Гундарин. **СТИХИ**
- 60 Иван Мордовин. **СТИХИ**

«КУЛЬТУРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ»

№ 3 (11),
сентябрь 2013 г.
(журнал выходит
поквартирно)

Учредитель журнала:
Краевое автономное
учреждение «Алтайский
дом литераторов».
Выпускается
при поддержке
Администрации Алтайского
края и управления
по культуре
и архивному делу.

**Адрес редакции
и учредителя:** 656049,
Алтайский край,
г. Барнаул,
ул. Короленко, д. 73,
тел: 63-48-80, 63-43-47.

редакционный совет

Безрукова Е.Е.
(председатель совета)
Вигандт Л.А.
(главный редактор)
Галошин А.В.
Замятина Г.А.
Ковалев О.А.
Марьин Д.В.
Огнева Е.В.

Родионов А.М.

Уразова В.А.
Царева Н.С.

E-mail: ak.culture@mail.ru
Дизайн, верстка — Четырина Н.П.
Корректор — Сигарева М.В.
Печать: ОАО «Алтайский дом
печати», 656049, г. Барнаул,
ул. Б. Олонская, 28,
тел. (3852) 638761, 637971,
e-mail: zakaz@adp.alt.ru

Издание зарегистрировано
в управлении Федеральной
службы по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций
по Алтайскому краю.

**Свидетельство
о регистрации:**
ПИ №ТУ 22 – 0201
от 30 декабря 2010 года.

Тираж:
2000 экземпляров.
Дата выхода в свет:
30.09.2013

Журнал распространяется
бесплатно

Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора.

В июле 2013 года в Алтайском крае прошли XXXVII Шукшинские чтения, в их программе — XV Всероссийский Шукшинский кинофестиваль.

Главные гости лета — литераторы и кинематографисты. Главные разговоры и споры — о судьбах русской литературы и кинематографа.

На страницах журнала — перекресток мнений.

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ: «Будущее русской поэзии связано с будущим русского народа»

Алексей Шорохов, поэт, член Союза писателей России, г. Москва.

Фото
Александра
Волобуева.

Слушай, выпьем вина! Это море мудрей наших бед.
Посидим на камнях, побросаем медузам монетки.
Может, именно здесь начинается тот самый свет
В белой пене дождя, шуме волн и под ругань соседки.

Мы научимся жить, будто время уже истекло,
Будто ангелы к нам забредают по-свойски на ужин,
И мы вместе сидим и глядимся в живое стекло,
Где шевелятся звезды внутри и сияют снаружи.

В этой толще воды — столько судеб,
надежд, голосов,
Что становится страшно, когда зачерпнешь их рукою!
Будто вечности гулкой вращается здесь колесо,
В белых брызгах дробясь и неся в измеренье другое.

...Почему ты не спишь? Этой сказке не будет конца.
Обними меня крепче, прижмись —
и откроется море:
В белых космах волос и суровых морщинах лица,
Острых скулах валов и с извечной тревогой во взоре.

Алексей ШОРОХОВ.

— У каждого приезжего, в том числе и у вас, есть свой образ Алтая. О чем думалось, когда собирали чемоданы?

— Прежде всего, я вспомнил о Катунь — реке, на которой снимались «Печки-лавочки». Об Алтае горном и Алтае равнинном, запечатленном на великих кинолентах прошлого... Мне очень хотелось побывать у Василия Макаровича, поклониться ему. Думаю, что каждый гость этих мест клянется в любви и верности Шукшину, ныряет в глубины памяти и выдает длинные или короткие цитаты из книг вашего прославленного земляка. Я трепетно отношусь к Шукшину, считаю его большим нравственным авторитетом, примером — даже не с точки зрения литературы, не с точки зрения кинематографа, а с поведенческой точки зрения. Об этом можно говорить долго, приводить примеры, цитировать разных мемуаристов...

— Кто был для вас «воздухом» в поэзии в юные годы, и кто остался небожителем по сей день?

— Я приехал поступать в Литературный институт из города Орла, сама атмосфера которого насыщена именами Тургенева, Тютчева, Фета, Бунина... Но хорошо помню, что у меня в рюкзаке (почему-то) лежало всего две книги: «Творения» Хлебникова и проза Юрия Павловича Казакова. Хотя Хлебников никогда не был моим кумиром. Наиболее близким же мне поэтом был Блок. Эта любовь не ослабевает. Конечно, сейчас список поэтов удлинился — в разные периоды жизни нужны разные чувства, настроения, но в целом я верен Блоку.

— Судя по стихам, вы сторонник классической поэтики, традиционного письма. Это происходит интуитивно — вы-

бор просодии, метрики — или вы сознательно пестуете «классическую розу»?

— Эту фразу приписывают Черчиллю, хотя я встречал ее в записках Пушкина... «Кто в юности не был революционером, а к тридцати годам не стал консерватором, тот или дурак, или подлец». Конечно, в юности я перепробовал разные метры, и вычурные образы мелькали в моих стихах... Воображение поражали стихи Вознесенского и Кузнецова. Они увлекали, захватывали, а потом оказывалось, что тихое, спокойное стихотворение Рубцова, без кричащих образов — более глубоко и четко...

— Современная поэтика — это окопы или катализатор творчества, своеобразный трамплин? Вот эти стихи без точек, без заглавных букв, бродскизм, стихопроза, длинная строка...

— Есть примеры, когда этот эксперимент удается. В 90-е годы все бросились писать под Бродского, абсолютно все. Из журнала в журнал, с выступления на выступление кочевали восемнадцатилетние, двадцатилетние «увядающие» юноши и девушки, изнывающие в глубоком пессимизме... Бродский — один. К нему можно относиться по-разному, но многое ему удалось — и именно на русском языке (потому что когда он пытался писать на английском, американские студенты искренне недоумевали — это действительно большой поэт?). Именно стихи, написанные в собственной, незаемной интонации, этим «бродским» метром и останутся... Есть (точнее были) удачные вещи

у Алексея Цветкова, Льва Лосева... А в целом — это мода. Вот аналогия: в отуженных брюках, строго одетым ходить немодно. А в какой-нибудь вязаной шапочке, майке, болтающейся до колен, — самое то...

— Вы много занимаетесь литературной критикой. За последние, постперестроечные годы, у нас было много кумиров на час. Было возрождение авангардистских практик, потом царил постмодернизм, мелькнули и пропали «новый сентиментализм», «новая искренность», новый реализм и другие несметные течения. Что же из всего этого разнообразия было и осталось жизнеспособным?

— Течений возникало так много... Они манифестировали себя, потом тихо умирали. Это создавало какую-то видимость литературной жизни, но — по плодам же судят! Наиболее раскрученный проект — новый реализм. Но он держится только на паре-тройке молодых хороших критиков, которые его раскручивают. Пожалуй, самый талантливый представитель — Захар Прилепин, но он и без нового реализма может преспокойно существовать, и быть самодостаточным... А вообще реалистическое мироощущение свойственно русской цивилизации. И в новых исторических условиях его неизменно пытаются обновить. К слову, впервые полемика о новом реализме возникла в России в конце XIX века, возобновлялась в начале XX века. Тем не менее, не бреме-

ненные излишней образованностью, но чрезвычайно деятельные молодые литераторы сегодня считают, что это их открытие...

— Хоронят сейчас русскую поэзию все кому не лень, могильщики не переводятся. Каким вы видите будущее русской литературы?

— Есть старая максима — о промыслительном двуединстве древнерусского понятия «язык». Под древнерусски язык это и сам народ, и — инструмент общения народа. Они друг без друга не живут. Поэтому язык — понятие нравственное. Когда народ истаивает, то язык, его нравственное наполнение, как шагреновая кожа, скукоживается. В современной русской прозе мы видим упадок — это ни для кого не секрет. Читаешь современного автора (за редкими исключениями) — будто читаешь инструкцию к пылесосу. Так вот: будущее русской поэзии связано с будущим русского народа. Будет народ жить, развиваться, сбросит он иго враждебного эксперимента, — тогда и с русской поэзией ничего не случится. Ну а в самом крайнем случае — после нас останется великая русская литература, как осталась великая культура древних греков. Ее уже никто не отменит! Поль Валери сказал: «История знает только три великих культурных периода: Древняя Греция, Возрождение и Русский XIX век». Мы спокойно можем добавить к нему и Век двадцатый. В этом смысле — я оптимист.

Константин ГРИШИН.

ИГОРЬ БЕЛОВ: «Россия — страна, которая будет писать стихи всегда»

Игорь Белов, поэт, переводчик, член Союза российских писателей, г. Калининград.

Фото
Александра
Волбуева.

— Наверняка у каждого приезжего, в том числе и у вас, есть свой образ Алтая... О чем думалось, когда собирали чемоданы?

— Прежде всего — о знаменитом Чуйском тракте. Для человека, живущего на западных рубе-

жах страны — в моем родном Петербурге, в Калининграде, Варшаве, — это такая буйная экзотика, недостижимая, манящая, интересная... Это, конечно же, горы. Я человек морской, а в горах никогда не был. Кроме того, для меня Алтай — это еще и лич-

* * *

Запутавшийся телефонный шнур,
журнальный столик, адресная книга,
хоть пару слов оставьте, я прошу,
от слякоти рождественских каникул.
Неактуален сигаретный смог
и остановка сердца неуместна,
и остается выйти за порог
ночного бара, выпав из контекста,
летающий снег порывисто обняв,
звонить, едва придумывая повод,
на линию потешного огня,
опасную, как оголенный провод,
и всякий раз, пока идут гудки,
мембрана от волнения не дышит,
вдруг понимать, молчанием каким
деревья припорошены и крыши.
Грустит река. Алеют кирпичи.
Сырая тишина вот-вот накатит.
И Кенигсберг растерянно молчит,
поскольку он отсутствует на карте,
и с этой пустотой наверняка
не справится асфальту и бетону,
цветущим новостям ГТРК,
заброшенным кварталам однотонным.
Любовь сама диктует эпилог
и тоже испаряется, но только
когда ты отвечаешь на звонок,
на радостях меня сбивает с толка
такое чувство, будто в разговор
прошедшие вмешались дни и ночи,
немецкой речью вымощенный двор,
дождливый город, вся страна. Короче,
огромный мир, в котором так светло,
в который раз, я, право же, не знаю,
снимает трубку, говорит «алло».
И больше никуда не исчезает.

Игорь БЕЛОВ.

ность Василия Шукшина. Он представляется мне настоящим русским экзистенциалистом, не очень понятным критиками и некоторыми читателями. С Алтаем у меня связана и личная история. Здесь во время Великой Отечественной войны, в эвакуации познакомились мои дедушка и бабушка. Это произошло в Бийске. Потом они уехали в родной дедушке Ленинград, где и поженились. Благодаря этой встрече на Алтае и я произошел на свет... Не говорю уже о том, что знаю какое-то количество алтайских писателей, — моих ровесников, поддерживаю с ними связи — дружеские, литературные.

— **Судя по текстам последних лет, вы стали апологетом современной поэтики. Много у вас стихов без точек, без заглавных букв... Стиль пуово — это оковы или катализатор творчества, своеобразный трамплин?**

— Не то чтобы я в последнее время пишу именно так... У меня случаются, конечно, формалистские изыски. Если требует текст, я не использую знаков препинания и заглавных букв. Но не всегда. По духу я скорее традиционалист. Авангардистское крыло современной поэзии меня зачисляет в традиционалисты, а традиционалисты относят к авангарду. Причем, у меня получается поддерживать хорошие отношения

и с теми, и с другими! Где-то я посреди... Может быть, это связано с тем, что собственные стихи я пишу в рифму, а перевожу — с польского, украинского, белорусского — свободным стихом.

— **Считается, что перевод — труд благодарный, в процессе которого утекает творческая энергия... Стоит ли игра свеч? Что движет вами как переводчиком?**

— Как раз переводы — труд благодарный! Потому что заработать поэзией русскому человеку практически невозможно, а переводами — можно. Если брать практическую плоскость, скорее уж поэзия — неблагодарное дело... С точки зрения раскрутки собственного имени, перевод да, дело совершенно безнадёжное. Переводчик обычно находится в тени...

— **Если он — не Пастернак или Жуковский...**

— Разумеется. Для меня перевод — это возможность прочитать на русском языке тексты, которых до того у нас не было... Поэтому стараюсь не идти по следам других переводчиков. Кроме того, выбираю то, что мне ближе как автору стихов. Последнее время перевожу Сергея Жадана, и его влияние на меня видно невооруженным глазом... Максим Амелин говорил: «Своих стихов не может быть много». Их — ровно столько, сколько нельзя не написать. Но чтобы энергия не застаивалась, чтобы быть «в форме», мне нужно заниматься переводами. Это всегда увлекательное занятие. Приключение. Причем очень крутое и интересное.

— **Хоронят сейчас русскую поэзию все кому не лень, могильщики выстроились в длинную шеренгу... Есть ли у нее будущее?**

— Я думаю — будущее огромное, потому что русская поэзия ведь очень молода! Хоронить ее совершенно бессмысленно. Последние годы я наблюдаю в России поэтический бум. Он незаметен на периферии, но в таких городах, как Москва и Петербург, — очевиден. Как всегда, есть огромное количество пишущих. Россия — страна, которая будет писать стихи всегда. В силу того, что русская поэзия молода, у нее есть огромный потенциал, в том числе и формалистский, и тематический, и какой угодно.

— **Кто был для вас кумиром в поэзии в юные годы, и кто остался небожителем по сей день?**

— В юности моими кумирами были Леннон и Маккартни. И по-прежнему они остаются любимыми персонажами в музыке и истории человечества. А что касается поэтов, то их огромное количество. Я очень разных поэтов люблю. Так, Вознесенский перевернул мои представления о поэзии и о жизни вообще. До сего времени я сохранил юношескую любовь к Леониду Губанову, поэту недооцененному. Никак нельзя обойти фигуру Бродского. Гребенщиков для меня что-то вроде нашего Боба Дилана, он повлиял на российское сознание, так же как Дилан на сознание американцев. Я цитирую его подсознательно. Безусловно, никуда не деться от Есенина и Маяковского, никуда не деться от Пастернака. Русская поэзия — многоголосье. И я, как и всякий увлеченный читатель стихов, — принципиальный многобожец. А как иначе?

Константин ГРИШИН.

Среди юбилейных открытий – первые в истории фестивальной программы иностранные фильмы (производства Армении и Казахстана), добавившие Шукшинскому кинофестивалю статус международного; и одновременно иностранный фильм-победитель «Если все...».

текст

ЕЛИЗАВЕТА
ГУНДАРИНА

При абсолютной несхожести авторской манеры и жанра, бросается в глаза общий социально-психологический симптом обоих фильмов: окончательный разрыв между двумя эпохами: конца 1980 — начала 1990 годов и конца нулевых — начала десятых, выражающийся в отношениях между поколениями сорокалетних родителей и их детей. В невозможности связей между двумя этими поколениями — физической (как в армянском фильме) и психологической (как в российском), разве только что кровной, коренящейся в инстинктивном, на грани дикости, страхе «отцов» за собственное дитя, и обреченности «детей» на родительскую волю и любовь. Недаром, главным героем в обоих фильмах является ребенок, оставшийся или остающийся без отца, — довольно прозрачная режиссерская параллель с расколовшимся на две — «до» и «после» — половины российским социумом.

На церемонии открытия XV Шукшинского кинофестиваля в Алтайском краевом театре драмы им. В.М. Шукшина. Фото Дмитрия Кудрявцева.

«Если все...» Армения, 2012

Режиссер Наталья Беляускене, сценарий: Тереза Варжапетян, Микаел Погосян,
оператор Иван Бархварт, **композитор** Ваагн Айрапетян. **В главных ролях:**
Микаел Погосян, Екатерина Шитова, Мгер Левонян, Карен Джангирян и другие.

Лента известна фестивальной кинопублике гораздо больше, чем ее автор. До показа в Алтайском крае «Если все...» обошла множество кинофестивалей (пусть и не первого ранга), получила несколько наград, причем, примечательно, что в разных номинациях(!). Так что высокая оценка картины на нашем кинофестивале — не случайность. Важнее, чем призы, — внимание и любовь зрителей. Критики отмечают, что показы фильма в разных странах неизменно сопро-

вождались горячей симпатией со стороны публики, будто охраняющей его не то, что от критических нападков, но даже от объективного анализа. Настолько комфортно запрограммировано авторами ее восприятие и заразителен пафос! Национальная экзотика, оригинальный саунд-трек, набирающий популярность параллельно картине, нездешний кавказский юмор, героика и сентиментальность — все эти качества вкупе с мастеровитой авторской подачей —

Фото:
kinopoisk.ru

почти бепроигрышный коктейль для успеха у зрителей. Не по тем ли же самым причинам приз зрительских симпатий получила картина Ашота Кещяна «Алхас и Джульетта» на прошедшем недавно фестивале «Киноликбез»? (Мы писали об этом в нашем журнале, № 2, 2013). Да и сюжет картины — из разряда «вечных», сделанных по универсальной схеме: «возвращение, поиск и обретение некогда утраченного», позволяет органично соединить в повествовании частное

ПРИЗЫ И НАГРАДЫ

Главный приз на XV Всероссийском Шукшинском кинофестивале пока остается высшей оценкой фильма «Если все...» за пределами Армении. Картина также была представлена в конкурсной программе Московского международного кинофестиваля, в номинации «Перспективы», признана лучшей игровой картиной в конкурсной программе «Армянская панорама» девятого международного кинофестиваля «Золотой абрикос» в Ереване, там же получила приз экуменического жюри.

В конце 2012 года картина в номинации «Лучший фильм на иностранном языке» была выдвинута Арменией на соискание 85-й кинопремии «Оскар».

Кадр из фильма «Если все...».
Фото: kinopoisk.ru

с общечеловеческим, обыденное с высоким. То, чего, возможно, неосознанно, ищет в кинозалах большинство зрителей.

Кажется, авторы фильма (как-то не хочется говорить в данном случае об авторе в единственном числе, так как актерская, режиссерская, сценарная, операторская и музыкальная составляющие здесь соразмерны друг другу по качеству и роли, что довольно редко в кино) сделали ставку на простоту во всем, которую им удалось поднять до уровня Высокой.

Поэтому «вечные» вопросы звучат здесь деликатно-лирично, в максимально доступной для публики эмоциональной форме.

Итак, девушка Саша из Сатова приезжает в современную Армению, чтобы найти могилу своего отца — русского, погибшего во время армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе. Причем, воюя на армянской стороне: как выясняется, Сашина мать была армянкой, она погибла в Сумгаите, с которого и начался кавказский разлом... Сопровождает Сашу в поисках группа бывших однополчан ее отца — как на подбор, симпатичных и обаятельных. Во главе их — седобородый мужественный Командир, как его называют все, Гурген, бывший командир ее отца. Он считает себя виновным в гибели отряда и двадцать лет живет в мучительных угрызениях совести. Путешествуя вместе с бывшими однополчанами отца, которого никогда не знала, Саша проходит по тем же тропам войны, но не теряет, как когда-то ее отец и его друзья, а, наоборот, находит — отеческую любовь и поддержку, которой была лишена. Чтобы найти могилу, им приходится переходить азербайджанскую границу. Это, пожалуй, самый драматический и центральный эпизод фильма. На месте захоронения они встречают азербайджанца-пастуха, который также ищет могилу, и тоже на другой стороне

НАТАЛЬЯ БЕЛЯУСКЕНЕ

1966 г.р., выпускница Высших курсов сценаристов и режиссеров (мастерские В. Хотиненко и П. Финна — игровое кино и А. Герасимова — неигровое кино), Школы рекламы Юрия Грымова. В фильмографии Беляускене четыре полнометражных и один короткометражный фильм. Два фильма, «Печатников переулоч, д.3» и «Цвет неба», сняты ею по собственному сценарию.

границы, могилу своего сына. Утраты сделали некогда непримиримых врагов жертвами. Миссия возвращения выполнена, но, несмотря на радужный финал, подспудно ощущается его шаткость — зыбкок взаимный мир между сторонами конфликта.

Боль и тревога ощущаются и в лирике, с которой авторы воссоздали чудесную атмосферу крохотных армянских городков с пыльными улицами и чудаковатыми людьми. Дымчатые горные пейзажи; по горному серпантину медленно катится ярко-желтый автомобиль героев... Переход с русского на армянский язык, из нынешнего времени в военное... Стилистическая легкость и бесхитрость делают фильм настоящему атмосферным. Интересно, что Армения, знакомая киноманам прежде всего по фильмам

Сергея Параджанова, здесь приобретает черты скорее югославской глубинки. Видно, что Кустурица — в числе любимых авторов Беляускене. Да и подобный сюжет легко можно себе представить на сербском и хорватском материале.

Фильм, на наш взгляд, выиграл и еще продолжит выигрывать и у зрителей, и у критиков именно благодаря редкому в современном нашем кино сочетанию стилистической простоты, художественной цельности и эмоциональной убедительности, заставляя вспомнить лучшие образцы советского кино. А «Оскара» «Если все...» так и не получил. Куда было Беляускене устоять против своего соперника Михаэля Ханеке с его чудовищной, если вдуматься, громоздкой и мрачной лентой с провокационным названием «Любовь»!

«Дочь»

Россия, 2012

Режиссеры Александр Касаткин, Наталья Назарова, **сценарий:** Наталья Назарова, **оператор** Андрей Найденов, **в главных ролях:** Мария Смольникова, Олег Ткачев, Владимир Мишуков, Игорь Мазепя и другие.

Победа «Дочери» на Шукшинском кинофестивале — далеко не первая и, думаем, не последняя. Важнее точное попадание

фильма в «шукшинский» контекст «Нравственность есть правда».

Маленький провинциальный городишко, недалеко от столицы,

живет в глухом страхе от происходящих по ночам убийств юных школьниц — ничем, кажется, не мотивированных и без извращений, но

регулярных, если не систематических. Обреченные лица взрослых и детей, скудный быт, запустение и ... неописуемо живописные пейзажи — хорошо знакомый по постсоветскому кино ландшафт. Криминальная линия в сюжете скрыта почти за кадром. Отчего реальность в фильме с первых кадров начинает тревожно мерцать, словно на экране испорченного телевизора, «пугая» зрителей не столько ясной картинкой, сколько ужасными в своей очевидности предположениями. Неужели этот, с загнанным взглядом, но любящий отец семейства, вдовец — двое детей? Днем — на хлебозаводе, вечером — починка холодильников? Впрочем, какие могут быть сомнения: уж больно одержим герой чувством долга и справедливости, которыми он прикрывает животный страх за дочь и тотальное недоверие к окружающей жизни.

«Я считаю, что это — следствие определенного ментального хаоса в нашем пространстве, — рассказывает Александр Касаткин в одном из интервью. — Это касается не только России. Глобализм как раз и приводит к такой ментальной каше. Особенно резко это проявля-

Кадр из фильма
«Дочь». Фото: kinopoisk.ru

ется у людей, не подготовленных к изменениям, долгое время живших по какому-то канонам.

Собственно, и открывает свою страшную истину отец и убийца только в тот момент, когда видит, каким потрясением стало очередное убийство для его собственной дочери, потерявшей, из-за его чудовищной «миссии», единственную подругу. При этом он делает заложником этой истины священника, отца другой его жертвы, свя-

АЛЕКСАНДР КАСАТКИН

1968 г.р. Учился во ВГИКе на курсе режиссуры рекламного и научно-популярного фильма в мастерской В. Мана, затем на Высших курсах сценаристов и режиссеров в мастерской А. Митты. В 2006 году снял первую полнометражную картину «Слушая тишину» по сценарию Натальи Назаровой. Режиссер работает главным образом в формате телесериала. «Дочь» — второй полнометражный фильм в режиссерской фильмографии Александра Касаткина.

НАТАЛЬЯ НАЗАРОВА

1969 г.р. Окончила Российскую Академию Театрального Искусства (ГИТИС), мастерскую В. Левертова. Работала в театре, снималась в фильмах и сериалах: «Львиная доля», «Каменская», «Ростов-папа», «Дневник убийцы» и др. С 2000 года стала активно работать как драматург и сценарист. Автор сценариев к фильмам: «Дура» (реж. М. Коростышевский), «Внук космонавта» (реж. А. Панин, Т. Владимирцева), «Слушая тишину» (реж. А. Касаткин), «Русалка» (А. Меликян — в соавторстве), «Компенсация» (реж. В. Сторожева), «Измена» (реж. К. Серебrenников — в соавторстве). Фильм «Дочь» — режиссерский дебют Натальи Назаровой.

ПРИЗЫ И НАГРАДЫ

На X фестивале отечественного кино «Московская премьера» фильм удостоен Главного приза Общественного жюри газеты «Московский комсомолец». Приз за лучшую женскую роль имени Натальи Гундаревой вручен Марии Смольниковой. По итогам XXIII Открытого российского кинофестиваля «Кинотавр» в Сочи фильм «Дочь» признан победителем в номинации «Лучший дебют». Отмечен как лучший дебют на XVIII Международном фестивале фильмов о правах человека «Сталкер», получил Приз ФИПРЕСИ на 28-м Международном Кинофестивале в Варшаве, Гран-при 10-го кинофестиваля «Амурская осень», Главный приз ежегодного фестиваля русских фильмов «Спутник над Польшей».

Кадр из фильма
«Дочь». Фото: kinopoisk.ru

званного клятвой тайны исповеди. Достигший почти трагедийного накала сюжет в этом месте переламывается социальная драма, рассказанная авторами с большей убедительностью и силой.

После того, как тайна становится явью, на место жертвы преступлений отца становятся его дети, на долю которых обрушива-

ется испытание отверженностью, местью и одиночеством. Исполнительница главной роли Мария Смольникова удивительно играет абсолютную силу в критических обстоятельствах, на какую способны только дети, их же, детскую упорную защиту-убежденность в непогрешимости отцов и отчаянное смирение перед их грехами. ◀

АЛЕКСЕЙ МАШЕВСКИЙ: «И в наши дни есть и Брюллов, и Пушкин, но никто об этом не знает»

Алексей Машевский,
поэт, критик,
член Союза
писателей России,
г. Санкт-Петербург.
Фото
Александра
Волубуева.

Ну вот, пошли дожди. Все снова затянуло,
Притихли воробьи среди мокнущих ветвей,
Забытый старый плед висит на спинке стула,
Который сам забыт и пледа не новей.
Колышется листва, чувствительно уколы
Холодных острых струй перенося с небес,
И с криками бежит соседский мальчик голый,
Застигнутый врасплох, дождю наперерез.
Я слушаю, пока читаю Сологуба,
Как звонко в ведра бьет, стеля с крыш, вода,
Как жадно пьет земля, слежавшаяся грубо,
Как ветер шелестит, качая провода.
И, отвлекая от стихов, все эти звуки,
Прохлада из окна и свежий дух дождя
Берут мой грешный ум, усталый, на поруки,
Куда-то далеко от мира уводя.

Алексей МАШЕВСКИЙ

Культура задает обстоятельства жизни

— Алексей Геннадьевич, знакомясь с вами, отыскивая, как водится, информацию в Интернете, мы узнали, что вы бывший физик. Что общего между состояниями физика и лирика?

— Я бы сказал, что это состояния взаимодополняющие. Человек, которому я исключительно благодарен за дружбу с ним, науку, потому что я считаю учителем своим ее, — это Лидия Яковлевна Гинзбург, с моей точки зрения, один из самых выдающихся русских литературоведов — она не любила, правда, это слово, она называла себя историком литературы. Когда она из Одессы в шестнадцать лет приехала в Петербург, то знала, что будет заниматься литературой. Но она считала, что человеку необходимо сначала приобрести естественнонаучное образование. Лидия Яковлевна, его, правда, так и не приобрела, но стала человеком, который понимал, насколько наука дисциплинирует мышление.

Противопоставление «лирики» и «физики» — совершенно условное, потому что цивилизация до нашего несчастного времени долго существовала как птица на двух крыльях, опираясь, с одной стороны, на науку, с другой — на искусство. Это взаимодополняющие способы познания мира. Если наука расчленяет его и анализирует, то искусство пытается понять его как целостность. Одно без другого не существует. Поэтому для меня мои ипостаси и как физика, и как лирика взаимодополнительны. Наука дает мне

аппарат, который позволяет не запутаться в определениях. Когда коллеги, подчиняясь своему лирическому восторгу, слишком широко используют понятия, теряя их содержание, мне хочется их остановить и спросить, а что вы собственно имеете в виду.

В то же время, когда имеешь дело со стихами, сталкиваясь с тем, что слово и образ могут принимать бесконечно расширительное значение и менять свой смысл в зависимости от контекста. Понимание, что слово может выступать в двух ипостасях, с одной стороны, как точное определение и термин, а с другой, как нечто, волшебным образом преобразующееся на наших глазах, — это важное свойство, которое я стараюсь в себе культивировать.

— В своих стихах, мне показалось, вы скрупулезно исследуете бытие и стараетесь уловить ту грань, где оно превращается в небытие.

— Вероятно. Но еще более важными представляются мне модели жизни. Искусство исследует жизнь, пытается понять мир, в котором мы живем. Оно просто это делает своими средствами — в системе образов, в системе интуиции, в системе целостных моделей, которые искусство предлагает человеку для жизни. В рамках этих моделей мы существуем. Мы даже не подозреваем, как модели, задаваемые культурой, влияют на обстоятельства нашей жизни. Например, обратите внимание, как устроены анфилады барочных дворцов. Сама идея барокко — бесконечность, разомкнутое пространство — она приводит к тому, что появляются дворцовые анфилады. И как же бедные фрейлины там живут? За ширмами. Так культурные установки влияют на наш быт.

У нас если не серебрянный, то бронзовый век

— Стихи и прозу сегодня пишут многие. Почему, на ваш взгляд, нет явных лидеров в современной русской литературе?

— Они есть, конечно, но они выяснятся позже, если, правда, от самого человеческого социума что-нибудь останется. Я хорошо знаю творческую картину Петербурга, она свидетельствует, что у нас сейчас, если не серебрянный, то, по крайней мере, бронзовый век. Сейчас в Петербурге работает десяток великолепных поэтов. Настоящих. То же самое могу сказать и о живописи, и о философии. Но искусство помимо того, что оно существует как творчество выдающихся одиночек, еще и социальное явление. Информация, что сейчас живет и творит Пушкин, должна быть усвоена и передана, для этого должны нормально работать коммуникационные связи. А мы теперь находимся в совершенно парадоксальной си-

туации. В доме напротив вас может жить Пушкин, но вы никогда об этом не узнаете. Поэтому кризис современной культуры — это не кризис творческих сил, это кризис ее социального бытования.

Также, как назначение каждого человека — знать, кто он, осознавать свое собственное духовное я, также и назначение цивилизации — знать, кто она в своих наиболее ярких и лучших проявлениях. Так вот наша цивилизация этого не знает, и в этом ее главная проблема. Мы живем в обществе, не осознающем себя.

— Культуры регионов сегодня живут достаточно замкнуто, почти ничего не зная друг о друге...

— Не просто регионы, в одном городе культурное пространство бывает совершенно скрыто. Я больше двадцати лет веду литературную студию в Петербурге и, казалось бы, должен представлять, кто у нас кто, но вдруг появляются авторы, которые мне были неизвестны, и видишь — очень интересные авторы. Я уж не говорю о том, что касается сопредельных областей искусства. Хотя представьте себе ситуацию XIX века где-нибудь тридцатых годов: все знают, кто такой Карл Брюллов, все знают, кто такой Пушкин. Так вот мы сейчас в ситуации, когда есть и Брюллов, и Пушкин — все они на месте, но никто об этом не знает.

— Скорее всего, это связано какими-то механизмами с читательской аудиторией...

— Почему в России XIX века знали, кто есть кто? Потому что культурный слой был узок. Художественная элита может контролировать небольшую массу читателей, потребителей художественной продукции. Но когда заказ идет от массового потребителя, причем его регулирует не развитый художественный вкус, а покупательская способность, то и вся издательская политика будет ориентирована на это. Проблема не в том, что нет питательных веществ в культуре — они есть, а проблема в том, что их растворяют все в большем и большем количестве «воды». Культура — это кристалл, который выращивается из пересыщенного раствора, это я сейчас говорю как физик, но образ очень нагляден. А если в ванну, где пересыщенный раствор, постоянно добавлять воды, — кристалл никогда не вырастет.

— Вы могли бы быть и сейчас физиком, но вы изменили профессию.

— Это был очень трудный выбор. Я долгое время пытался совмещать. Моим непосредственным начальником был Жорес Иванович Алферов, нобелевский лауреат. Карьера научная, конечно, была бы обеспечена. Но наступил переломный момент: мне нужно было писать кандидатскую диссертацию, а я стал сильно и много болеть. И вдруг понял, почему болею, потому что мне надо сделать выбор. К этому времени я уже был членом Союза писателей СССР. Скорее всего, все дело в том, что наука меня интересовала не сама по себе, а как возможность выработки целостного мировоззрения. К тому же все более определялись мои художественные и литературные интересы. Я ушел из науки и достаточно долго (до его закрытия) работал в журнале «Искусство Ленинграда». Там я вел отдел, который был посвящен прозе, поэзии, публицистике. Это были хорошие годы.

Прозу заменили сериалы

— Есть современные авторы, которые вас цепляют, книги которых хочется открывать?

— Это долгий разговор, который у меня с Лидией Яковлевичей начинался в свое время. Мы с ней обсуждали проблему современной прозы. С прозой дела плохи.

Попытаюсь объяснить почему. Во-первых, потому, что изначально, в древности, литература — это только поэзия, проза — ответвление, возникшее на мощном стволе литературы достаточно поздно. И как всякие ответвления она исторична, периодами бывает, периодами — нет. Например, в истории Франции в семнадцатом веке художественной прозы в нашем

понимании не было, а прозой считались письма, мемуары, морально-этические размышления. Это был ведущий жанр. В этом смысле современная проза, интересная и актуальная для меня, скорее связана не с беллетристикой, а с эпистолярными или же с эссеистикой. То есть те формы прозы, где, не заслоняясь никакой художественностью и вымыслом, автор берет на себя ответственность за прямой разговор с читателем. Потому и я занимаюсь критикой и эссеистикой, но романов не пишу.

С моей точки зрения роман написать сейчас практически невозможно, но именно поэтому возникает соблазн его написать. Не знаю, получится ли это когда-нибудь. Проза устаревает, к сожалению. Ее подтачивает очень многое. В XIX веке романы Толстого, Бальзака брали на себя и ту функцию, которую сейчас выполняют сериалы. Вся событийную сторону, которая изначально была присуща художественной прозе, кинематограф стянул на себя. Заметьте, люди куда охотнее смотрят экранизации. Точнее они сначала смотрят экранизации, а потом иногда берут в руки книги. Поэтому существование прозы достаточно проблематично, или она должна искать какие-то принципиально новые формы. Хотя, должен отметить, что в Петербурге существуют интересные прозаики, которых я все же больше ценю как публицистов. А замечательных поэтов много. В одном только Петербурге живет два великих поэта — Александр Кушнер и Алексей Пурин. И если Кушнер хоть кому-то известен, то Пурин — нет.

Я готов предположить, что и в Москве, и в провинции хороших поэтов наберется много, но я ничего о них не знаю. И боюсь, что так и умру, не узнав.

Нереализованный дар вернется укором

— Во времена Державина писательство как отдельное дело, которому посвящалась жизнь, не существовало, и мы, похоже, вернулись в те времена?

— Да, во многом вернулись. Державин — одна из моих любимых тем. Он парадоксальным образом являет собой пример литератора, в котором культура и социум не расходятся, не конфликтуют. Он пример того, как социум может взять, поддержать и использовать великую культуру для своего развития и существования. Самое поразительное, что он-то себя числит, в первую голову, не поэтом, но государственным деятелем. «Истину царям с улыбкой говорить» — вот что было важно для него. И это хорошо. В профессиональной литературной деятельности есть один минус — некая нецеломудренность, ангажированность. Если ты только литератор, и у тебя ничего другого нет, ты с беспокойством смотришь: а как публика реагирует? В этом смысле современный писатель попадает в идеальную ситуацию: она никак не реагирует, что бы ты ни делал. И в этом смысле ты свободен. Это та свобода, о которой Пушкин писал, применительно к результату своих творческих усилий: «ты им доволен ли, взыскательный художник?» Хотя есть в такой свободе и определенная опасность, потому что и графоман собою исключительно доволен. Но так устроена культура, так устроена жизнь человека: плюсы неизменно связаны с опасностями и минусами.

Например, если бы не развалился Советский Союз, я мог бы сейчас заниматься только писательством, жить на это. Но, с другой стороны, я не мог бы ни читать, ни говорить то, что я сейчас читаю и говорю. И это ценнее, чем бытовая устроенность. В нынешней ситуации есть другой минус: времени на творчество не хватает. И это главная проблема даже не моего поколения, а молодых. Талантливейшие ученики, великолепные поэты. Но именно потому, что они талантливы, они успешны, в том числе, в социальном плане. А вот писать и читать не успевают. И это, может быть, самый страшный искус: продавать первородство за чечевичную похлебку. Но последствия обычно бывают печальными. Нереализованный дар начинает как бы гнить внутри человека, все, что ты мог сделать по-настоящему и не сделал, возвращается подсознательным укором.

Лариса ВИГАНДТ.

Четвертая высота

текст

ЛАРИСА
ВИГАНДТ

**Найден
и поднят
безымянный
солдат.**
Все фото
Веры Уразовой.

Летом 2013 года краевой поисковый отряд «Высота» четвертый раз выехал в Республику Карелия в район села Ругозеро, где 7 сентября 1941 года приняли первый и последний бой 338 солдат, призванных с Алтая. Вместе с поисковиками в экспедицию отправилась съемочная группа «Алтайкиноцентра».

Каждое лето в карельском поселке Ругозеро поисковиков с Алтая ждут с нетерпением.

В это время на территории республики в местах бывших боев разбивают палаточные лагеря поисковики из самых разных регионов России. В этом году одновременно с алтайской «Высотой» в экспедицию прибыл отряд из Сыктывкара (Республика Коми). На протяжении почти двадцати лет в карельских лесах, на озерах и болотах работает местное объединение «Искатель». Все поисковики — местные и приезжие — знают друг друга; люди, составляющие костяк групп, дружат десятилетиями.

Вечером у отрядных костров, за чаем, неторопливо и обстоятельно, подводятся итоги дня и строятся планы на завтра. Обязательно звучит главный вопрос:

— Сколько сегодня подняли?

— Двоих.

— И мы — одного.

Поднять солдата — в этом смысл работы поисковика. Весной, пока земля в лесу не спряталась под густым травяным покровом, ведутся подготовительные действия. Местные поисковики, предварительно изучив советские и финские карты 1941—1944 годов, с металлоискателями и щупами прочесывают лес. Они находят и отмечают места, где лежат павшие солдаты. Ориентиром служат березы. Почвы здесь подзолистые, они типичны для хвойных лесов — березе нужна органика. Там, где выросла белоствольная, — там и лежит солдатик. Вот такой жутковатый код, и чаще всего он срабатывает.

Летом, с приходом поисковых отрядов, начинается активный этап работ: корчуются береза, снимается дерн, слой

земли, потом руками окапывается скелет, просеивается каждая горсть земли — важно не пропустить медальон. Пуговицы, гильзы, фаланги пальцев нужно отделить от желтой крупнозернистой почвы и отложить находки — каждую в свою сторону.

— Мы радовались любым находкам, — рассказывает боец «Высоты» Артем Тартарашвили. — Особенно ложкам. Где ложка — там боец. А иногда она бывает подписана, и тогда безымянный солдат обретает другую судьбу. Мечта любого поисковика — найти медальон, сообщить родным солдата, порадовать.

Нынешним летом бойцы отряда «Высота» подняли семерых советских солдат. И ни одного медальона. По статистике: один медальон приходится на 70–100 поднятых солдат — на разных территориях по-разному. О наших семерых известно лишь то, что они бойцы 73 погранотряда 1-й комендатуры капитана Базарова.

К ИСТОРИИ

**Один день войны:
7 сентября 1941 года**

19 августа 1941 года с Бийского вокзала на Москву ушел эшелон с новобранцами из 17 районов края, всего в поезде был 1021 человек. Большинству из них никогда не приходилось воевать, это были крестьяне, многодетные отцы. Эшелон направили в Карелию, где против Советского Союза выступал сателлит Германии — Финляндия.

В распоряжение командования формируемой дивизии Ребольского направления наши земляки поступили 1 сентября. Пять дней обучались действиям в бою. Были вооружены только винтовками.

Наступление на наши позиции вела элитная 14-я пехотная дивизия под командованием полковника Эрки Раапана.

Батальон с Алтая разбили на два, в первом — 600 человек, во втором — 400. Второй батальон получил приказ занять оборону справа от озера Маткалампи до озера Ругозеро. Задача: не пропустить врага к важнейшему стратегическому объекту — Кировской железной дороге, связывающей Мурманские порты и центр страны; держать оборону, чтобы дать возможность основным силам Ребольской дивизии (позже 27-й стрелковой дивизии 2-го формирования) избежать окружения и отойти на новые рубежи.

Бой начался 7 сентября в пять часов утра, к концу дня от батальона осталась небольшая группа едва стоявших на ногах солдат. Поставленная задача была выполнена.

Погибших не хоронили — они остались на занятой финнами территории. Много лет спустя карельские поисковики находили их лежащими или стоящими на коленях в окопах и наскоро выкопанных стрелковых ячейках.

Батальон наших земляков вошел в историю военных действий на Ребольском направлении как Сибирский батальон — так его называют в своих книгах и советские, и финские военачальники. Это же название закрепилось у карельских поисковиков.

7 сентября 2008 года на месте боя Сибирского батальона побывали родственники погибших солдат — дети и внуки. Поездка была профинансирована администрацией Алтайского края. В этот же день рядом с братской могилой на Ругозерском кладбище был открыт мемориал (возведен при финансовой поддержке губернатора Алтайского края).

К 78 фамилиям воинов Сибирского батальона, увековеченным на мемориале в 1987 году, добавились еще 195 фамилий. В 2009 году памятный список пополнился еще 91 фамилией воинов из Алтайского края.

Поисковый сезон «Высоты — 2013», без сомнений, можно считать очень результативным. В прошлом, 2012 году, не удалось найти ни одного солдата.

Катя Нетбайло и Женя Новохацкий второй раз приехали в Карелию в составе поискового отряда «Высота». В каком-то смысле они связаны с этой землей кровно.

Прадед Екатерины — Василий Невежин, призванный на Великую Отечественную войну из алтайского села Акутиха, принял свой первый и последний бой недалеко от карельского села Ругозеро. Потомки Василия Петровича и стали инициаторами многих общественных акций, направленных на увековечивание памяти о наших земляках, погибших в своем единственном бою 7 сентября 1941 года. Дочь красноармейца Невежина Руфина Васильевна и ее муж Анатолий Леонидович

Малютин способствовали открытию мемориального комплекса на братской могиле недалеко от села Ругозеро и памятного камня на вокзале в Бийске, откуда 19 августа 1941-го ушел на фронт эшелон с новобранцами. Внучка Василия Невежина — Татьяна Нетбайло организовала и возглавила отряд «Высота».

У командира «Высоты» Евгения Новохацкого под Ругозером сложил голову двоюродный прадед.

— В прошлом году я и не подозревал, что в этих местах есть родная мне кровь, — рассказывает Евгений. — По приезду домой мне позвонил дядя (он увидел сюжет о нашей экспедиции в теленовостях) и сообщил, что именно в этом бою 7 сентября 1941 года погиб его дед, а мне он двоюродный прадед. Зовут его Свиридов Демьян Ефимович, в военных документах он ошибочно записан как Дмитрий Ефимович. В этом году я ехал в Карелию с

какими-то новыми чувствами и на мемориале, прежде всего, нашел фамилию «Свиридов».

«Дядя Вася сказал...», «дядя Юра нашел...», «дядя Сережа видел...». Подобные фразы то и дело приходилось слышать от бойцов отряда «Высота».

Эти дяди — жители поселка Ругозеро, поисковики с огромным стажем, члены республиканского карельского отряда «Искатель», который выходит на военные тропы более 20 лет. Именно они — Василий Гулевич, Юрий Трефилов, Сергей Александров, и командир «Искателя» Владимир Хаменя (1963–2012) подняли на месте боя Сибирского батальона более 200 солдат. На счету карельских «искателей» — несколько именных медальонов наших земляков.

В блокноты ругозерских поисковиков переписаны данные солдат, поднятых с заветным эбонитовым пеналом: Сазанов Петр Трофимович, д. Загайново, Троицкий район; Мышлаков Янар Майманович, с. Бичикту-Боом, Онгудайский район; Мухачев Ниман Алексеевич, с. Налобиха, Косихинский район; Тур Яков Яковлевич, 1904 г.р.

— Я поднял вашего солдата с медальоном, — рассказывает Сергей Александров, подразумевая под словом «вашего» — боец с Алтая. — Открыл медальон, вкладыш читался. Оказался Ленкин Егор Васильевич, Марушинский район, Алтайский край. Мне очень хотелось увидеть его лицо, и я увидел. В книге «Сибирский батальон» Константина Сомова есть фотография Егора Ленкина, а книга есть в нашем музее.

Организация быта и результативность поискового сезона отряда «Высота — 2013» — во многом заслуга Василия Гулевича и Юрия Трефилова. Подготовительные работы по поиску солдатских захоронений, транспорт, инструктаж — все это их заботы.

Отношение ребят из «Высоты» к старшим товарищам-поисковикам иллюстрирует хотя бы такой случай.

В ночь перед отъездом из Карелии в палаточном лагере на берегу озера Маткалампи готовился прощальный костер.

— Пора зажигать, — предложила руководитель отряда Татьяна Нетбайло.

Дети хором ответили:

— Так дяди Васи еще нет.

В последнее воскресенье июля все поисковые отряды, работающие в Карелии, встречаются на тропе Варламова. Николай Гаврилович Варламов в 1943 году повторил подвиг Александра Матросова, закрыл грудью амбразуру финского дзота. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. К месту подвига люди пробиваются через болото, гуськом, след в след. У памятника герою, на лесной поляне, проходит митинг, подводятся итоги поискового сезона.

Здесь, в Карелии, не раз вспоминается фильм «А зори здесь тихие...», он снимался в этих краях. К легендарной кинокартине отсылают местные пейзажи, обязательно с зеркальной озерной гладью, отражающей берега и тишину. И как, оказавшись на болотной тропе, было не вспомнить Лизу Бричкину, одну из пяти девочек-героинь в «Зорях»?!

Варламовская тропа — это кульминация летней вахты Памяти в Карелии. Она каждый год собирает вместе тех, кто отдал поисковому движению годы жизни, и тех, кто соприкоснулся с ним впервые. Сейчас все они сосредоточенно идут через болото, ноги то и дело соскальзывают с мокрых досок, укрепляющих тропу, и уходят в болотную жижу по колено — в крови сгушается адреналин.

У нас, стоящих за видеокамерой, есть возможность наблюдать приближенные с помощью трансфокатора лица, которые, одно за другим, всплывают на дисплее. Ими нельзя не восхищаться.

Елена Иванова, внучка Героя Советского Союза Николая Варламова. За ней — ее сын Андрей несет на руках своего сына, пятимесячного Кирилла. Вряд ли когда-нибудь здесь был или будет

ПОИСКОВЫЙ ОТРЯД «ВЫСОТА» АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

1. **Новохацкий Евгений**, командир,
Барнаул, лицей № 129, 11 класс
2. **Вечерко Владимир**,
Барнаул, гимназия № 22, 11 класс
3. **Грекова Дарья**,
Барнаул, гимназия № 40, 11 класс
4. **Дегтярев Ростислав**,
с. Кытманово Кытмановского района, 9 класс
5. **Евсеев Сергей**,
Барнаул, лицей № 129, 11 класс
6. **Колесников Никита**,
с. Калманка Калманского района, 11 класс
7. **Кондратьев Михаил**,
с. Налобиха Косихинского района, 11 класс
8. **Лазарев Антон**,
Барнаул, лицей № 129, 9 класс
9. **Нетбайло Екатерина**,
Барнаул, лицей № 129, 11 класс
10. **Тартарашвили Артем**,
с. Налобиха Косихинского района, 11 класс

РУКОВОДИТЕЛИ ОТРЯДА

Нетбайло Татьяна Анатольевна,
учитель истории барнаульского лицея №129
Землякова Галина Петровна,
заведующая отделением
Барнаульского государственного
педагогического колледжа.

участник младше. Пятилетняя Настена, старшая внучка Елены, пробивается самостоятельно.

Виктор Иванович Рыбаков, один из основателей поискового движения в Карелии, краевед, участник Варламовского движения, Почетный гражданин республики. Ему 82 года, он в строю.

Наша Даша Грекова, боец отряда «Высота», барнаульская школьница, которая, знакомясь с нами, первым делом сообщила о себе: «Я вообще-то боюсь на кладбище заходить», но работала на равных со всеми — никаких исключений.

Александр Москвин, руководитель поискового отряда «Ветер времен» из Республики Коми, бывший капитан МВД, поисковик с десятилетним стажем.

Галина Петровна Михайлова, руководитель поисковой группы «Выговцы» и переводчик финского языка. Она добывает информацию из книг финских военачальников, где, кстати, есть некоторые сведения и о Сибирском батальоне. С ней ее внук Роман Михайлов.

Студент железнодорожного колледжа Михаил Лазоренко, ругозерец, шел по тропе на костылях. Не мог не прийти — травма не причина.

После митинга у памятника Варламову все участники, а это около двухсот человек, вновь через болото возвращаются на твердую почву, к озеру Видалампи. Здесь ежегодно проводятся соревнования между командами поисковиков и местных жителей из близлежащих районов. Второй год подряд поисковый отряд «Высота» из Алтайского края занимает 1-е место в общем зачете (стрельба, эстафета, волейбол).

Наша съемочная группа всматривалась в этих подростков из Барнаула, из сел края. Для нача-

Участники поискового сезона — 2013 в Карелии. В центре — поисковик, житель села Ругозеро Василий Гулевич; рядом с ним в форме (слева направо) Михаил Кондратьев, Екатерина Нетбайло, Дарья Грекова, Евгений Новохацкий; без формы — дети карельского поисковика Сергея Александрова.

Тропа Варламова проходит через болото.

ла они сразили нас своими ответами по истории Великой Отечественной войны: «А мы это еще не проходили». Удивили тем, что мало кто из них знает свою семейную фронтовую историю.

И все-таки эта десятка была нам очень симпатична. Ребята с воодушевлением отдавались делу; работали столько, сколько требовалось; без напоминаний дежурили по кухне; дисциплина в лагере была отменная. Они были по-юношески неутомимы, и достаточно быстро осваивали новые знания. Очень скоро школьники с Алтая могли отличать советские военные находки от финских, четко отслеживали порядок действий при раскопах и по ряду признаков могли определить, откуда двигался враг и как ему противостояли советские солдаты. Картина боевых действий, по крайней мере, на Ребольском направлении теперь была ясна ребятам — постигать историю им довелось на поле битвы.

— Приеду домой, расскажу одноклассникам, что видел здесь, каких людей встретил, — делился с нами будущим Артем Тартарашвили. — Находишь бойцов,

СНИМАЕТСЯ ФИЛЬМ

Видеоматериал о работе алтайских и карельских поисковиков, отснятый в июле 2013 года в районе села Ругозера, войдет в документальный фильм, который расскажет о солдатах, призванных в 1941 году с Алтая и павших смертью храбрых в составе Сибирского батальона на Карельском фронте, об их потомках, хранящих память об отцах и дедах.

Одной из сюжетных линий фильма станет тема дружбы, которая объединила сотни людей в разных регионах России и которая возникла благодаря деятельности бойцов поисковых отрядов.

В съемочную группу вошли режиссер Вера Уразова, автор сценария Лариса Вигандт, оператор Геннадий Хитрин.

понимаешь, как они сражались, за что. Сопереживаешь, будто попадаешь в то время, чувствуешь моменты жизни бойца. Тут задумываешься о смысле жизни, для чего начинаются войны и как их остановить... Приеду, спрошу отца о прадеде. Знаю, что он воевал, даже остался жив, а как зовут, не знаю.

— Я каждый день открываю тут для себя что-то новое, — говорит Никита Колесников. — Научился ставить палатку, к примеру. Находил каски, гильзы, патроны, осколки, хвостовики от гранат. Копать оказалось довольно трудно, а я думал легко. Честно говоря, и не представлял, каким будет этот лагерь и что мы там будем делать. Думаю, что мы делаем хорошую работу, благородную. Люди, которые здесь погибли, они заслуживают того, чтобы быть похороненными с почестями. А не просто упасть в землю и все.

Отряду «Высота» оказывает шефскую помощь краевая служба судебных приставов. В этом году приставы подарили поисковикам десять качественных лопаток, а некоторые сотрудники сочли правильным отправить в Карелию своих детей.

— Папе сказали, что из этого лагеря приезжают другими людьми, — рассказывает нам Ростислав Дегтярев. — Этот лагерь, в самом деле, лучше, чем те, в которых я бывал прежде. Там все игры какие-то, здесь — дело. Мы поднимаем солдат. Из Кытмановского района, где я живу, тоже тут воевали люди. Говорят, что несколько лет назад нашли здесь уроженца нашего района из села Старые Тараба. Мне очень хочется найти бойца из Алтайского края.

Действительно, ребята вернулись домой другими: какой опыт приобрели, с какими людьми познакомились, каких друзей нашли!

Три солдатских медальона

Пока номер готовился к печати, из села Ругозера сообщили, что Василий Гулевич вместе с группой поисковиков в Муезерском районе Республики Карелии подняли солдата с медальоном.

Им оказался Пустовой Михаил Фомич, призванный Киевским военкоматом. 22 сентября состоялось торжественное захоронение останков солдат, поднятых летом Алтайским краевым отрядом «Высота», в братской могиле на ругозерском мемориале.

По сообщению карельского поисковика Сергея Томашева, в этот же день в Пряжинском районе Карелии поисковики из отрядов «Совесть», «Память», «Карельский фронт» на высоте 168,5 подняли останки пяти красноармейцев и три медальона. Один пенал был пустым, но две записки удалось прочитать. Оба солдата оказались из Павловского района Алтайского края.

**Леонтьев
Дмитрий Арсентьевич**
из села Новообинцево.

**Панов
Григорий Максимович**
из Боровиковского сельсовета.

Оба солдата считались пропавшими без вести. Стоит отметить, что медальон красноармейца Панова нашла Татьяна Ковалева из Москвы, правнучка солдата Шадрина Григория Афанасьевича, из Краюшкинского сельсовета Первомайского района Алтайского края. Он погиб на этой же высоте, его останки были найдены в прошлом году.

Космический Родионов

Ушел из жизни русский писатель Александр Михайлович Родионов.

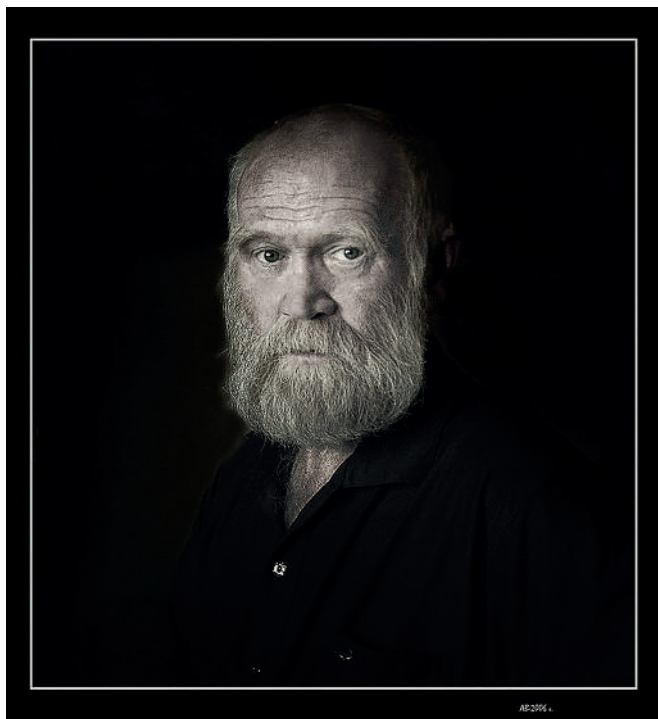

Фото
Александра
Волобуева.

текст

ЛАРИСА
ВИГАНДТ

Обернулась назад — нашей дружбе 20 лет. Пока еще нет осознания, что его уход — это бесповоротно, навсегда. Делая наброски к статье, ловила себя на мыслях обратиться к нему, задать вопрос, уточнить.

Мне хочется рассказать (пусть отрывочно пока) о том, каким я его знала.

* * *

— Хочу тебе стихи прочитать, — прямо с порога объявил мне Александр Михайлович.

Я устраивалась за его круглым столом, поближе к книжным полкам, чтобы можно было, как всегда, рассматривать корешки книг, фотографии и минералы.

— Попробуй угадать, кто автор. Я был поражен, совершенно не ожидал, — он открыл записную книжку и начал:

Враги умолкли — слава богу,
Друзья ушли — счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь.

Затишье душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него еще, быть может,
Проснется кто-нибудь другой.

Родионов время от времени отрывался от строк и поглядывал на меня, проверяя встречную реакцию. Он готовил интеллектуальный сюрприз, мечтал ошеломить, потряхнуть мои литературные устои и в предвкушении улыбался.

Я тоже улыбалась. Мне, в свою очередь, не терпелось проявить знание, но, как первоклашка, не решающийся прервать на полуслове учителя, я дождалась последней строки. И, как только чтец остановился, выпалила торжественной скороговоркой:

— Я знаю это стихотворенье!

Улыбка спрыгнула с его лица, и, как бывало, когда овладевали им растерянность или волнение, он часто заморгал.

— Ну, и кто же это? — сухо спросил.

— Ершов. Сказочник, автор «Конька-горбунка».

— Вот, бляхин — ку-ку! А ты откуда знаешь?! — гаркнул радостно, выкинув вперед руку с блокнотом.

Родионов любил удивлять знаниями. И не было проще способа вызвать его удивление и расположение, чем сообщить что-то новенькое из области русской литературы или истории Сибири. Так сказать, припереть его к стенке открытием, хотя бы небольшим. Он ценил, как никто, крупницы информации, которые, может быть, имели всего лишь уточняющее значение, а добывались месяцами. Да и как ему, прошедшему половину жизни в архивах и библиотеках, было их не оценить!

* * *

В мае, по возвращении из Санкт-Петербурга (где в национальной библиотеке набирал материал для новой книги*), он позвонил.

— У меня вот какое дело к тебе. Я не успел про Женю Гущина написать. Мы можем с тобой поработать, как прошлый раз?

Работа заключалась в следующем: он наговаривал на диктофон текст, я снимала звук, приносила распечатку, он правил — окончательный вариант шел в печать.

Это «я не успел» перевернуло меня. Вот так, значит, спокойно, по-деловому он завершает земные дела, спешит отдать долги, не подвести друга, несколько лет назад уже пережившегося в мир иной.

Но в тон ему, без особых эмоций, отвечаю:

— Конечно. Только у меня диктофон сломался, давайте на камеру запишемся.

На том и договорились.

Последние месяцы и дни, отведенные ему, — это пример отчаянной стойкости. Никаких разговоров о болезни, ничего о приближающемся последнем рубеже. Он требовал новостей, обсуждения книг, выставок и спектаклей. Спрашивал о планах и строил свои! Стихия интеллектуального движения была для него родной, естественной, самой комфортной.

Сейчас передо мной лежат ежедневники Александра Михайловича Родионова за последние четыре года. Узкие горизонтальные планинги густо почерканы в десятом, одиннадцатом, двенадцатом годах. На каждой неделе по несколько встреч. Графы пестрят знакомыми фамилиями. Вереницей следуют музейщики, художники, промышленники, архивисты, музыканты, журналисты, историки, литераторы. Иногда рядом пометка, о чем нужно переговорить. С каждым — своя тема. Шишкова, музеи, архив, педагогика — площадки в Барнауле, где предстоят выступления, здесь он бывает чаще всего. Поездки: Бийск, по Скандинавии, Кольвань, Санкт-Петербург, Уюк. Почти всегда с восклицательным знаком имя дочери: «Звонила Вероника! Встретиться с Вероникой!» Этим же настроением ежегодно отмечен день 26 октября: «Родились малышки!» Это о внуках-двойняшках Андрюше и Ане. Всегда готовил для них подарок, прятал, а детям вручал план: «Ищите тайник».

На страницах рассыпаны задания самому себе, темы и вопросы к литературной работе, очень редко можно встретить отношение к тому или иному человеку (успокою сразу всех: ничего плохого), стихотворные наброски.

И когда головы над столешней
Не хватает поднять могуты,
Долетит: это там вокруг скворешней
Воробы затевают труды.

Там вершится в ветвях тополиных
Обновление брошенных гнезд
И роится в долёте недлинном
Жизнь далекая в сонмище грез.

*Книга о сибирской монете была заказана А.М. Родионову Алтайским отделением Центробанка.

Этот рифмованный кусочек из книжки за 2013 год. Последняя запись в ней сделана 26 мая: «Были Лариса и Вера — видеозапись о Гущине».

Мы уместились на уличной веранде его дома вчетвером. Тесновато, но атмосфера вполне рабочая, творческая — как всегда у Родионова. Для Александра Михайловича принесли столик, кресло. Два объектива — видео и фото — напротив него. За камерой Вера Уразова, за фотоаппаратом — Александр Волобуев. На круглой столешнице свежесваренный чай, мед, выпечка. Пирог утром успела постряпать моя мама, сунула мне сверток со словами: «Александру Михайловичу». На улице солнечно и тепло, на веранде — пульсирующая тень от листьев набирающего силу дико винограда.

Перед камерой Родионов был ответственным и честным. К съемке подготовился: перед ним лежал листок с пронумерованными короткими строчками. Много из того, что сказано им о Евгении Гущине, в полной мере можно отнести и к самому Александру Михайловичу. Например, такое наблюдение: «Какое-то горькое правило российской жизни: мать всех талантливых людей — обида в детстве».

Мы оставим расшифровку этой темы на потом — не время пока.

В том майском интервью он поразил меня какой-то последней откровенностью. Чувствовалось: она была ему необходима и давалась легко. Небезболезненный разговор с Гущиным, составленный когда-то с глазу на глаз, Родионов мог бы утаить — никто не узнал бы о нем никогда. Но — нет, рассказывает:

— Мы в частном разговоре с Евгением завели речь о главном герое моего романа «Князь-раб». И он, между прочим, ронет: «А Гагарин-то у тебя никакой». Репу чесать поздно, потому что первая часть уже публикуется. Но я задумался над тем, каким должен стать Гагарин во второй части. Не стал об этом говорить Гущину. Проболтаешься, потом не напишешь — это железный закон. Года три спустя, уже Гушин не работает в журнале, и мы встречаемся на углу улицы Пушкина и Ленинского проспекта. Он ни с того ни сего говорит: «А ты что, не продолжаешь что ли роман?» — «Да как-то не собрался. Другим занят. Летописью Барнаула» — «Ты что! Бросать такую тему нельзя». Значит, он видел перспективу развития романа, и по-дружески надеялся, что получится. Для меня эта поддержка была важна. Я сел за вторую часть романа. И разговор про Гагарина памятовал всегда. В первой части Матвей Гагарин нейтральный, другим он станет позже, когда дело дойдет до открытого конфликта с Петром I. Там и проявится русский сибирский характер — гагаринский.

* * *

Уже стемнело, а мы все оставались в парке. За столиком на уличной веранде кафе нас четверо, все — читающие, и даже слегка пишущие. Холодно, но как бросить спор о родионовском «Князе-рабе». Он же — «Азь грешный», под этим заголовком печаталась в журнале «Алтай» первая часть романа.

— «Аз грешный» — это хорошо, — говорит один из нас. — Но кто прочитал этот роман? И возможно ли его прочитать?

Родионов иногда заводил со мной разговоры о «Князе-рабе», начиная со слов: «Помнишь, там Гагарин...» Отводила глаза, бессовестно врала, что не дошла до этого места. На беспомощный обман мой он усмехался. И обижался, это ж понятно.

Теперь, когда Александр Михайлович ушел, у меня возникла потребность открыть книгу. В первую очередь потому, что знала: на ее страницах я встречу Родионова снова. Так и произошло, эти аудиенции с ним получились весьма интересными. И сейчас, в парке, я встала горой и за Князя, и за Раба.

«Тогда уж язык во рту не жуй, а покажи, что все по своему разряду-приказу ведаешь», — так сказал бы Родионов к подходящему случаю.

Даже не читая роман, ясно: на его страницах Родионов во многом зашифровал себя, выговорился — зрелый человек и зрелый писатель. Названия книг уж больно говорящие. Князь и раб — две стороны одной медали, противоборствующие сущности, уживающиеся в человеке. И в нем, Родионове, тоже, а, может быть, прежде всего.

Давно, как только появились в печати первые главы «Аза грешного», я спросила его:

— Это вы о себе?

— И о себе тоже, — кивнул бородой. — Аз есмь грешный.

Родионов, сам сибиряк, с нравом сильным и крутым, (он сказал бы «с кремешком в норове») знал из чего создать «русский сибирский характер — гагаринский». Тут почему-то не кажется лишним сказать «характер космический». К этой мысли подталкивает историческая данность: Гагарин — фамилия первого губернатора Сибири и первого космонавта планеты.

Матвея Гагарина в основе Родионов делал из себя (такова уж природа творчества), и потому характеры их — это го-

могенный микрокосм. Он — в редком даре самобытно видеть и понимать мир, в мятежной душе, в способности выдерживать противостояние с планетоподобными особами, в умении созидать, гордиться своей землей и защищать ее.

Как актуальны, как понятны современникам Родионова слова Гагарина, яростно выплеснутые в лицо Петру I: «Я все в Сибирь сволакивал ради крепи ее. А ты хотел, чтоб Сибирь, как девка всем доступная, при кабаке твоём стояла? Подходи любой! Хоть зюнгорец раскосый, хоть кайсак вороватый. Подходи все, а она — ляжки нарастопашку! Вон и китаец уж

поглядывает — не задрать ли подол сибирский, не смять ли под себя ее плоть девственную. Я велел крепость на Косоголе поставить. А ты указал ее скрыть».

«Князь-раб» — это роман-эпопея (между прочим, не так много в литературе произведений, имеющих столь высокое жанровое обозначение). Он дает подробную и живописную панораму жизни на сибирских просторах в XVIII веке. От Кунгура до Анадыря. От Петра I и Матвея Гагарина до жены рудознатца Степана Костылева и какого-нибудь поручика Сверчкава. В художественной форме это выполнено впервые(!).

Многолюдно на страницах романа, герои толкаются, каждый норовит запомниться читателю. Рядом с реальными историческими личностями идут люди, созданные авторской фантазией, но, попробуй, отличи их — они также живы и непринужденны в стихии Петровского века. И только фамилии из окружения Родионова — Гуцин, Волков — наведут на мысль: характеры некоторых героев списаны с друзей.

Другим, думаю, самым любимым своим персонажам, автор отдал самое сокровенное в себе — детство. В книге описаны реальные случаи из детских лет Александра Родионова. «Детство перебирать» он доверил рудоприщикам Степану Костылеву, Феде Комарку, Михайле Волкову. «Он мать свою, Марью нашу, вспоминал, как она ему однажды в малолетние годы говорила: «Смотри, Мишенька! Подорожник уже четыре листочка выбросил. На все четыре стороны дорожку указывает».

Образный язык перенял Александр Михайлович от бабушки своей Марфы Яковлевны Черкашиной, под ее теплым заботливым крылом согревалось его ребячество. Она, самый близкий и родной человек Родионову, часто появляется на страницах книги незримо, отдавая свою сочную народную речь другим героям.

«— Однако дверь калачика просит, — проговорил, ни к кому не обращаясь, Фильшин. <...> Дверь и в самом деле просительно-жалобно пела, поворачиваясь на деревянной стылой пяте». Так, слово в слово, говорила Марфа Яковлевна, и славно, что живой говор ее не пропал, пригодился внуку-писателю.

Очень скоро понимаешь: действующих лиц не сотни — тысячи. Уже на первой странице книги их больше дюжины. «Хорошо, хоть не чертова дюжина на мне замкнется, — подумал губернатор, втискиваясь в круг застолья, — кажись, двенадцатым вошел». Вообще любопытно было бы сосчитать, сколько героев действует в «Князе-рабе».

Автор пишет и планиду русских первопроходцев, и «разноязыкий, разноликий, пестрый азиатский мир, объединенный караванным ритмом жизни». Здесь китайцы, монголы, джунгары, телеуты, казахи, маньчжуры, тибетцы — у всех претензии на сибирские земли. «Да только кому же захочется тесниться, хоть и просторна Сибирь?», — вопрошает Родионов, зная все тайные желания «маньчжурских мандаринов».

Тысячи героев и тысячи географических названий.

У Родионова был особый дар: он мог мысленно видеть земную поверхность Сибири как бы сверху, то снижаясь над ней, то удаляясь, — тем самым регулируя масштаб видимого. Кажется, он знал наизусть эту часть земли, составляющую более двух третей территории всей России, и легко представлял ее и в географическом атласе, и в топографических планах местности. Он свободно, в виртуальном режиме, двигался по рекам и дорогам, знал, сколько дней пути отделяют русские крепости и стоянки азиатов, то словно приземлялся в определенной точке, в какой-нибудь Таре, и описывал местный пейзаж во всех подробностях, как будто сто лет прожил там.

Мне приходилось бывать в поездках с Александром Михайловичем. Мотнет, бывало, головой в окно автобуса, указывая таким способом направление, и скажет: «Здесь шла рудовозная дорога».

Где он ее увидел в ровной до горизонта спело-прожаренной, словно блин на огромной сковородке, степи?! В бесконечных пространствах Сибири Родионов ориентировался также легко, как мы — на улицах родного города.

Был еще один человек подобной одаренности — Матвей Петрович Гагарин, первый губернатор Сибири и главный герой книги «Князь-раб», о котором автор напишет: «...судьба заста-

графией — первая летопись бывшего города горных инженеров, а теперь столицы Алтайского края сотворена в большей своей части его трудами.

* * *

Родионов искренне болел за Сибирь и Алтай. Радовался, когда здесь брали старт мощный проект или здравая идея, — и неважно, происходило это в исторической ретроспективе или в настоящее время. Причем с таким воодушевлением и гордостью рассказывал об алтайских достижениях, словно это он лично все придумал и сделал.

РОДИОНОВ

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

06.05.1945 — 16.08.2013

Родился в селе Ивановка Егорьевского района Алтайского края.

Произведения автора:

Начало поля: стихи. 1975

Краснотал: стихи. 1977

Чистодеревцики. 1981

Портрет реки: стихи и поэмы. 1982

Из биографии ручья: стихи,

поэма. 1983

Колывань камнерезная. 1986

На крыльях ремесла. 1988

Красная книга ремесел. 1990

Барнаул: летопись города. 1994

Азь грешный. 1998

Барнаул: летопись города (полный

вариант до 1999 г.), 2007

Князь-раб. В 2 томах. 2006, 2007

Алтай-Беловодье. Ред-сост.

А.М. Родионов. 2007

Барнаул (в серии «Тобольск

и вся Сибирь»), 2011

Одиное дело мое. 2011

вит его перебирать в памяти все подробности трудновместимой в сознание земли, Сибирского царства...»

* * *

Почему я так много говорю про «Князя»? Видимо, все еще доказываю своим оппонентам по парку, что роман этот главный у Родионова и программный. Читать его можно и нужно.

Помимо того, что это эпопея, энциклопедия, книга дает простое и ясное понимание негромкого человеческого счастья. Что человеку нужно для счастья? Что нужно было Родионову, что он ценил более всего?

Первый том — «Азь грешный» — заканчивается фразой: «И-и-из! Золотко мое — дорога...» У второго такая концовка: «Ну вот она — моя Златая баба. Живая и солнечная...», — замер Степан в дверном проеме, любуясь женой и сдерживая крик». Вот и ответ на вопрос, что такое счастье: дорога-дело, дом-семья-любовь.

Мне известны несколько человек, прочитавших роман «Князь-раб» от корки до корки.

Ирина Березюк, литературный редактор издательства «Алтай», которой довелось работать со многими известными в крае писателями, по прочтении двухтомника Родионова (при жизни его) сочла возможным сказать:

— Саша — живой классик. Многое сотрет время, но Александр Родионов останется — в литературе и истории.

Тут, наверное, уместно вспомнить будет о том, что Александр Михайлович Родионов является застрельщиком многих интересных инициатив на Алтае, которые со временем перешли в разряд культурных традиций. Он стоял у истоков Дней славянской письменности и культуры; Демидовские балы (в том первоначальном классическом их виде) — его детище от и до; при его содействии начал работу Клуб любителей алтайской старины в Шишковке; Барнаул обязан ему своей био-

С какой душой он говорил о строительстве православной церкви Святой Троицы в Антарктиде! Конца-края не было видно его ликованием от того, что дело связано с Алтаем, с мастерской архитектора Петра Анисифорова. Кажется, сам Петр Иванович, присутствовавший тут же, не испытывал подобного накала эмоций.

«А наш замечательный горный инженер Петр Козьмич Фролов! — в этом случае у меня есть возможность привести горячий пассаж Александра Михайловича дословно. — Фролов — знаток старорусского языка. Например, когда Карамзин писал свою «Историю государства российского», он пользовался летописями, и были темные места. Главный книголюб и хранитель старых рукописей в библиотеке, Ермолаев, и тот не мог все понять, неоднозначно прочитав непонятное слово. Тогда приглашали Фролова и вместе бились над расшифровкой слов. Горный инженер Фролов, который в Барнауле занимался выплавкой серебра и золота, приходил в публичную библиотеку и помогал расшифровывать тексты. Вот это были инженеры! Это были настоящие русские инженеры!»

Пламенные речи чаще всего произносились все за тем же круглым столом в его небольшой квартирке, где порой тесновато становилось от гостей, которые, не сговариваясь, после работы шли на угол улиц Пушкина и Горького. По чашкам разливался чай (иногда напитки погорячее), хлебосольный хозяин метал на стол угощение, и вскоре пространство было заполнено новостями, идеями, вопросами, оценками (многие приходили к Родионову именно за тем, чтобы услышать его отношение, вердикт) и мнениями — время за интеллектуальным пиршеством летело незаметно.

* * *

С беспокойством поглядываю на количество знаков в тексте: возможный объем журнальных полос исчерпан, а Родионов-то еще и не начинался. ◀

СЕРГЕЙ ТЕПЛЯКОВ
СЛЕДЫ 1812-ГО ГОДА

Барнаул, 2013

Сергей Тепляков, стремительно ворвавшийся в литературный процесс на Алтае всего два года назад, не перестает удивлять читающую публику ежегодным появлением своих новых книг. При этом обращают на себя внимание их жанровое разнообразие и отличное, по местным меркам, полиграфическое исполнение. Подать книгу читателю для Теплякова так же важно, как и увлечь читателя уже в процессе чтения. Вот и новая книга известного журналиста, а теперь и писателя Сергея Теплякова в полной мере обладает данными качествами.

Название, закрепленное в библиографическом описании книги — «Следы 1812-го года», — по-современному кратко и, пожалуй, малоинформативно. На обложке и титульном листе отражено более обширное, совсем в духе эпохи XVIII–XIX вв., заглавие: «Следы 1812-го года. Алтайская земля в Наполеоновскую эпоху и Отечественную войну. Люди, события, легенды, факты, вещи и архивы». Подобное стилизованное под традицию галантного века название, пусть и косвенно, помогает читателю почувствовать тонкий флёр ушедшей навсегда эпохи. А может, это еще один след ее, на который указывает автор книги?

«Следы...» относится к типу научно-популярного краеведческого издания. Как раз этот краеведческий компонент и является новым для творчества Теплякова (если не считать «Дело архаровцев»). Новая книга по структуре и композиции чем-то напоминает замечательную книгу Александра Родионова «Одинокое дело мое»: ряд очерков-историй о каком-либо событии, в данном случае, связанном с Отечественной войной 1812 года. Да и сам Александр Михайлович стал персонажем не одного очерка в книге Теплякова. Вот вместе с писателем он идет по следу изготовленных на Кольванской фабрике для храма Христа Спасителя яшмовых колонн, пропавших после разрушения собора в 1931 году. А вот уже в Париже Родионов ищет знаменитую вазу из коргонского порфира, подаренную Александром I Наполеону после заключения Тильзитского мира... Без сомнения, рожденный и взлелеянный когда-то Александром Родионовым дух алтайского литературного краеведения царит и в книге Сергея Теплякова.

Вышесказанное, отнюдь, не снижает ценности самостоятельной исследовательской работы, проведенной автором «Следов 1812-го года». А работа в действительности сделана немалая: поиск в архивных и музейных фондах, анализ научной литературы и интернет-источников, встречи с людьми. Но, как часто бывает, самые неожиданные и интересные открытия ожидали Сергея Теплякова совсем рядом — в Государственном архиве Алтайского края.

Был у нас на Алтае, оказывается, свой страдалец — Железная маска. Почти по Дюма, но, как водится, совершенно в духе российской действительности. Некто «иностранец Пертозе», сосланный в 1812 году в Салаирский рудник по личному распоряжению Александра I. Дело Пертозе было

секретным, нигде он не назван по имени, да и о вине его перед императором не говорится ничего. Только то, что «он человек есть вредный государству». Вести разговоры с Пертозе запрещалось, за ним был установлен тщательный надзор. Семь лет бедняга провел на Алтае, работа на руднике сильно подорвала его здоровье. Лишь в 1819, после официального прощения, Пертозе был подлечен и откормлен — и через Тобольск и Белосток препровожден за пределы Российской империи. Причины, по которым «иностранец Пертозе» попал в немилость к монарху, его дальнейшую судьбу Сергей Тепляков впервые пытается проследить в своей книге. Сюжет, достойный авантюрно-приключенческого романа. История, которая еще ждет свою разгадку, — и в этом ее ценность.

Приведенный в конце книги список архивных дел Государственного архива Алтайского края, использованных при ее написании, — не только свидетельство серьезной фактической основы книги, но и отличный ориентир при поиске материала для будущего исследователя алтайского среза Наполеоновской эпохи.

Нет нужды перечислять все темы, затронутые Сергеем Тепляковым в новой книге. Есть среди них и те, которые уже могли быть знакомы любителям алтайской старины по другим источникам (история Томского мушкетерского полка, «приключения» алтайской вазы, подаренной Наполеону, биография генерала Антона Сналлона, сбор пожертвований на войну 1812 года на Алтае, история походной кровати генерала Федора Розена и т.д.), много и тех, которые «раскопаны» и опубликованы впервые Тепляковым (уже упоминавшаяся нами история Пертозе, часть истории Флегонта Ложникова, сбор алтайского ополчения, события, ставшие основой очерка «Кое-что о временах и нравах», кондитерские десерты современных барнаульских кофеен, имеющие корни в Наполеоновской эпохе и др.). Все эти истории, собранные под одной обложкой в рамках одной темы, удачно дополняют друг друга, и действительно позволяют читателю ощутимо представить, насколько реальны следы далекой эпохи Отечественной войны 1812 года в нашей теперешней повседневной жизни.

К недостаткам книги можно отнести, на наш взгляд, жанровый разнородный очерков, ее составляющих. Наряду с научно-популярными очерками, отражающими научный поиск Теплякова-писателя, есть целый ряд откровенно газетных репортажей Теплякова-журналиста («Машина времени — на 200 лет назад», «Гусары среди нас» и пр.). Все они посвящены современным событиям, не относятся к теме собственно исторической реконструкции и не совсем вписываются в структуру книги, выполняя лишь роль своего рода декора (по своему объему и наличию красочных фото лишим образом дополняют собственно краеведческий материал книги).

«Следы 1812-го года», пожалуй, первая книга Сергея Теплякова, которая может быть рекомендована для читателей возрастной категории 12+. (В издании «Век Наполеона. Реконструкция эпохи» автор позволил себе ряд «недетских» выражений и одиозных тезисов; роман «Бородино», пожалуй, сложноват и скучноват для подростка; «Двуллеры» — вообще от детей надо держать подальше). Более того, школьники — та возрастная и социальная группа, которой мы в первую очередь советуем прочитать эту книгу: познавательная ценность и сдержанность суждений при отсутствии назидательной агрессии, помноженные на богатое визуальное сопровождение и доступный язык изложения, — все это вкуче делает книгу приемлемой для адекватного восприятия подростком. Для зрелого читателя эта книга, без сомнения, станет еще одним интересным приобретением для домашней библиотеки!

Дмитрий МАРЬИН.

ВЛАДИМИР ТОКМАКОВ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО**Стихи разных лет**

Барнаул, 2012

Рецензировать книги — дело опасное и неблагодарное. Иногда хочется начать очередной отзыв бессмертной фразой Карамзина: «Ваша новая книга ничем не уступает предыдущим творениям вашим», иной раз вслед за Анной Андреевной Ахматовой хочется в сердцах воскликнуть: «Слушая молодых поэтов, всегда находишься в положении врача, который без конца говорит: «У вас рак, у вас рак, у вас рак...» Так и мне необычайно трудно писать отзыв на итоговую книгу Владимира Токмакова, автора признанного, известного, мастера на все руки — журналиста, романиста, поэта и критика. Ведь поэт, даже самый лучший, подобен тетереву на току: себя он не слышит и потому не знает своих слабых и сильных сторон. Поэтический эксперимент Токмакова длится четверть века. За это время стихотворец, кажется, перепробовал самые разные размеры, строфические формы, но несомненного успеха добился лишь как сочинитель верлибров. Если, пользуясь регулярными размерами, автор пишет порою стихи неблагозвучные, неправильные, нарушает правила сочетаемости согласных в монолитной строке, позволяет себе составлять хореическую строчку почти сплошь из односложных слов («Город был для ливня мал — / он в него чуть не промазал»), то верлибр дает Токмакову искомую свободу и силу:

Люди — всего лишь
Мелкие лужицы
На асфальтовой площадке
После летнего дождя.
Но в этих лужицах
Отражается небо.

Да, философичность Токмакова — вещь обоюдоострая: желая сказать парадокс, автор порою изрекает многозначительную банальность или плоско шутит, но иногда ему действительно удаются шикарные афоризмы, как в этих простых, скупых строках, «точных и нагих», согласно завету Маяковского. Что сказать об остальном материале, составившем 200-страничный том?

Красивы и живописны сонеты, датированные девяностыми годами, трогателен цикл «Солдатских сказок», остроумно и глубоко стихотворение-центон по мотивам пушкинской фразы «Поэзия должна быть глуповата», которое заканчивается знаковым выводом: «Поэзия никому ничего не должна», утверждая примат эстетики над идеологией. Но пристрастие автора к сомнительным остроумам («Если у женщины есть вход, то должен быть и выход!») явно отравит некоторым читателям удовольствие общения с книгой. В целом же поэтический стиль Токмакова неправилен и неряшлив. Он ничтоже сумняшеся пишет: «боюсь пошевелиться телом», «телом своим сутулюсь», «девочка шепчет губами... А чем еще, простите, можно шевелиться, сутулиться и шеп-

тать? Книга не зря названа «Личное дело»: дескать, не мешайте, не судите мой творческий эксперимент, просто слушайте. Издай автор книгу избранных верлибров — он стал бы воистину бессмертен, обрел художническую правоту. Надеюсь, что это дело будущего, что оригинальность и талант Токмакова-верлибриста будут по достоинству оценены, а рифмованные опыты его справедливо забыты.

Максим ЯРЦЕВ.

ВЛАДИМИР ПАСЕКА

**И ДЕРЕВЬЯ КАЖУТСЯ
ЛЮДЬМИ****Стихотворения**

Барнаул, 2012

Пасека — необычайно культурный поэт, если говорить о культуре художественной: все его стихи стилистически выверены, эпитеты точны, строфы лаконичны — ни прибавить, ни убавить. Наблюдения автора часто достигают афористической силы, становясь безупречными поэтическими формулами:

Любовь моя — букет осенний,
И кто-то, в дождь,
Торгует им.
.....
На душе моей чисто и благостно,
Словно в горнице, полной цветов.

Настроение стихов — чаще всего элегическое, это плач о прожитой жизни, но плач скромный, экзистенциальный, не выходящий за рамки приличий. «Того, что было, не вернуть» — тема знакомая и без натуги становящаяся поэтической.

Жаль, что ориентиры Пасеки в поэзии — Есенин, Клюев, Рубцов, Жигулин — серьезно ограничивают его в выборе тем. Их немного: детские воспоминания, плач о родной земле, картины полей и леса... И герои знакомы, милы и предсказуемы: дед, бабушка, мать, деревенские кокетки, артистичный баянист — как будто Василий Белов записал в рифму свои приснопамятные рассказы. Так под пером равнодушного человека стихи становятся энциклопедией деревенской жизни: вместе с автором мы любимся пожаром рябины, ощущаем дуновение полевого ветерка, вдыхаем запахи сена и мяты, бродим по сельскому кладбищу, наслаждаемся приходом осени, топим баню, слушаем пенье петуха. Стихи заражают немудрящими эмоциями и песенным напевом:

Звенят рябиновые кисти
Моей нетронутой глуши,
Как нескончаемые мысли
О первозданности души.

Этим знаком отмечены книги, вышедшие в рамках краевого издательского конкурса.

Только в глуши, верно, и отдыхает герой этих стихов: лесные прогулки явно нужны ему для восстановления душевного равновесия. Волею судьбы он покинул родную Майму и склоны Лазарюхи, но горькая память продолжает мучить поэта и в городе:

И всё чаще снится мне
Умершая мама.
.....
Мне снова приснилась напевная наша калитка...

И пусть Пасека не чужд рефлексии, по складу души он не индивидуалист, а коллективист, носитель соборного сознания. Его лирическое «я» растворено в пейзаже, оно является лишь оптическим прибором для постижения красоты:

Ничего мне, брат, не надо —
Лишь бы пели у окна.

Автор даже тяготеет ролью книгочея, периодически устаёт черкать, и его герой, по выражению Николая Клюева, «уходит в поле к лознякам, чтоб посмотреть, как мир безмерен...» Что ж, доля завидная. Главное, что книжечка этих стихотворений издана по губернаторскому конкурсу не зря, справедливо. Иногда на поэтическом безрыбье удаётся поймать здоровенную щуку. Хотя редко, хоть раз в год...

Константин ГРИШИН.

С.Ф. УЖАКИН, А.С. УЖАКИН
**ГОРОД НА ПЕСКАХ.
БАРНАУЛ НЕФОРМАЛЬНЫЙ**

Барнаул, 2013

Книга отца и сына Ужакиных вызвала живой интерес любителей краеведения сразу же после появления на прилавках самого большого книжного магазина нашего города. Одна из причин этого — достаточно мощное информационное сопровождение: книга была анонсирована на теперь уже знаменитой страничке отдела краеведения Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова в ВКонтакте, а в стенах самой библиотеки в начале июля прошла ее презентация. При том что само издание благодаря усилиям новосибирской типографии имеет прекрасное полиграфическое исполнение (твердая многоцветная обложка, большой формат, хорошая бумага, обилие иллюстраций), цена его все же кусается. Однако книга, как говорят, неплохо раскупается.

Прежде всего, заметим, что, купив одну книгу, читатель получит фактически две. Кроме очерка воспоминаний Сергея Ужакина «Город на песках», занимающего большую часть тома, в него входит и словарь народных урбонимов Барнаула, составленный Антоном Ужакиным. При этом вторая работа лишь опосредованно связана с первой.

Обратимся к очерку Ужакина-старшего. Любитель краевед со стажем, а тем более ученый-историк вряд ли найдет здесь что-то концептуально новое в жанровом или

в содержательном отношении. Произведения мемуарного жанра о Барнауле в русле устной истории, истории повседневности на местном литературном небосклоне появились достаточно давно. Пионером здесь можно назвать Максима Зверева с его повестью «Заимка в бору» (1976–1987). Ну а в «новое время» возродил жанр Владимир Коржов в «Повествованиях о городских окраинах» (2003). Не забудем и сборник «Барнаул в воспоминаниях старожилов» (2005), подготовленный сотрудниками АлтГУ. Но если любимые мной коржовские «Городские окраины» — хорошее художественное произведение, а университетский сборник наиболее близок к типу изданий в области устной истории, то книга Сергея Ужакина находится на меже: то ли автор хотел написать художественное произведение (отсюда стремление к изящному стилю, лирические отступления), то ли хотел создать научнообразное сочинение (отсюда повествовательная доминанта, апелляция к историческим источникам и т.п.). Подобная неопределенность авторской позиции, как мне кажется, лишь вредит книге.

Оригинальность очерка Сергея Ужакина заключается в двух аспектах. Во-первых, фокус внимания автор концентрирует на 1960 годах — «десять солнечных лет» — в истории города Барнаула и страны. Так, во всяком случае, заявлено в предисловии. На шестидесятые падает детство автора, и это время действительно достаточно скрупулезно реконструировано Сергеем Ужакиным. Повседневный быт и нравы «деревянной» Нагорной части города, игры детворы, школа и внешкольные занятия — все эти сферы жизни эпохи оттепели читатель, родившийся в лихие 1990-е и стабильные нулевые, представит по очерку весьма полно. Есть в очерке и по-настоящему интересные и ценные свидетельства автора: о домашнем концерте Владимира Высоцкого в Барнауле или рассказ о встрече с писателем-эмигрантом Дмитрием Кобяковым, прожившим в нашем городе последние 20 лет (1958–1978) своей большой, насыщенной событиями жизни.

Однако читательскому вниманию мешает сконцентрироваться постоянное стремление автора уйти от заявленной в предисловии хронологической дискретности. И если воспоминания о событиях, людях и повседневности 1970–1980-х и даже 1990-х оправданы логикой мемуарного жанра — в это время жил автор, и именно об этом времени он может свидетельствовать, то ретроспективные броски в дореволюционное прошлое Барнаула, пожалуй, излишни. Здесь Сергей Ужакин действует по принципу героя одного современного мультсериала: «А что если до потомков дойдет только моя история?» и старается забыть то, что видел сам, сведениями из других (по большей части легко угадываемых) работ по краеведению. Как следствие мемуарный очерк о «солнечных 60-х» в некоторых своих частях напоминает курс барнауловедения. Зачем? Неофит, захотевший прикоснуться к седой древности нашего города, скорее всего, воспользуется отличным учебником А. Старцева, М. Тяпкина и О. Тяпкиной «История Барнаула XVIII–XX вв.», а искушенному любителю алтайской старины приводимые автором факты из истории города давно и хорошо известны. Да и для большинства читателей, живших в 1970 и 1980 годы, сам очерк не станет откровением: многие аспекты общественной жизни и повседневности поздней советской эпохи остались неизменными вплоть до ее крушения. И мы, родившиеся в «застойные» 1970-е, также ходили в школу в пионерских галстуках, также ко Дню Конституции готовили концерт в национальных костюмах одной из республик-сестер и разучивали песни на ее непонятном языке, после занятий также бежали в спортивную секцию или кружок судомоделизма, собирали металлолом и макулатуру, оказывали посильную помощь ветеранам, пере-

писывались со сверстниками из стран соцлагеря, также стояли вместе с мамой в очереди в овощном магазине у мединститута, с нетерпением ожидали прихода телемастера, неделю скучая без «ящика», играли во дворе в «пекаря» и «классики»... А может, это и есть сверхзадача автора — показать, что после индустриального рывка в 1950-1960-е в стране и городе мало что изменилось? (Хотя исполненный патетики эпилог очерка говорит об обратном). Тогда кто та самая целевая аудитория очерка? Кто гипотетический читатель книги? Кто с сочувствием разделит с автором сладость воспоминаний? Поколение 1990-х, опоздавшее на скучный перестроечный пир из продуктов по талонам, вкусившее лишь плоды разложения великой страны и возросшее во времена жвачно-сигаретного изобилия из комков? Или гаджет-тинейджеры 2000-х, для которых советское время фантастичнее, чем виртуальная среда Интернета? А может, автор мечтал «прорваться в будущую Россию»?

Другим достоинством очерка Сергея Ужакина является то, что ход воспоминаний разбит на тематические группы-главы: «Дом», «Город», «Школа», «Кино», «Телевидение и радио», «Транспорт», «Заводы», «Быт». Подобный прием организует материал этой довольно объемной книги, вместе с тем придавая ей эффект социализации, — по мере взросления автора, вживания его во взрослую жизнь и читатель идет ему вслед, знакомится с реалиями эпохи. Способствует этому и легкость изложения, добротный язык и стиль повествования. В целом, к месту и делу автор вкрапляет в сюжет диалоги, даже небольшие сценки, анекдоты и байки ушедшей эпохи.

Для меня одними из самых интересных стали страницы с фотографиями, запечатлевшими Барнаул в 1930-1970 годы. Некоторые места города узнаешь сразу, некоторые приходится угадывать (хотя к фото есть подписи, но сначала сам пробуешь угадать координаты — в этом определенное удовольствие), но благодаря этому воспоминания оживают, делаются зримыми, интерактивными. С каждым запечатленным на фото уголком Барнаула так или иначе связаны уже свои воспоминания, свои истории, и это не может не вызывать приятного чувства в душе.

К числу явных недостатков очерка следует отнести ряд досадных фактических ошибок. Так, автор утверждает, что первый жилой дом на Потоке появился в 1958 г. по ул. Э. Алексеевой (С. 43). А вот известный историк Валерий Скубневский называет совсем другой адрес первенца поточного строительства: дом по адресу ул. Глушкова, 54/пр-т Космонавтов, 43 (сб. «Барнаул в воспоминаниях старожилов. Ч. I». С. 227). В данном случае я все же склонен верить профессиональному историку. Нельзя согласиться с автором и в том, что район ВРЗ вырос в эпоху строительства Турксиба (т.е. в 1926-1931 гг.) (С. 210). Городок железнодорожников возник здесь еще в 1917-1918 гг., после прокладки Алтайской железной дороги. И именно с целью его расширения изначально задуман был проект барнаульского Города-Сада (Сибирский рассвет. — 1919. — № 9).

Последние упреки можно адресовать и второй части книги — словарю народных урбонимов Барнаула Антона Ужакина. «Барнаул неформальный» — такое заглавие рождает смысловую связь с неформалами. Эти неопрятные молодые люди с длинными волосами и вычурными прическами, одетые в кожаные куртки с заклепками, увлекающиеся рок-музыкой, в 1990 годы часто встречались на улицах нашего города (особенно любимы ими были площадка перед кинотеатром «Россия» и сквер за краевой библиотекой). Импровизированный словарь Антона Ужакина прямых связей с этой неформальной субкультурой не обнару-

живает. Здесь читатель найдет лишь достаточно полную подборку неофициальных, народных урбонимов Барнаула и окрестных топонимов.

Работа проведена не малая, перед читателем — результат многолетних наблюдений, сбора материала, искреннего интереса к родному городу. Отдадим автору должное: пока большего объема народных урбонимов Барнаула никто не собрал. А некоторые урбонимы Ужакин-младший сохранил для истории, так как реалий, которые они когда-то называли, уже нет: поселки Голландия и Дания в правобережной части, магазин Горелый, Цирковая площадь и т.п.

К сожалению, приходится прибегнуть и к критике. Прежде всего, автор словаря допустил значительное число фактических неточностей. «Родилка» на ул. Молодежной (С. 251) — это роддом № 2, а не № 3; магазин «Сотый» на ул. Шевченко давно уже исчез совсем, а не «сжался в размерах, передав свои основные площади Сбербанку и прочим фирмам» (С. 250); открытый хоккейный стадион «Мотор» на пр. Сибирском никто не называл «Моторчики» (С. 249), и более того, к стадиону «Красное знамя» в парке БМК он не имел никакого отношения. Это нынешний «Клевеня» стал наследником «Красного знамени», который и в советские времена привлекал зимой всех окрестных любителей катания на коньках и т.д. Это только то, о чем я сам могу точно свидетельствовать, так как вырос в районе перекрестка Комсомольский — Молодежная и знал когда-то любой его закоулочек. И, конечно же, чаще всего неофициальные названия этих закоулочков. Ну а старожилы других районов тоже найдут много несоответствий. Вовсе не с корпуса «Д» начинался наш родной АлтГУ (С. 259). Первое здание классического университета — корпус «С» на Социалистическом. «Китайской стеной» или «Китайкой» жители района Юрина — Попова называют не дом по адресу ул. Попова, 72 (С. 266), а длиннее здание по адресу ул. Юрина, 208 (рядом во дворах стоит «Афганка» — общежитие по адресу ул. Юрина, 206). Впрочем, возможно, что сам урбоним «Китайская стенка» — кочующий, может быть, и еще где-то в нашем большом городе есть другие объекты с таким названием.

Крайне неудачно само строение словаря. То, что материал структурирован по районам города (причем — административным), может быть, и удобно. Но внутри этих разделов слова расположены не по алфавиту. В результате если вам понадобится найти какое-то название, сделать это будет нелегко: придется перечитывать весь раздел. Перед нами, по сути, не словарь, а повествование, состоящее из мелких главочек — урбонимов и их описаний. Плохо и то, что импровизированный словарь Ужакина-сына вступает в резкий диссонанс в стилевом отношении с очерком Ужакина-отца. Все эти «бомжатники», «непонятки», «бичевники», иногда грубовато-циничная тональность высказываний дисгармонируют со спокойной, доверительной манерой повествования первой части книги. В словаре читатель найдет как народные урбонимы, сохранившиеся в памяти горожан с конца XIX века, так и совсем свежие, появившиеся буквально год-два назад («Кубик-Рубик»). Это материал для отдельной книги — интересной и важной для барнауловедения. Пока все, что объединяет эти две работы в рамках одной книги, — родство авторов и их обоюдный интерес к истории нашего города.

В целом книга Сергея и Антона Ужакиных при наличии несомненных достоинств оставляет впечатление «сыровой», незаконченной. Однако легко прослеживается и вызывает уважение желание авторов поделиться своими знаниями и своей любовью к городу с читателем. Мы рекомендовали бы к прочтению эту книгу всем, кто интересуется историей Барнаула.

Дмитрий МАРЬИН.

Валерий
Тебеков.
Алтайская
мадонна
с младенцем.
2006.
Фото Дмитрия
Золотарева.

/ Галерея
«Турина гора»

СЕНСАЦИОННЫЙ ВАЛЕРИЙ ТЕБЕКОВ

В августе в галерее «Турина гора» проходила персональная выставка графики художника Валерия Тебекова из Горно-Алтайска «Над землей Алтая».

Валерий Тебеков (1952) – театральный художник, однако, он плодотворно работает и как станковый живописец и график. Выставку составили около тридцати графических работ, исполненных в классической технике «тушь — перо». Представленные работы – это буквально крохотная часть из необъятного бумажного наследия Тебекова. Отметим, что нынешний год чрезвычайно плодотворен именно на графику: все ведущие художники-графики показали или еще собираются организовать свои «персоналки». Выставку Валерия Тебекова, не самого простого алтайского художника, в этом выставочном ожерелье нужно рассматривать как один из самых крупных самоцветов.

Валерий Тебеков окончил два художественных учреждения в Алма-Ате. В советские годы ездил на творческие дачи, где пробовал себя в печатной графике. Театральная специализация (приподнятость над реальностью, карнавальность, игровое начало) проглядывает в галерее его персонажей и образов. Неслучайно авторитетами в области искусства Тебеков выбрал Александра Тышлера и Михаила Шемякина, художников с ярко выраженным театральным видением. Высокая образованность художника помогла ему в выработке индивидуального стиля.

Галерея «Турина гора», которая, как известно, активно продвигает сибирско-этнографическое направление в изобразительном искусстве, выбрала

как наиболее ценное алтайское направление в его творчестве. Однако при всей ярко выраженной национальной определенности и самодостаточности Валерий Тебеков — художник, открытый достижениям мирового искусства. Для его работ характерны вытянутые, идущие от Модильяни, пропорции; в сюжетах автор перефразирует мировые шедевры живописи на алтайский лад («В гостях у Рембрандта»); наконец (и это подмечается сразу, достаточно одного взгляда на листы), он следует опыту художника-философа Павла Филонова. Сближает двух художников идея произрастающего, или «сделанного искусства». Отсюда у Тебекова интерес к мелким деталям, приобретающим орнаментальный характер; ювелирная, по-азиатски кропотливая графическая выделка листов.

Любопытная особенность графики Тебекова — она вовсе не черно-белая, как это может показаться вначале. При ближайшем рассмотрении замечаешь, что у линий есть свой колорит, теплый — охристо-красный или холодный — чернильно-синий. Эти разноцветные линии, зачастую причудливо переплетенные, больше всего напоминают пульсирующие вены и артерии живого организма.

Знакомство с творчеством Валерия Тебекова, впервые устроившего выставку в Барнауле, стало открытием настоящего большого художника. Его небольшая персоналка — выставка-сенсация — поразила наши сердца. Перед нами — новый художник-философ, алтаец Валерий Тебеков, взиравший на мир проникновенно и мудро.

Дмитрий ЗОЛОТАРЕВ.

/ гмилика

СКИФСКИЕ ЭМАЛИ В ТЕХНИКЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

В июне в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая открылась выставка новых работ Юрия Капустина.

Художник разностороннего дарования — так можно сказать о Юрии Николаевиче Капустине. Его творчество известно далеко за пределами России и разбивается в четырех основных направлениях: живопись, графика, керамика, эмаль.

Юрий Капустин — один из немногих современных художников, освоивших старинную технику перегородчатой эмали. Искусство эмали известно еще со времен Древнего Египта. Оно получило широкое

Юрий Капустин.
Скифский сюжет.
Фото предоставлено Юрием Капустиним.

распространение в декоративно-прикладном искусстве, особенно в ювелирном деле. Юрий Капустин в своем творчестве значительно расширил изобразительные возможности этой техники: с ее помощью он создает художественные панно.

Творческие корни художника здесь, на Алтае. Юрий Капустин родился в Поспелихинском районе Алтайского края. После окончания Иркутского художественного училища мастер вернулся на родину. В 1972 году Юрий Николаевич переехал в Москву, но источником вдохновения для него по-прежнему служит история, культура, природа родного края. Искусство скифов нашло отражение и в графике, и в керамике, и в эмалях художника.

Капустин известен как художник-экспериментатор, в работе он использует неожиданный материал — кузбасс-лак. Именно в этой технике выполнены его «Скифские эмали».

«Скифские эмали» Юрия Капустина неоднородны по цвету, имеют различные вкрапления, что обогащает палитру мастера и роднит эту технику с живописью. Сложная по форме пластина «Красный грифон» имеет в основе причудливо изогнутое изображение птицы, оно выполнено на полихромном фоне, включающем и золото охры, и кобальт, и небесную голубизну, и зелень весенней листвы.

В ряде работ Юрий Капустин прибегает к точному воспроизведению скифских изображений. Например, в композиции «Руки скифского вождя», вошедшей в Российскую «Книгу рекордов и достижений», художник копирует самую древнюю на территории России татуировку.

В произведении «Скифский сюжет» Юрий Капустин воссоздает композицию, увиденную им когда-то

в экспозиции Минусинского краеведческого музея. В центре — фантастическое животное-дерево, в крону-гриву которого вплетены изображения грифонов. Причудливое движение металла, подчиненное воле художника, рождает фантастические образы, каждый из которых наделяется особым смыслом в контексте мифологической структуры мироздания скифов. Так, волнообразная грива сказочного зверя служит обрамлением стилизованному изображению лося, поедающего листву. Ниже представлен медведь, который, в свою очередь, поедает лося. Это характерная для скифского звериного стиля композиция, где часто встречаются сцены, когда хищник терзает травоядное животное.

Многoletние исследования в музеях Бийска, Горно-Алтайска, Минусинска, Барнаула, изучение научной литературы, поездки по степному и горному Алтаю вдохновили художника на создание оригинальных композиций, где он прибегает не только к сюжетным формам, но и любит абстракцию. Юрию Капустину свойственно умение поэтично переходить от реального мотива к композициям, основанным на символике, эмоциональной выразительности цвета и формы (работы «Декоративная пластина», «Рисунок в круге»).

По инициативе Юрия Капустина основана картинная галерея в районном центре Поспелиха. В 2003 году в Сорстках он организовал детскую студию керамики, которая получила поддержку Президента Российской Федерации В.В. Путина в числе творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусств.

Оксана СИДОРОВА.

/ Государственный художественный музей Алтайского края

СОЛНЦЕ И ВОЗДУХ ИВАНА ЧАШНИКОВА

Иван Чашников.
Алтай.
Фото предоставлено ГХМАК.

В 2013 году исполняется 125 лет со дня рождения нашего земляка, профессионального живописца, графика, одного из ярких представителей старшего поколения советских

художников, мастера пейзажной живописи Ивана Диомидовича Чашникова (1888–1971). Этому юбилею была посвящена персональная выставка художника, открывшаяся в Государственном художественном музее Алтайского края в июне 2013 года.

Иван Чашников родился в Барнауле. С 1904 по 1907 год он учился в Казанской художественной школе. А в 1916 году окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где его педагогами были А. Е. Архипов, А. М. Васнецов, Н. А. Касаткин, К. А. Корвин, С. В. Малютин.

Проживая в Казани, а затем в Москве, Чашников не прерывал связи со своей малой родиной. Каждый год в летние месяцы он приезжал в Барнаул. Много рисовал город, его окрестности, а также Горный Алтай, где неоднократно бывал.

Иван Чашников принимал активное участие в художественной жизни страны. Он входил в Общество сибирских художников и участвовал в групповых выставках этого объединения (1914–1915, Томск). Был членом Алтайского художественного общества (1918–1921). А с 1922 года входил в Ассоциацию художников революционной России (АХРР), был постоянным

участником выставок, организуемых этим объединением в России и за рубежом.

В настоящее время произведения художника хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном центральном музее современной истории России (до 1998 года Музей революции).

Сорок живописных и графических работ Ивана Чашникова находятся в собрании Государственного художественного музея Алтайского края.

Тонкие по колориту и лирические по настроению пейзажи, посвященные Алтаю («Кони на берегу. Алтай»,

Иван Чашников.
Развалины.
Грузия.
Фото представлено ГХМАК.

«В предгорьях Алтая», «Затон у реки Оби», «Алтай» и др.), созданы художником в 1941–1944 годах, когда он жил в эвакуации в Барнауле. В это время Чашников участвовал в краевых художественных выставках, которые проходили в городе, а также совершал творческие поездки по Алтаю.

Иван Диомидович много путешествовал по стране. Известно, что в начале 1930 годов по заданию Наркомпроса художник был в творческой поездке в Мцхетском районе Грузии, где на реке Кура была по-

строена Земо-Авчальская электростанция имени Ленина (ЗАГЭС). Чашников писал не только знаменитую электростанцию, но и виды Грузии, ее архитектурные и исторические памятники. В собрании Государственного художественного музея Алтайского края находится несколько работ из этой серии. Например, на картине

Иван Чашников.
В окрестностях озера Сенеж.
Подмосковье.
Фото представлено ГХМАК.

«Развалины. Грузия» мы видим фрагменты раннефеодальной крепости.

Большую часть своей жизни художник прожил в Москве. Он часто писал Подмосковье. Среди его лучших работ картины «Клязьменское водохранилище. Козочки» и «В окрестностях озера Сенеж. Подмосковье». Эти произведения пронизаны солнцем и воздухом, наполнены мажорными интонациями. Создавая их, художник опирался на лучшие традиции русской пленэрной школы живописи.

В живописи Ивана Диомидовича Чашникова мастерство дореволюционной школы сочетается с пластическими открытиями живописи XX века. Его произведения заняли достойное место в истории отечественного искусства.

Елена ДАРИУС.

/ Галерея «Кармин»

ПАРАД ЮБИЛЯРОВ

С июня по август в галерее «Кармин» проходила выставка художников-юбиляров.

Галерея объединила в рамках единого художественного мероприятия одиннадцать художников (местных и путешествовавших по Алтаю), юбилеи и торжественные даты которых приходятся на 2013 год. В экспозицию вошли 65 работ, написанных в период с 1950 и до начала 2000 годов. Одна часть выставочных произведений принадлежит галерее «Кармин», а другую — представили художники или их родственники. Особенно обращали на себя внимание произведения трех совершенно разных эпохальных художников — Геннадия Борунова, Александра Ботева, Павла Брыткова.

Получился настоящий парад юбиляров!

Представительной получилась памятная часть экспозиции: Геннадий Борунов (1928–2008), Александр Ботев (1948–1992), Андрей Вагин (1923–2006), Василий Голдырев (1923–2001), Степан Двойнос (1923–1992), Геннадий Тарский (1928–1981). Присутствующие отмечали наибольшую важность по-

каза именно меморативной экспозиции: об ушедших живописцах и графиках помнят, работы — труд всей их жизни, показывают. Воспоминаниями о некоторых юбилярах поделились художники Алексей Дрилев и Юрий Кабанов. Как-то так получилось, что они оба, не сговариваясь, остановились на личности Геннадия Тарского, художника на редкость талант-

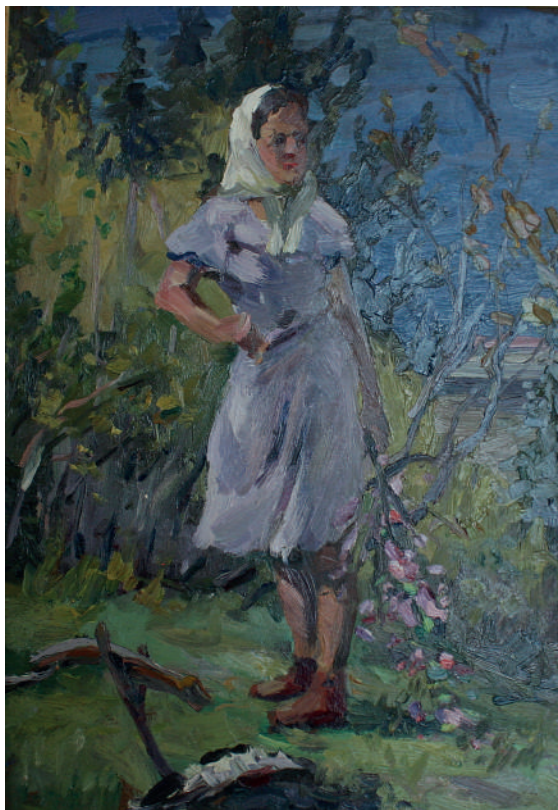
Геннадий Тарский.
Горная Колывань. 1972.
Фото представлено галереей «Кармин».

ливого, но полностью не раскрывшегося и рано умершего. Несмотря на то, что на вернисаже не было картин выдающегося алтайского художника Николая Иванова (1923–1985), выступающие очень тепло отзывались и о нем.

Художников старшего поколения представляли Алексей Дрилев (1938), Иван Мамонтов (1938) и Игнат Ортонулов (1933) из Горно-Алтайска. А самыми младшими юбилярами стали художники Павел Брытков (1968) и Евгений Олейников (1963).

Также было отмечено, что не все художники-юбиляры попали в вернисажную «обойму». Например, у Юрия Кабанова (1938) тоже юбилейная дата, и галерея «Кармин» планирует показать в конце текущего

Степан Двойнос. Девушка.
Фото представлено галереей «Кармин».

года его персональную экспозицию. Организаторы не раскрывают всех своих секретов, но обещают удивить всех его выставкой.

Конечно, индивидуальные выставки намного эмоциональнее сборных художественных мероприятий. Выставки-ассорти, корректно назовем их так, уступают в значимости персональным выступлениям художников. Но памятная выставка, собравшая столько имен и произведений художников, важна и потому, что дает исторический контекст, в котором мастера звучат совершенно по-новому. Юбилейный ряд представил краткую историю изобразительного искусства Алтая.

Дмитрий ЗОЛОТАРЕВ.

/ Выставочный зал
Союза художников

АЛЕКСЕЙ ДРИЛЕВ – НАШ КЛАССИК И СОВРЕМЕННОК

Алексей Дрилев. Танец Возрождения. 1997.
Фото Дмитрия Золотарева.

В августе в Выставочном зале Союза художников проходила юбилейная выставка, подготовленная к 75-летию художника Алексея Дрилева.

Представлять Алексея Дрилева, известного алтайского живописца и графика, особо и не нужно. За последние два десятилетия он занял почетное место патриарха среди местных живописцев.

Секрет его успеха в том, что он — художник-труженик, выбравший правильный, академический путь развития. К тому же профессиональные навыки, полученные им в лучших художественных вузах Советского Союза — Казанском художественном училище и Институте им. И.Е. Репина в Ленинграде, — трудно не замечать. Алексей Дрилев — это тот довольно редкий, если уж совсем не уникальный, для сегодняшнего дня случай, когда талант художника полностью раскрывается в емкой формуле «2 в 1»: он изумительный живописец и абсолютно самостоятельный график. Этот факт наглядно отразила юбилейная выставка, она стала своеобразным художественным камертоном. Дрилев представил оптимальный уровень живописи, на который нужно равняться и желательно сравнивать себя с ним.

Алексей Дрилев работает в магистральном направлении искусства — реалистическом. Выбор школы обуславливает излюбленные жанры художника: пейзаж, портрет, тематическая картина. Алексей Алексеевич буквально совершил творческий подвиг, поразив всех тремя полотнами, написанными им в нулевые годы: «Исповедь», «Бал горных офицеров», «Белые медведи. (Моржи)».

Не углубляясь в дискуссию о монументальном искусстве, где только размер имеет значение (как нам сообщает Лукия Мурина в предыдущем номере журнала «Культура Алтайского края»), все же хочется заметить: и содержанию должно уделяться внима-

ние. В противном же случае получается дутая новая сибирская монументальность, довольно мелкокалиберная в масштабе мирового искусства. Неслучайно, наше время проходит под знаком гибели тематической картины, а само понятие «картина» подвержено мутационным экспериментам.

Композиционная усложненность больших картин, а в отдельных случаях неорганичная сочиненность присуща и отдельным поздним произведениям Алексея Дрилева.

Не вызывают споров его многочисленные первоклассные этюды и графические работы. Алексей Дрилев известен как неутомимый рисовальщик. Постоянное, ежедневное рисование стало отличительной особенностью его творческого метода. Складывается впечатление, что рука художника с карандашом уже давно живет своей вполне независимой жизнью, мгновенно реагируя на интересующий ее объект или ситуацию, навсегда останавливая моменты жизни. Графика Алексея Дрилева оригинальна и независима, даже если это подготовительные наброски к его известным тематическим картинам.

Зачастую, подготовительные графические работы Дрилева более психологичны и совершенны в композиционном плане, чем окончательный живописный вариант. Яркий пример — эскиз к картине «Белые медведи», который можно назвать «Три грации». Этот вариант не вошел в основную композицию полотна, а жаль. Три женщины — в них читаются и грации, и богини, и люди — в купальниках позируют художнику. Чем этот вечный сюжет может удивить зрителя? Но — поражает своим замыслом! Три красавицы стоят у кромки ледяной купели, куда они готовы прыгнуть. Парисы и все прочие мужчины ими на время забыты. Сюжет из классического трансформируется в игровой.

Известный русский живописец Михаил Абакумов, с которым Алексей Дрилев напрямую общался, считал барнаульского художника, прежде всего, мастером этюда. Верно, что Алексей Дрилев достиг невероятной свободы в пленэрно-джазовой манере письма. Однако он не остановился на достигнутом, в его поздних, небольших по размеру произведениях есть что-то от эстетики «мирисукусников». И таких виртуозных произведений много, с оточенными композициями, да еще с великолепно разработанной авторской живописью. Возможно, по вышеобозначенной аналогии, почему-то сразу вспоминается его картина, изображающая памятник В.М. Шукшину в Сростках.

Алексей Дрилев.
Портрет
Александра
Потапова.
2009.

Фото предоставлено галереей «Кармин».

Алексей Дрилев.
Отец Андрей.
(Протоиерей
Алтайской
Епархии). 1998.

Фото предоставлено галереей «Кармин».

Наиболее востребованный жанр у самого художника — это городские пейзажи Барнаула, полные романтизма. Художника интересуют тревожное небо или зимние световые эффекты. Ранние работы

наиболее востребованный жанр у самого художника — это городские пейзажи Барнаула, полные романтизма. Художника интересуют тревожное небо или зимние световые эффекты. Ранние работы

Алексей
Дрилев. Барнаул.
Епархия. 2010.
Фото предоставлено галереей «Кармин».

1990 годов исполнены в духе импрессионизма. Поздние — с продуманными композициями, с контрастным освещением. Часто героями его пейзажей становятся храмы Барнаула.

Алексей Дрилев, автор оптимальной выставки, не первый раз демонстрирует нам грани своего таланта, классического и современного.

Дмитрий ЗОЛОТАРЕВ.

/ Государственный художественный музей Алтайского края

НАШ АЙВАЗОВСКИЙ

В летние месяцы Государственный художественный музей Алтайского края знакомил жителей города и края с творчеством классика отечественного искусства, великого певца моря — Ивана Константиновича Айвазовского. В собрании музея хранятся две его картины.

Предки знаменитого мариниста по отцовской линии были армянами, выходцами из Галиции, затем расселились в Валахии и Молдавии, а в начале XIX века отец Айвазовского, мелкий торговец, переехал в Крым.

по 1839 год обучался Айвазовский, дала ему мастерство и первоклассную выучку. Однако собственный путь в искусстве художник нашел не сразу.

В ранний период творчества Айвазовский проповедовал работать с природы, но позднее он отказался от этого, решив, что единственно верным способом показать переменчивые состояния моря будет импровизация, письмо по памяти и воображению. «Движения живых стихий неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны немыслимо с природы. Для

Иван Айвазовский. Феодосия в лунную ночь. Вид с балкона дома Айвазовского на море и город. 1880.
Фото предоставлено ГХМАК.

Иван Айвазовский. Девятый вал. 1857. Авторское повторение.
Фото предоставлено ГХМАК.

Семья носила фамилию Гайвазовские, но в 1841 году Иван Константинович сменил ее на более звучную — Айвазовский. Академия художеств, в которой с 1833

этого художник и должен запомнить их, и этими случайностями, равно как и эффектами света и теней, обставляя свою картину», — писал художник.

Бури и кораблекрушения, борьба и победа человека над стихией — излюбленные темы Айвазовского. К ним он обращался на протяжении всего своего творческого пути. Самым известным его произведением стало полотно «Девятый вал» (1850).

Интересна история создания картины. Однажды, просматривая газеты, Айвазовский увидел заметку о том, как после кораблекрушения восемь человек пробыли в океане на обломке своего судна сорок пять дней. Это событие потрясло художника. Он принялся за работу.

В коллекции Государственного художественного музея Алтайского края находится авторское повторение картины «Девятый вал», выполненное Айвазовским в 1857 году в уменьшенном формате. Оно было приобретено музеем в 1960 году у ленинградского коллекционера Б.А. Бланкштейна.

Айвазовский отличался огромной трудоспособностью. Он работал каждый день, не ожидая, когда

к нему придет вдохновение. «Писать тихо, корпеть над картиной целые месяцы не могу. Сюжет картины слагается у меня в памяти, как сюжет стихотворения у поэта; сделал набросок на клочке бумаги, я приступаю к работе и до тех пор не отхожу от полотна, пока не выскажусь на нем моей кистью», — писал мастер. Несколькими лаконичными штрихами он набрасывал композицию. Начинал картину с центральной части, затем писал все остальное. Несколько часов у мольберта ему хватало для создания небольшого морского пейзажа, многометровые полотна он писал за одну-две недели.

Судьба художника складывалась счастливо, однако пышности и великолепию Петербурга он всегда предпочитал независимую трудовую жизнь в маленьком провинциальном городке, где он родился, и куда его постоянно тянуло из холодной северной столицы. В 1845 году художник навсегда поселился в Феодосии. Рядом с набережной по собственному проекту он выстроил дом, к которому в 1880 году был пристроен большой зал, соединившийся проходом-балконом с его мастерской. «С террасы, увитой виноградной лозой, открывалась широкая панорама на плавную дугу Феодосийского залива,

северо-крымские степи с древними курганами, на Арабатскую стрелку и Сиваш, встающие, как марево, на горизонте. Вдоль берега лежало кольцо хорошо сохранившихся старинных крепостных стен и башен с бойницами», — написал Н.С. Барсамов в книге «И.К. Айвазовский».

Этот вид и запечатлен художником в картине «Феодосия в лунную ночь. Вид с балкона дома Айвазовского на море и город» (1880), которая хранится в собрании нашего музея. Она была приобретена в 1973 году из частной коллекции Н.И. Архангельской (г. Москва).

Айвазовский много сделал для родного города. Он основал в Феодосии картинную галерею, открыл библиотеку, организовал постройку Археологического музея, торгового порта, железной дороги. Он много занимался благотворительностью: помогал нуждающимся студентам Академии художеств, Красному Кресту, инвалидам битвы за Севастополь и семьям павших русских солдат. На памятнике из белого мрамора, воздвигнутом художнику в его родном городе, высечены слова: «Родился смертным, оставил по себе бессмертную память».

Наталья ГУСЕЛЬНИКОВА.

Art-галерея
Анатолия Щетинина

ПЕТЕРБУРГ И БАРНАУЛ: ОСОБАЯ ТЕМА

В Арт-галерее Анатолия Щетинина в августе проходила коллективная выставка барнаульских художников, посвященная 310-летию Петербурга.

Петербург и Барнаул — это особая история взаимоотношений, тема, которая может легко выйти за очерченные границы вернисажа. Устроители не устояли, разбавив тематическую выставку барнаульских художников керамикой известного петербуржца с алтайскими корнями Владимира Гориславцева и различными документами.

Признаемся, что без керамики и документов пространство галереи только выиграло бы. Развеска получилась очень густой, многоэтажной.

Сложилось впечатление, что после местных красот наших художников влечет именно классический профиль Петербурга. Художественные контакты Москвы и Алтая, особенно в XX веке, переживали свой расцвет. Но кто-нибудь помнит работы последних лет, выполненные в столице? Ответ будет отрицательным. А вот работы, посвященные Петербургу, отлично помнятся. Они, как говорится, «на глазу».

Плодотворно поработали над обликом великого города: Андрей Арестов, Николай Зайков, Юлия Кикоть, Пиргельди Широв. Особенно отличились живописец Андрей Арестов и график Николай Зайков, у которых интерес к этому городу выливается в целые изобразительные серии. К слову, они оба этим летом, по традиции, пишут и рисуют любимые ими петербургские ландшафты.

Произведения, посвященные северной столице, выставили как признанные художники: Наталья Акимова, Василий Кукса, Ирина Леденева, Валерий Октябрь, Ильбек Хайрулинов, Ирина Щетинина, Ольга

Яурова, так и начинающие художники: Марина Ведут, Иван Быков, Ольга Мирончук, Сергей Пашков, Виктор Пойманов, Анна Реброва, Валентин Шипило, Наталия Ямкова.

Живописные и графические работы были вписаны в единый выставочный контекст, взаимно дополняя друг друга. На выставке было много открытий: новые имена, новые работы. Отличительной особенностью вернисажа стало большое количество графики, в этом также наблюдается специфическая особенность эстетского петербургского искусства. Впечатления от коллективной выставки самые превосходные.

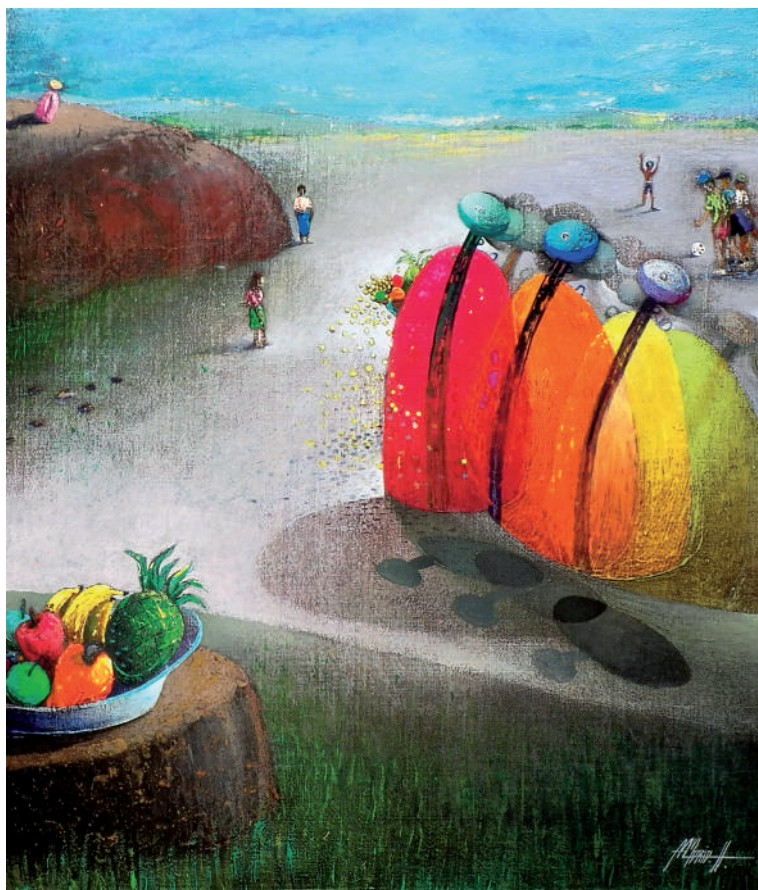
Дмитрий ЗОЛОТАРЕВ.

Ирина Щетинина.
Весна в Петербурге.
На набережной Мойки. 2013.
Фото
Дмитрия Золотарева.

Гонсало Посада.
Сезон манго
на острове
Табога.

Все фото представлено галереей «Открытое небо».

Антонио
Мадрид.
На тему
подношений.
Фото
предоставлено
галереей
«Открытое
небо».

Тропически-необузданные колыбри

Июнь и июль традиционно воспринимаются месяцами горячих туров и путевок по экзотическим местам, но те, кто не успел или не смог улететь за границу в поисках моря и солнца, могли бесплатно попасть в особый, южноамериканский мир выставки «Колыбри в Сибири». Выставка обосновалась в павильоне современного искусства «Открытое небо» и стала лакомством для наших искусствоведов

ДМИТРИЙ
ЗОЛОТАРЕВ,
искусствовед

Фото
Александра
Волбуева.

Барнаульцам был явлен, при активной поддержке известной художницы Ларисы Пастушковой, фрагмент экспозиции Первого международного триеннале графики, проходившей в 2012 году в Новосибирске. Все участники — художники из стран Латинской Америки: Пабло Гольденберг (Чили), Антонио Мадрид (Панама), Наталья Пичугина (Панама), Гонсало Посада (Колумбия), Марица Севийа (Никарагуа). Сибирь художественную представляла Лариса Пастушкова.

Все участники выставки работают в графике, все профессионалы, достигшие известности. Объединяет художников и модернистское понимание — толкование искусства. Латиноамериканцы представили работы в постерном варианте, что все же снижает зрительское восприятие. Барнаульская художница представила оригинальную графику.

То, что в город попал именно латиноамериканский сегмент выставки из Новосибирска, делает проходящий вернисаж особенно актуальным: модернистское современное искусство Латинской Америки находится на пике своей популярности. И хотя эти процессы развития мирового искусства происходят в значительном отдалении от Сибири, да и вообще в другой части света, познакомиться и приобщиться к иноземным диковинкам, ох, как хочется.

Основной вывод после посещения вернисажа таков: «Модернисты, они и в Африке, или вернее Южной Америке, — модернисты!» Может быть, только колористически более яркие и творчески более раскрепощены. Цвета у них тропически-необузданны.

При знакомстве с их работами возникает ощущение, что нечто подобное, не воочию, а в иллюстрированном приложении истории искусства XX века, уже встречалось. Впечатление неслучайное: латиноамериканские художники творят в русле мирового модернизма, идут по проторенным дорожкам и магистралям современного искусства.

Несколько особняком среди этого латиноамериканского карнавала стоит творчество Натальи Пичугиной, художницы русского происхождения, проживающей в Панаме. Она пытается совместить, казалось бы, несовместимое — образы и техники русской и южноамериканской культур. Ее поиски в чем-то напоминают известные формулы советского агитационного искусства 1920 годов.

По какой-то совершенно необъяснимой причине наша Лариса Пастушкова, которая известна как художник с явно выраженным декоративным звучанием, представила совершенно другие работы, выполненные на черном и белом фоне. В контексте заявленного вернисажа ее работы показались нам наиболее самостоятельными, однако мало соответствующими его названию. Впрочем, возникающий образ, вольно или невольно, совершенно точен: если Южная Америка, судя по краскам на работах художников, — это если не библейский, так тропический рай, то Сибирь в интерпретации Пастушковой — это область, где всегда темно и холодно. И куда беспечные колибри если и залетают, то ненадолго.

АЛЕКСАНДР
РЫЖОВ,
искусствовед

Фото из личного архива автора.

А началось все с детской сказки. Марица Севийя из Никарагуа, не только состоявшийся художник, но и писатель, однажды написала сказку про колибри, которая мечтала попасть в сибирский город Омск. Наталья Пичугина из России эту сказку, похоже, сделала былью. Совместный проект художников из Панамы, Чили, Колумбии, Бразилии и России добрался до сибирских просторов и облетел уже Новосибирск и Барнаул. На очереди, конечно же, Омск.

Для воплощения такой грандиозной идеи в реальность понадобился современный опыт использования печатных технологий в художественной области. Конечно, художники из столь отдаленных стран по вполне естественным финансовым причинам не смогли отпрavoить в Сибирь подлинники. Но авторские принтовые копии с автографом решили проблему расстояния и стоимости. Такая практика вовсю используется на Западе, наконец, и к нам в Сибирь, таким образом, смогли попасть художественные дары из далеких стран.

Произведения Гонсало Посада (Колумбия/Бразилия), недавнего обладателя Гран-При художественного конкурса в Лондоне, приуроченного к Олимпиаде-2012, отсылают нас к теме отдыха на море. Его абстрактно-геометрические произведения «Полет

Наталья Пичугина.
Шитье в стиле
индейцев Куна.

над волной», «Коралловые рифы на острове», «Сезон манго на острове Табога» выделяются ярко-солнечной палитрой и динамичным ритмом, практически музыкальными колебаниями.

Картины Марицы Севийи (Никарагуа), мастера нетрадиционной живописи, пестрят красками яркой, достаточно экспрессивной палитры («Аватар Отон»). Ее соотечественник Антонио Мадрид (Панамы) представил для Сибири свой «магический абстракционизм». Серия его работ носит название «На тему ритуалов и легенд», где пространство картин заполняют удивительные и загадочные существа. Творчество этого автора самобытно, ни на что не похоже, Антонио считается одним из крупнейших современных художников Латинской Америки.

Связующим звеном между культурой Панамы и России стали произведения Натальи Пичугиной. В работах Натальи сочетаются русские мотивы (ставшие уже культурными архетипами — такие как матрешка, хохломская роспись) и национальные орнаменты стран Южной Америки («Шитье в стиле индейцев Куна», «Чудесный остров»). Синтезировав, казалось бы, несочетаемое, Наталья Пичугина создала диалог двух абсолютно разных культур, столь необходимый в общем контексте выставки.

На выставке можно наблюдать не только живопись с национальным колоритом, но и нечто более претенциозное. Пабло Гольденберг (Чили) представил «Истинную историю искусств» — серию коллажей, с фрагментами разных произведений искусств, которые украсила фигурка колибри. Таким образом, «Колибри в Сибири» — это не только связь наций, но и даже связь времен.

Общеизвестно, что колибри выделяется не только своим ярким оперением, но и манерой своего полета, способностью зависать в воздухе. Творчество Ларисы Пастушковой (куратор и участник выставки) придает событию концептуальный размах. Как мы знаем, живопись Ларисы Николаевны вполне способна потягаться с южноамериканскими произведениями в яркости колорита (вспомним «индийскую» серию работ Пастушковой), но в этот раз была представлена уникальная графика, которая расставляет акценты на теме полета. «Выкройка крыльев» — это интересный художественный образ, который оформлен нетривиально, с фантазией. А ведь без компонента фантазии невозможно себе представить ни одну сказку.

Когда завершится тур выставки по Сибири, сама сказка не закончится, потому что в Омске готовят специальный балет по мотивам «Колибри в Сибири!» Репетиции уже начались, премьера назначена на 2014 год. Кто знает, к каким еще удивительным метаморфозам приведет этот проект латиноамериканского характера с сибирским духом?! ◀

Алтаю дар, с любовью посвященный

К памятной дате одного из первых художников Алтайя Андрея Никулина ГХМАК организовал выставку, которая состоит только из подаренных музею картин мастера.

текст

ЕВГЕНИЙ
ПЕШКОВ

Алтай — Голубоглазый Исполнил!
Седин твоих давно минувшей славы
Я прикоснулся, именем твоим
Заворожу белки, леса и травы,
Беря с палитры красочную смесь,
Переноса на холст и солнце и ненастье,
Нет счастья без тебя,
Но всё же оно есть
В моих холстах
Отчасти...

Эти строки принадлежат перу художника Андрея Осиповича Никулина. Его картины — неотъемлемая часть постоянной экспозиции выставки «Первые художники Алтайя» в художественном музее.

Никулин одним из первых создавал яркий и запоминающийся художественный образ Алтайя. Более столетия на основании его произведений у людей, незнакомых напрямую с Алтайем, складывалось впечатление о нашем крае, о его природе и красоте. Известный критик начала XX века Сергей Глаголь так писал об участии русских художников в Мюнхенской международной выставке 1913 года: «На выставке «Свободного творчества» интересен только Никулин, влюбленный в голубые просторы Алтайя».

Сейчас мы не знаем, какие полотна художника побудили критика оставить подобный отзыв. Вполне вероятно, что такой работой могла стать картина Никулина «Голубой Алтай», в которой в полной мере проявился талант художника. В декоративной манере создан обобщенный, целостный и реалистичный художественный образ, и, несмотря на камерную композицию, ему присущи монументальные черты, эпический характер. Картина «Голубой Алтай», на наш взгляд, является самой знаковой в творчестве Андрея Никулина. Она пред-

ставляет собой один из самых ярких образов нашего края, и может являться его своеобразной визитной карточкой.

Когда-то жители Барнаула приняли участие в сборе средств, чтобы помочь талантливому, делающему первые шаги в художественном ремесле пареньку Андрею Никулину продолжить обучение в лучших учебных заведениях страны, и он не обманул их надежды. Уже современники имели возможность испытать гордость за своего любимца, который оправдал их доверие и организовал в 1908 году первую в истории города художественную выставку картин, как и свою первую персональную выставку.

Но на этом история счастливых даров не закончилась. Наследники и друзья художника подарили нашему музею уникальную коллекцию его картин, которая с тех пор и до настоящего времени является одной из самых крупных в ГХМАК. Из 148 (93 живописных и 55 графических) произведений только 22 работы автора были приобретены за деньги. Современники Андрея Осиповича вспоминали о нем, как о совершенно бескорыстном человеке, о том, как он легко расставался со своими картинами, раздавая их в подарок своим многочисленным близким и друзьям. Выставка картин Никулина, подаренных музею, демонстрирует, что эти работы по своим живописным достоинствам нисколько не уступают произведениям, приобретенным музеем в коллекцию. Если упомянутая выше картина «Голубой Алтай» была передана из Алтайского краеведческого музея, то, например, такие работы художника, как «Арасанский водопад», «Кедровый валежник», «Река Кумир. Бучило», «Камни на р. Белокуриха», «Бай-Джера», созданные в похожей декоративной манере, были получены по дарственным документам, и зрители могут оценить, насколько значительными и высокохудожественными являются данные произведения.

На выставке представлены произведения, которые соотносятся с разными этапами творческой биографии художника и имеют в связи с этим географическую привязку. Мы видим этюды, написанные после успешного окончания Центрального училища технического рисования Барона Штиглица, во время ученической пенсионерской поездки в Европу (1903-1906); волжские пейзажи, созданные в саратовский период, когда Никулин преподавал в Боголюбовском рисовальном училище (1906-1918); виды алтайских гор и города Барнаула, которые он писал с натуры до 1923 года, до того, как переехал в Москву и поступил работать художником-оформителем на киностудию «Мосфильм»; питерские и кавказские этюды. Экспозиция выставки отражает все жанровое разнообразие творчества Андрея Никулина: представлен пейзаж, как самый любимый и многочисленный жанр, картины с элементами бытописания, а также единственный в коллекции живописный портрет.

На протяжении всего творческого пути художник оставался последовательным приверженцем реалистического метода живописи и работы на пленэре. Его европейским, питерским и кавказским этюдам свойственна импрессионистическая трактовка художественного образа. В них художнику лучше всего удается передать световоздушную среду, игру рефлексов, переходные состояния природы. Не оказался он в стороне и от влияния идей и методов символического направления, входившего в силу в начале XX века. Особенно это влияние проявилось в его графических работах и в частности в книжной графике, выполненной в стиле модерн. В живописи отголоски модерна являют себя в декоративном многоцветье полотен, что мы уже отмечали ранее.

Реалистический подход в живописи, работа на открытом воздухе, модернистские декоративные нотки, характерный набор мотивов и композиционных построений, а также высокий профессиональный уровень именно как художника-декоратора — вот основа художественного метода Андрея Никулина. «Голубой Алтай», «Кедровый валежник», «Река

**Андрей
Никулин
(1878–1945).
Фотография
начала
1900-х.**

**Андрей
Никулин.
Камни
на реке
Белокуриха.**

**Андрей
Никулин.
Женский
портрет.
Все фото
предоставлены
ГХМАК.**

и коллеги художника, нашего земляка Бориса Марковича Чеботарёва (1907 – конец 1970 гг.) (г. Москва). На протяжении многих лет она по крупицам дополнялась, благодаря исследовательской работе музейных сотрудников-искусствоведов. Работы как дарились, так и приобретались. Последнее крупное поступление произведений Андрея Осиповича Никулина в собрание ГХМАК состоялось в 2002 году, когда из частной коллекции внучки сестры художника Аллы Ивановны Казанцевой (г. Москва) в дар музею были переданы 24 работы.

Ведущую роль в изучении творческой биографии художника сыграла Лариса Иосифовна Снитко (1928-1982), написавшая в 1969 году монографию о художнике. Впоследствии большой вклад в изучение его творчества внесли искусствоведы Вера Сазонова, Наталья Царёва, Ольга Бабина — авторы ряда научно-исследовательских и популярных статей и очерков. За годы существования музея состоялись четыре большие персональные выставки произведений Андрея Никулина из собрания ГХМАК, приуроченные к юбилею художника: 1979 год — ответственная А.М. Тондовская, 1988 — В.В. Сазонова, 1993 — И.К. Галкина и Е.В. Порохина, 2008 — Н.С. Царёва. Год от года на них появляются новые, никогда не демонстрировавшиеся работы, долгое время ожидавшие реставрации и, наконец, получившие новую жизнь. За все время существования музея было отреставрировано 78 произведений художника, это очень большое количество. Часть работ до сих пор ждет своей очереди, чтобы затем порадовать зрителей своим присутствием в музейной экспозиции. Наследие художника и его биография мало изучены. Настоящая выставка — лишь промежуточный итог и очередная попытка анализа творчества Андрея Никулина. ◀

Кумир. Бучило» — произведения подлинно никулинские, ставшие высшим достижением его творчества.

Никулин не избегал возможностей ставить перед собой и более сложные художественные задачи. Пейзажи большого формата с удаленной линией горизонта, часто панорамного исполнения, в большом количестве присутствуют в его творчестве, но в них ощущается недостаток профессионального образования художника-живописца, каким обладал, например, самый известный наш земляк, современник и друг Никулина, ученик великого русского живописца Ивана Шишкина, Григорий Гуркин (1874–1937).

В волжских работах и панорамах горного Алтая Никулину не хватает крепкой школы в области валёрной и тональной живописи, в умении точно

выстраивать композицию, что в итоге отражается на уровне обобщения и типизации художественного образа. Ему не достаёт той целостности и выразительности, что присутствует в картинах того же Гуркина или в лучших декоративных произведениях самого Никулина.

К сожалению, традиции русской профессиональной школы живописи на какое-то время угасли на Алтае. Это произошло в 1920-1930 годах в связи с отъездом многих художников, в том числе и Андрея Никулина, и смертью Григория Гуркина. Вновь алтайский зритель получил возможность увидеть произведения наших первых художников только с образованием художественного музея в Барнауле в 1958 году. Почти сразу же — в 1960 году — сформировалась основная часть музейной коллекции картин Никулина, поступивших из фондов киностудии «Мосфильм» и из частного собрания друга, ученика

Инсталляции и перформансы Ивана Дмитриева

текст

АЛЕКСАНДР
РЫЖОВ

Среди молодых барнаульских художников Иван Дмитриев занимает особое место. Многочисленные художественные эксперименты (совсем свежий пример — выставка «Контролируемая агрессия» в арт-галерее «Бандероль»), инсталляции и перформансы не только составляют визитную карточку Ивана, но и характеризуют его как художника современного стиля.

Возраст Ивана — двадцать два года, он учится в политехническом на факультете дизайна. Графическому мастерству учился на курсах у Николая Зайкова. Однако, пока Иван своего наставника себе не нашел, да и слишком специфична область, в которой он творит, где хочет быть новатором. За плечами Ивана уже имеется опыт коллективных и персональных выставок по Сибири, была выставка в Киеве.

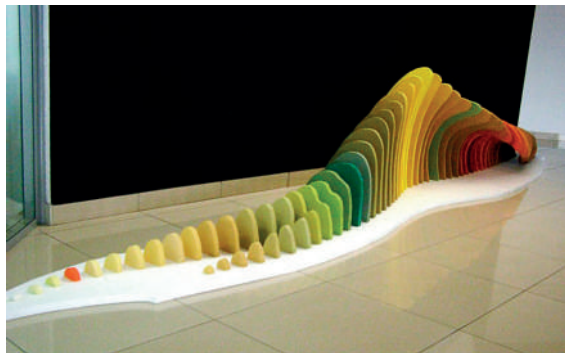
Художник не скрывает, что находится как бы в «вакууме»

городов, где можно общаться с такими же художниками-экспериментаторами.

Однако эксперименты для Ивана Дмитриева — не самоцель, а лишь средство найти собственный путь в искусстве. Иван работает преимущественно в графике, используя нестандартные подходы в решении и оформлении работ. С уверенностью можно утверждать, что эта дорога уже привела Ивана к признанию на высоком уровне. На сибирском

В изобразительном искусстве Иван также придерживается концептуальности. Серия работ «Невозможно воспроизвести», которая экспонировалась в Красноярске, несет в себе особую идею «Магического реализма Ютуба». Когда рефлексивно хочется нажать, а невозможно: видео уже удалено. «Виртуальное пространство искушает и кажется таким доступным, но реальность всегда ставит ему какие-то преграды», — подмечает художник.

Иван Дмитриев.
Инсталляция
эволюция.
Все фото
Александра
Рыжова.

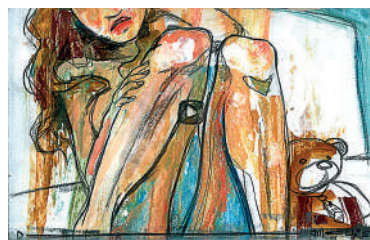

среди своего поколения художников Барнаула. Нет того уровня конкуренции, который позволил бы Ивану постоянно находиться в творческом напряжении. Поэтому так часты его визиты в зоны современного искусства других

бьеннале «Аз. Арт — 2013» он получил диплом второй степени в номинации «Уникальная графика», а также диплом от Союза художников России.

Особое внимание молодой художник уделяет инсталляциям: «Инсталляция, это отрыв от стереотипной изобразительности, иллюстративности.

В инсталляции нет никаких ограничений в размерах и материалах, ты делаешь то, на что хватает твоей фантазии. Материалы можно найти буквально на улице. Есть только одно правило, которое, впрочем, не всегда соблюдается, — инсталляция должна нести какой-то смысл, заключать в себе концепцию».

Иван Дмитриев.
Невозможно изобразить.

Иван Дмитриев.
Розовое
сквозь пальцы.

Творчеству Ивана Дмитриева не чужды иронические оттенки, доходящие порой до сатиры. Его серия агитплакатов высмеивает наивные обещания избирающихся политиков. Доведенные до абсурда лозунги усилены гротескными изображениями, тем самым создается мощный антиполитический фон произведения. В искусстве

Виталий Борисов.
Авто-портрет.
2011.
Фото
Дмитрия
Золотарева.

Петр Кудинов.
Обские зори.
2013.

Виктор Замятин.
Рекон-струкци доспехов.
Металлопластика.
Фото
Дмитрия
Золотарева.

Иван также анархичен: «Меня вообще нельзя назвать убежденным кем-либо».

По роду своей учебной деятельности, Иван иногда принимает участие в дизайнерских конкурсах. Он является автором эмблемы «75 лет Алтайскому краю», которая теперь известна каждому жителю нашего региона.

В ближайших планах молодого художника — участие в десятой Красноярской музейной биеннале современного искусства, также одна из его инсталляций будет представлена в сентябре на выставке «Аз есмь» в Кемерово.

Отмечу, что у Ивана Дмитриева есть все данные для того, чтобы выйти из андеграунда художественной жизни Барнаула в

/ **Выставочный зал
Союза художников**

НОВИЧКИ СДЕЛАЛИ ВЫСТАВКУ-ПРАЗДНИК

В Выставочном зале Союза художников в июле — августе проходила коллективная выставка «Новые имена».

Выставка объединила тех, кто был принят в Союз художников в последние годы: Виталия Борисова, Ивана Быкова (графика), Виктора Замятина (металлопластика), Николая Звонкова (скульптура), Артура Кузнецова, Петра Кудинова, Светлану Милантьеву (керамика), Ольгу Мирончук, Сергея Пашкова, Дмитрия Плохих, Веру Санникову, Александра Шадурина. Еще трое новых членов СХ по причинам личного характера не смогли принять участие в выставке «Новые имена». До этого вернисажа-сборника зрителям по персональным выступлениям были знакомы Сергей Пашков, Дмитрий Плохих, Вера Санникова. Удивительно, но вернисаж получился благодаря открытию незнакомых имен, и в результате выставка стала для зрителей неожиданной.

Несмотря на то, что традиционно среди новичков преобладают живописцы, ряды Союза художников пополнили графики, керамисты, скульпторы, и, совсем уж уникальный для искусства Алтая, мастер художественнойковки. Отметим и крайне пестрый профессиональный уровень участников выставки, это — выпускники Дальневосточного и красноярских художественных вузов, Новоалтайского художественного училища, Института архитектуры и дизайна АлтГТУ, Семипалатинского педагогического института, Бийского педагогического училища и даже люди без какого-то ни было художественного образования. Очень разбросанны и даты рождений. От 1936 года (Николай Звонков), включая все последующие десятилетия, до 1980 годов (Иван Быков и Дмитрий Плохих). Большинство новичков, вступивших в СХ, родились в 1960 годы.

Однако не каждый желающий, как это может показаться, все же вступает в Союз художников. Окончательное решение о вступлении претендента принимают в Москве, а уж там особо не церемонятся. По сравнению с другими регионами Алтайское отделение Союза художников России известно как одно из самых больших. И, судя по весьма нескромным результатам этой выставки, продолжает активно развиваться и пополняться новыми членами. Если художники вступают в СХ, значит, им это нужно, хотя статус профессионального деятеля искусств в последние годы не несет в себе особой выгоды или исключительного престижа. Бурный рост Алтайского отделения СХ России логично предполагает и обострение проблем внутреннего характера. Впрочем, здесь речь не о них. Ведь «Новые имена» — это выставка-праздник!

Вернисаж получился очень ярким, вкусным, хорошо и грамотно сделанным, по-ярмарочному завлекательным, он оказался полон открытий и новых впечатлений. Среди живописных работ особенно выделяются работы Петра Кудинова, Ольги Мирончук, Веры Санниковой. Запомнился и Иван Быков — начинающий график.

Встречи с уже полноправными членами Союза художников, мы на это очень надеемся, будут иметь продолжение в формате персональных выступлений в выставочных залах и галереях Барнаула.

Дмитрий ЗОЛОТАРЕВ.

* Новая рубрика журнала — «Молодые атланты Сибири», где ключевое слово можно и нужно читать и как «таланты», и как «атланты». Ее инициатором выступил искусствовед Александр Рыжов, тоже молодой и болеющий за свое дело. И как не поддержать творческую инициативу? Рубрика будет знакомить любителей искусства с художниками Сибири, заявившими хороший старт. Искусствовед в данном случае «ощупывает мускулы» — за счет чего молодой атлант может удерживать сферу художественной культуры.

авангард этого процесса. Желание постоянно развиваться и творить, а также нестандартное художественное мышление — разве это не залог для перспективной художественной деятельности?

На этот вопрос нужно отвечать, прежде всего, творчеством. И мы ждем от Ивана Дмитриева новых работ. ◀

На двух главных сценических площадках столицы края — в музыкальном театре и театре кукол — идет сказка «Спящая красавица». В основу спектаклей положен один и тот же исходный материал — знаменитая история французского сказочника Шарля Перро. Однако постановки, как и должно быть, совершенно разные.

Сцены из спектакля «Спящая красавица» в «Куклах». Все фото Геннадия Хитрина.

/ Алтайский государственный театр кукол «Сказна»

ЧТО ОСТАЕТСЯ ОТ СКАЗКИ ПОТОМ, ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕЕ РАССКАЗАЛИ?

текст

ЕЛЕНА
КОЖЕВНИКОВА

Сказка Шарля Перро «Спящая красавица» известна всем. И кино по ней снимали, и балеты ставили, не говоря уж о спектаклях. Она волшебна, добра и, главное, про любовь. Вот взял Принц да поцеловал заколдованную девушку, а она вдруг ожила, проснулась и стала его женой без каких-либо вариантов и капризов. Все так просто. Бери и ставь себе на здоровье и детям на радость. Главное, чтобы на сцене все было празднично и современно по части музыки и танцев. И чтобы артисты сильно не заморачивались. Потому что добро всегда побеждает зло. На то она и сказка.

Спектакль Алтайского краевого театра кукол — иной. Он выпадает из привычной постановочной матрицы. Сохраняя канву французской сказки, создатели спектакля вышивают на ней неповторимый авторский узор. Шпалера в прологе спектакля, где изображены главные герои, Принц и спящая Красавица, — это не только знак времени, когда настенные ковры с сюжетным изображением создавались ручным способом. Но и приглашение в этот особый, рукотворный мир, в котором нет ни одной приблизительной, расхожей детали или предмета. Все тщательно продумано и бережно воплощено. Маленькие планшетные куклы выполнены с ювелирной точностью. Они так хороши, что перехватывает дыхание от восторга! Их красота передает радость творчества создателей спектакля.

А как решено пространство сцены?! Нам возвратили вертеп! Старинный волшебный ящик, в котором

сто лет назад, а то и больше, показывались кукольные спектакли. И в этом самом вертепе были небеса с ангелами и злодеи из преисподней. Мир предстал во всей своей многомерности и загадочности. Так и в спектакле «Спящая красавица» режиссера Елены Чверткиной (г. Санкт-Петербург) и художника-постановщика Андрея Кулакова (г. Барнаул) органично сосуществуют несколько самостоятельных планов, как при археологических раскопках, когда открываются срезы времен. История столетней давности, где спит заколдованная Принцесса, рифмуется с сегодняшними проблемами Королевского двора. Злодейка фрейлин (она же колдунья) очень хочет погубить еще одно приличное государство. Однако событийный ряд — всего лишь обстоятельство для режиссерского высказывания, которое очень точно сформулировано в программе: для любви нет ни времени, ни пространства. Поэтому камертоном спектакля становится лирическая тема сновидений Принца. Она-то и выходит на первый план, поддержанная и усиленная запоминающейся музыкой композитора Алексея Чверткина.

Путешествие в неведомое — главное условие в сочинении сказки. Но спектакль на сцене совсем дру-

Режиссер-постановщик
Елена Чверткина
(г. Санкт-Петербург).

Художник-постановщик
Андрей Кулаков
(г. Барнаул).

В ролях:

Юрий Антипенков,
 Анна Кознова,
 Ольга Кравченко,
 Дарья Амбарцумова,
 Евгений Кукушкин,
 Евгения Пухова.

гая история. Драматическая. Она творится здесь и сейчас. И в ней наперед ничего не известно. А иначе почему так бьется сердце, когда Принц Юрия Антипенкова скачет навстречу судьбе и вдруг... просыпается. Оказывается, ничего нет: ни верного коня, ни долгого леса, ни предчувствия любви. А есть совершенно иная, стыдная реальность, где надо жениться на богатой принцессе, чтобы спасти королевство от разорения. Эти принцессы чудо как хороши! Но ни одна, ни другая, ни третья не находят отклика в сердце Принца. Оно принадлежит той, что пригрезилась во сне.

А время сжимается до предела. Напряжение растет. Надо сделать выбор между сном и реальностью. Мечтой и необходимостью. Но как?! Все сильнее раскачивается большое веретено-маятник, символ Времени. Да, это то самое веретено, но только меньшего размера, укололо сто лет назад прекрасную Принцессу Анны Козновой в день шестнадцатилетия. И настало Время скорби. Проклятие фрейлины-колдуньи (актриса Ольга Кравченко) сбылось. Но не совсем. Принцесса не умерла, а заснула на сто лет со всем семейством. Так повелела Фея добра (актриса Дарья Амбарцумова). И родилось Время надежды. И вот теперь, на исходе столетия, две души ищут друг друга в запредельном пространстве сна. Но успеют ли они встретиться? Ведь столько раз сон обрывался пустотой. Да, конечно, мы заранее знаем, чем дело кончится, но сердце-то не успокаивается. Тревожное пред-

чувствие беды не исчезает до тех самых пор, пока не наступает Время волшебства. Вот теперь можно передохнуть и порадоваться счастливому концу.

Но драматическое действие спектакля застроено таким образом, что happy end не единственно возможный вариант финала. Таков контекст всей образной структуры постановки, если, конечно, внимательно взглядеться. Может быть, поэтому, и скорее всего так, атмосфера спектакля наполнена щемящей сердце грустью. Вот молодые, красивые и счастливые Король-отец (актер Евгений Кукушкин) и Королева-мать (актриса Евгения Пухова) принимают поздравления и подарки в честь дня рождения дочери-Принцессы. А через несколько минут получают проклятие на судьбу ребенка. Как меняются их лица, голоса, пластика! Господи, как беззащитны люди! И чего только не предпринимают несчастные родители! Уезжают в другой замок, уничтожают все веретена и похожие на них колющие предметы, не устраивают званых балов. И хотя малышка растет счастливо и беззаботно, сердца родителей не знают покоя. И это состояние передается нам через игру актеров с куклой! А, может быть, через игру и актера, и куклы? А почему бы и нет! Ведь в театре возможно все! Тем более что главным действующим лицом спектакля является Время, проявленное во всех своих ипостасях, во всех измерениях. Его образ считывается прежде всего в конструкции вертепа, где наглядно представлено Время волшебства и Время проклятия. По ходу развития событий знаковая структура образа расширяется и уплотняется. Это и веретено, скручивающее нить человеческой жизни. Это и повторяющийся замкнутый круг сновидений Принца. Это и винтовая лестница замка, где на самом веру приоткрылось зло. И пролог, окликающий прошлое. И «шепот гулких столетий» в плотной чувственной атмосфере спектакля. Все истории повторяются, и все возвращается на круги своя. Вот только бы Добро не устало и не иссякло. Ведь никогда не знаешь, что будет потом. После сказки...

Признаться, я давно не видела спектакля, о котором чем больше размышляешь, тем больше открывается в нем смыслов. Я давно не видела спектакля такой изумительной красоты и гармонии! Он мудрый, как библейские стихи, и нежный, как поцелуй ребенка.

Я смотрела спектакль «Спящая красавица» несколько раз, пытаюсь сквозь мокрые от слез глаза, разглядеть его тайну. Почему знакомый с детства сюжет так волнует, печалит и радует? В чем секрет его эмоционального воздействия? Почему он такой живой и каждый раз новый? Из чего же он создан? «Из вещества того же, что наши сны?»

/ Алтайский государственный театр
 музыкальной комедии

МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ ТЕАТРА И СНОМ КИНЕМАТОГРАФА

текст

АННА
 НЕГРЕЕВА

Наверное, не стоит большого труда понять, каким должен быть спектакль для того, чтобы понравиться детям. Разумеется, ярким, динамичным, способным в течение долгого времени удерживать внимание аудитории.

К сожалению, авторы большинства театральных постановок, созданных для детей, не учитывают тот

факт, что современные дети уже успели привыкнуть к характерным для кинематографа способам привлечения внимания с помощью спецэффектов и потому с трудом воспринимают традиционные спектакли.

Потому выгодной чертой «Спящей красавицы», поставленной в Алтайском театре музыкальной комедии, является создание на сцене особого типа про-

Сцены из спектакля «Спящая красавица» в мюзикомедии. Все фото Александра Волобуева.

Режиссер-постановщик Константин Яковлев

странства, которое характерно, в первую очередь, для современной мультипликации и кинематографа. Это пространство создается за счет выстраивания декораций, на которые проецируются различные пейзажи, меняющиеся вслед за сменой места действия. Благодаря такой сценографической находке спектакль становится динамичнее, действие не замедляется, а идет на одной скорости на протяжении всего спектакля. Разумеется, что такой способ сценического повествования не может отвлечь внимания детей от происходящего на сцене. Но не стоит оценивать данный режиссерский прием исключительно положительно. На мой взгляд, такое сращивание театра и кинематографа в некоторой степени разрушает особую магию театральности постановки и, нивелируя черты характерной театру условности, не дает зрителю самостоятельно фантазировать, активно включаться в восприятие произведения. А ведь именно возможность мысленного соавторства с авторами любимых книг и спектаклей впоследствии формирует у ребенка умение неординарно мыслить, развивает его

ленная музыкальная тема, коррелирующая с ее эмоциональным наполнением. Кроме того, в спектакле присутствует большое количество красочно оформленных танцевальных номеров, которые, несомненно, понравятся не только детям, но и взрослым. При этом, к сожалению, обилие разноплановых номеров и сцен превращает спектакль не в единое повествование, а в каталог различных ситуаций, каждая из которых иллюстрируется музыкальными и танцевальными номерами. Ощущаются сюжетные лакуны, «провисания», что, вероятно, связано с изъятием из повествования традиционной для сказок фигуры рассказчика, соединяющего эпизоды в единое целое. Впрочем, текст сказки должен быть знаком детям, и потому они вряд ли почувствовали некоторую условность сюжета. Хотя такой «смонтированный» спектакль выглядит, скорее, как иллюстрация к литературному тексту, а не как самостоятельное и цельное произведение. Впрочем, далеко не все дети способны воспринимать более или менее объемные повествовательные тексты и потому этот недостаток спектакля можно назвать формальным.

Стоит отметить, что все актеры прекрасно справились со своими ролями. Наиболее удачным было перевоплощение Татьяны Столбовской в злую фею Фурию: образ ее персонажа оказался одним из наиболее проработанных и выразительных. Удачен и образ принцессы Авроры, роль которой исполнила Ольга Ломовацкая.

В целом, стоит сказать, что постановка удалась. Судя по реакции детей, сидевших в зале, спектакль показался им интересным, они сопереживали героям и внимательно следили за ходом сюжета. Такая реакция самых требовательных зрителей, моментально отличающих фальшивую игру от искренней, гораздо важнее режиссеру и актерам, нежели трактовки критиков. ◀

воображение. Впрочем, театр еще не так успешно, как кинематограф, освоил различные способы создания максимально убедительных картин реальности, и потому у детей всегда остается, пусть и небольшая, возможность для сотворчества и фантазирования.

Радует, что, создавая спектакль для детей, его авторы уделили большое внимание костюмам персонажей: все они яркие, индивидуальные, оригинальные, что, несомненно, привлекает внимание зрителей. Удачен и подбор музыки: каждой сцене сопутствует опреде-

Юные зрители. Забыл про чупа-чупс.

В ролях: Ольга Ломовацкая, Максим Вехов, Максим Дударев, Юрий Голубев, Илья Зуев, Зинада Черных, Лариса Герасцина, Дмитрий Иванов, Михаил Басов, Виктория Гальцева, Татьяна Столбовская, Владимир Давыдов, Виталий Селюков, Тамара Вильгельм, Татьяна Ремизова, Татьяна Кокина, Наталия Леляева, Ирина Басманова, Ксения Коновалова.

Время актера

В 2013-году Молодежному театру Алтая имени В.С. Золотухина исполняется 55 лет. Четверть века выходит на родные подмостки и создает им славу актер Игорь Бочериков.

текст

ЕЛЕНА
КОЖЕВНИКОВА

**БОЧЕРИКОВ
ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ,**
актер Молодежного театра Алтая. Родился в селе Ребриха в апреле 1965 года. В 1988 году окончил Алтайский институт культуры и сразу поступил на работу в Алтайский краевой театр юного зрителя. В 2009 году награжден Почетной грамотой Губернатора Алтайского края. В 2012 году по решению Алтайского СТД за роль Башмачкина в спектакле «Шинель» ему присуждено звание «Лучший актер первого плана».

**Игорь Бочериков в роли
Башмачкина в спектакле
«Шинель».**

Фото Александра Волобуева.

— Игорь, мы познакомились с тобой в институте культуры, где ты учился на курсе Анны Ивановны Вахрамеевой.

— Да, пока меня ни призвали в армию. И, хотя я выразил желание служить в горячей точке, меня отправили на Украину, в войска ВВС. Видно, пожалели студентика. И я надел белую рубашку с голубыми погонами. С ума можно было сойти от такой красоты! Через два года я вернулся на курс Виталия Ивановича Шабалина. Мы осваивали профессию режиссеров народных, любительских театров. И когда я поставил в селе Верх-Нучук преддипломный спектакль «Маленький принц» по Экзюпери, меня заметили и похвалили. А потом к нам на курс приехали «покупатели». И предложили мне работать в Шелаболихе. Причем, условия были, мама дорогая! Должность директора клуба и руководителя театрального коллектива! Двухкомнатная квартира в каменном доме! Зарплата — 220 рублей! По тем временам очень большая. И я решил бросить все и уехать. Но Виталий Иванович вызвал меня и так сильно ругался, что и вспоминать страшно. Мол, закончи институт и вали, куда хочешь! Я не посмел послушаться.

— Молодец Виталий Иванович!

— Ну да! Последние месяцы мы доучивались в ТюЗе, куда его назначили главным режиссером. Я даже играл у

него Лесника в спектакле «Вся надежда». И вот, после очередной консультации перед экзаменом, он говорит: «Игорь, пойдем со мной». Заводит меня в кабинет директора театра и сообщает: «Этот молодой человек будет здесь работать актером. И уходит! Вообще, мистика какая-то, кино! Ни слова не сказал, не предупредил, а, главное, не остался со мной! У меня был такой шок, что я, не думая о последствиях, написал заявление. А уж потом, когда вышел из театра, вдруг вспомнил об «открепительных документах», которые находились в Шелаболихе. Раньше с распределением специалистов строго было. Могли и диплома лишить. Но обошлось. Поорали на меня там, поорали, да и отпустили!

— И ты стал работать в театре, о чем, наверное, мечтал с детства?

— Ни о чем таком я сроду не мечтал! У меня с детства другая страсть была. Она во мне так и осталась по жизни. Книги! Я очень рано начал читать. Бабушка научила, чтоб не канючил постоянно: «Баба, почитай! Баба, почитай!» Она же и в библиотеку меня записала. Я книги стопками домой таскал. И все так быстро прочитывал, что взрослые сомневались: «Мальчик, неужели ты все осилил?» Заставляли пересказывать.

— А дома много было книг?

— Да нет. Штук десять стояло в шка-

фу. Отец мой сроду не читал, хотя имел высшее образование, да и остальные. Я был пятым ребенком в семье. С большим отрывом по возрасту от старших. Как я сейчас понимаю: книги спасали меня от тяжелых впечатлений. Погружаясь в чтение, я отгораживался от жизни.

— Чего же ты так страшился?

— Болезни матушки. Типичной «русской болезни». Бывало, босиком по снегу через всю деревню мчался к бабушке за утешением и защитой. У нее и успокаивался.

— А отец?

— На нем-то все и держалось. Фронтвик, орденов куча. Директором райпо был, потом заготконторы, столовой. Помню, подъезжает к калитке «газик», сначала папеньку заносит, потом ящик масла, ящик халвы, мешок сахара. Друзей полон дом. Пока отец был жив, мы ни в чем не нуждались. Он умер, когда я учился в пятом классе, и жизнь началась фантастическая. Все друзья отца перестали нас замечать. У мамы образования никакого — дом да огород. Бывало, поднимет меня в четыре утра грибы соби-

рать, чтобы пораньше вернуться и успеть их продать. Два ведра я несу, два — она. Вмиг все раскупалось. А потом на грядках вкалывали, ягоду собирали. Вот так и жили: лесом и огородом. Она умерла, когда я в армии был. Меня даже на похороны отпустили, что редко бывает. А когда отслужил и вернулся, оказалось, что дома-то нет!

— Как это нет?

— А вот так! Другие люди там жили уже. Мне какую-то халупу определили. Дескать, зачем тебе такой большой дом, ты пока учись. Я плюнул и уехал в Барнаул. Книжки было жалко! Я уже насобирал приличную библиотеку. Тогда, чтобы книгу купить, надо было макулатуру сдавать. Взвешивали на килограммы. Ох, сколько же я ее перетаскал! Не могу без книг! Мне надо,

**Игорь Бочеринов
в роли Ваньки в
спектакле «Смотри,
Ванька».**

чтоб они рядом были! Ведь я — червь бумажный! Да-да. У меня с детства мечта была поступить в Московский историко-архивный институт, чтобы работать в архивах с документами. У нас в Ребрихе, откуда я родом, хороший архив был. И, главное, разрешали там покопаться. Я буквально с головой погружался в «отпечатанную временем жизнь». Так интересно! Так здорово! Я, наверное, человек прошлого века. Даже с сотовым телефоном не совсем разобрался, не говоря уж о компьютере! Подступиться боюсь.

— Я тоже боюсь.

— Но зато у меня есть качество, которым могу похвалиться. Приезжаем всей семьей на дачу. Кто будет копать? Я! Кто будет поливать? Я! Кто будет полоть? Я! Такие вот изнурительные работы, которые никто не любит, я обожаю. Прополка, кстати, мое любимое занятие. Я называю это «плавиться». В любую жару, хоть за со-

рок, сажусь на грядку и наступает... покой. Тяжелые мысли исчезают, в душе все упорядочивается. Особенно мне нравится, что результат труда виден сразу. Если я прополкал, никто не придерется!

— Это у тебя от мамы. А вот театр, в котором ты с 1988 года работаешь, имеешь приличный реперту-

ар, в ведущих актерах ходишь, — он что? Подарок судьбы? Непознанная необходимость?

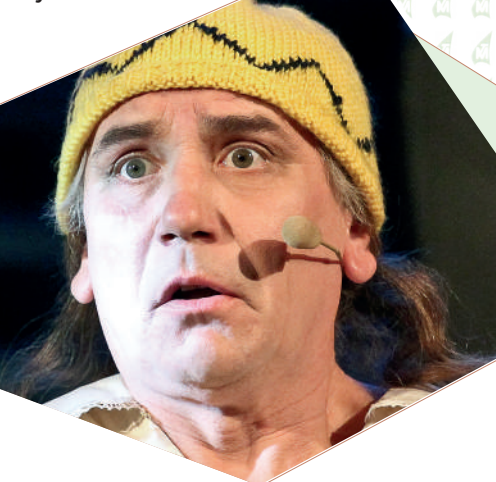
— Выходит, что где-то так. В глубине души я не кичусь достигнутым. Я всегда чувствую, что у меня нет специального актерского образования, что я многого не знаю. Поэтому я не толкаюсь локтями, не плачу по ночам из-за роли, которую дали другому. И когда меня приглашали работать в Вологду, после показа на фестивале в Самаре спектакля «Ванька, смотри!», где я играл главную роль, я отказался. И в Астрахань к режиссеру Ширяеву, которого очень уважаю и люблю, не поехал. Потому что струсил! Потому, что ни в детстве, ни в отрочестве даже мысли не было об актерской профессии. Хотя, казалось бы, пока молод, гоняй по стране.

— Я думаю, что профессия начинается не в стенах учебных заведений, а на сценической площадке, которая все раскрывает, преображает и, как рентген, просвечивает. Но самое главное (и для судьбы театра, и для судьбы актера, и для судьбы зрителя и города, в конечном счете), это личность режиссера — творца.

— Да, несомненно! И мне повезло: я работал с такими режиссерами! Виталий Иванович, хотя и взял меня в театр, ни в одном своем спектакле не занял. Ни в одном! Я играл иванушек, федоров, пеньков, словом, все, что только возможно в детских сказках. Если же я попадал в вечерний репертуар, то, в основном, это были вводы. А что такое вводы? Срочная замена актера. Скороспелый продукт. В моем списке больше двухсот вводных ролей. Я тогда, надо признаться, приуныл. Зачем мы в институте учились, Аристотеля читали, теорию драмы и историю театра сдавали?

— Я помню, как ты мне все это высказал в актерской курилке. У тебя были такие печальные глаза, что сердце сжалось, и я ответила: «Ничего не бывает зря. Научись ждать, Игорь».

**Игорь Бочеринов
в роли короля в спектакле
«Бременские музыканты».**

— Да-да. И очень скоро у меня случилась первая не вводная роль! Это был Ванька в пьесе Шукшина «До третьих петухов», а потом Епиходов в «Вишневом саде» Чехова. И я до сих пор признателен режиссеру Виктору Захарову, что у меня появились роли в вечернем репертуаре, которые с самого начала репетиций и до премьеры были моими, родненькими.

— «Вишневый сад» был очень хорошим спектаклем. Замечательный актерский ансамбль, чеховская атмосфера, интеллигентная интонация. И твой герой, Епиходов, был интересен, прежде всего, как человек, нуждающийся в признании. Он был неуклюж, неуместен, смешон. Его настойчивое стремление обратить на себя внимание шокировало. Но он не был хамом.

— Да, Епиходову все время хотелось общения, внимания, но его игнорировали. Это был его болевой порог, который мы с режиссером завывали. О «Вишневом саде» у меня сохранились самые теплые воспоминания.

А потом приехал Никита Ширяев и у меня случился культурный шок!

— От того, что он дал тебе роль Чацкого в «Горе от ума»?

— Не только. Хотя, конечно. Это был первый режиссер, который столько для меня открыл в профессии, что я после репетиций не спал ночами. Он умел так работать с текстом, что каждый эпизод, который мы разбирали, становился для меня

откровением. Просто откровением! Пьеса раскрывала свои тайны, благодаря тонкому, подробно и бережному подходу к ней режиссера. Например, сцена с альбомом, где мы с Лизой рассматриваем детские фотографии. Как все придумано, обосновано. И такая атмосфера трогательная! Или знаменитый монолог «А судьбы кто?», который произносился беспардонно, как бы шутя, за обеденным столом среди своих, а получалось тревожно и грустно.

— Да, ты замечательно репетировал! И Ширяев был к тебе очень расположен. Он как-то сказал Татьяне Федоровне: «У вас в театре работает молодой Депардьё». И мы вдруг увидели, что вы похожи. А что было потом, из запоминающихся на всю жизнь впечатлений?

— А потом был режиссер по фамилии — Красноперец, который поставил у нас «Маленькие трагедии» Пушкина и собирался работать над «Борисом Годуновым». Актеров пригласили на прослушивание и вывесили распределение. И снова шок! Я получаю роль Отца Пимена! Начались репетиции. Я давно не был так счастлив именно от репетиций! Ведь я не могу сказать, как Эфрос: «Репетиция — любовь моя». Но это был тот случай. И это были не просто репетиции. Это было — культурное явление! Режиссер обладал огромными знаниями по искусству вообще и, в частности, по литературе, истории, философии, живописи. Шли отсылки к Пушкину, Гоголю, Канту, к поэтам XX века. Он считал, что современный человек просто должен знать наизусть несколько сот поэтических строк, иначе душа засохнет. Мне было так интересно, что я пропадал на репетициях, даже когда меня не вызывали. А какую музыку мы там пели! Церковную! Хоралы! На четыре голоса. Сначала никто не верил в эту затею, но когда получилось — такой звук пошел! Все выше и выше стал подниматься, и мы с ним. Даже сердце захолонуло! Ничего подобного я в жизни не переживал. Но спектакль не вышел. Работа над ним была прекращена по распоряжению руководства театра. Уж не знаю, что там произошло.

— После этих событий я встретила Сергея Красноперца и не узнала его. Весь поникший, раздвоенный. И это — ученик Анатолия Васильева?! Это он поставил на сцене ТЮЗа постмодернистский спектакль по «Маленьким трагедиям» Пушкина?! Он открыл уникальную актерскую природу Антона Киркова в роли Дон Гуана?! Во мне все бастовало и кричало.

— Да, мы все были сильно огорчены. А потом у нас появился выпускник Марка Захарова Андрей Зябликов. Какие красивые спектакли он ставил! Эстет и педант!

Работа с ним раскрыла мне новые грани профессии. Он прививал актерам чувство стиля драматурга. Ставя «дель арте» (комедию масок) по пьесе Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам», Зябликов буквально изнурял актеров точнейшей передачей, выверенного до мизинца, рисунка мизансцен. И пластика, и речь персонажей — все было подчинено стилизации итальянской комедии. Приходя на репетицию, режиссер конкретно знал, что и как будет делать. Бесконечные разговоры и абстрактные этюды были ему чужды. Он, конечно, был нудным в «разборах полетов» после спектакля, делая актерам скрупулезные замечания...

— Но так и нужно! Это же спектакли формы, которая и есть содержание. Чуть-чуть не туда, и все потекло, раскатилось.

— Я сам на себе испытал, насколько форма была самодостаточна! Я ввелся в спектакль «Любовь к трем апельсинам», когда актер, исполняющий роль Панталоне, внезапно попал в больницу. Будучи человеком безалаберным, я позволяя себе, когда не был на сцене, играть за кулисами в карты. Во втором действии, когда герои идут за апельсинами, у меня была очень приличная пауза.

— Ну, да! Они за апельсинами, а ты за картами.

— И вдруг я понимаю, что я на сцене... Сцена моя идет! Я выснакиваю и встраиваюсь в рисунок мизансцены. Но не это главное! Актеры, которые в это время играли, не заметили, что меня нет. Хотя и текст был. Не заметили! Только удивлялись потом: «Разве ты не сначала здесь?» То есть, настолько все было по секундам застроено, настолько каждый шел в своем рисунке, что ничего не сорвалось, и никто не заметил. Кроме Зябликова. Что сделал бы другой режиссер? Скандал, выговор, снятие с роли. Да мало ли что! А он очень спокойно так говорит: «Игорь Алексеевич, а на сцену все-таки выходить надо!» И продолжает дальше делать замечания. Это было хуже удара по голове! На всю жизнь запомнил.

— Андрей Зябликов — режиссер эстетического направления. Его спектакли завораживали и стилем, и актерской игрой.

— Он работал на высшем уровне! «Любовь к трем апельсинам» и «Федра» сделали лицо вечернему репертуару. И на фестивалях имели успех. Я лично многому у него научился.

— Скоротечно время актера! У кого ни спроси, сплошное «не». Не успел, не сыграл, не увидели, не дали. А ведь есть у каждого свой заветный автор, как, например, у тебя

Гоголь. Хотя везением назвать твою «Шинель» легкомысленно и глупо. Здесь чувствуется какая-то таинственная связь с автором, личные взаимоотношения.

— Гоголь преследует меня, это правда. Его мир — метафизика! Но почему-то именно в ней я чувствую больше подлинности, чем в обычной жизни. Меня всегда интересовало пограничное состояние, когда иллюзорное, фантомное материализуется. И что происходит при этом с человеческой душой? Может быть, это результат моих детских увлечений фантастикой? Или, скорее всего, сегодняшнее ощущение многослойности окружающего мира.

— Что, трудно было работать с Кокориным в «Шинели»?

— Трудно. Вячеслав Всеволодович любил доводить актеров до изнеможения. Он постоянно уточнял и менял рисунок роли. Обычно актеры нервничают, потому что расположились, привыкли к найденному, а я спокоен. Лишь бы режиссер был толковый, то есть точно знал, что ему нужно. Ведь я неплохо «дрессируюсь». Так мы и работали. Он объясняет — я делаю. И вдруг понимаю, что чрезмерные переживания Башмачкина должны заменяться физическим действием, как мне говорил режиссер. Но не в прямом смысле, в показе их нет. Они должны в какой-то момент переходить в физическую природу героя. А у меня не всегда это получалось! Одна сцена вроде как пошла и вдруг — бац! — опять не то! В некоторых эпизодах я просто не дотягивал. Но все чаще чувствовал, что я «там»! Реально «там»! Мистика какая-то.

— Это школа Михаила Чехова, которую уважает и по которой работает режиссер Кокорин. Сложная методика, но ты ее схватил! На спектаклях я ловила себя на том, что вижу мысли Акакия Акакиевича, и понимаю, что эти мысли мои. И что его жизнь очень похожа на мою. Такова природа театра. И как хорошо, что твою роль столь высоко оценили, признав лучшей в сезоне! Я была просто счастлива, когда тебя награждали.

— Спасибо. Но мне еще так много надо сделать в этой роли!

— И в этой жизни! ◀

Барнаул в кинохронике 1919 года

Известный французский кинооператор, снимавший Жерара Филипа в фильме «Пармская обитель», в 1919 году работал с кинокамерой в Барнауле.

текст

ЕВГЕНИЙ
ПЛАТУНОВ

С начала 2013 года группа активистов интернет-форума «Гражданская война в Сибири» изучает уникальные кинокадры, снятые французским кинооператором Николя Айе в Барнауле летом 1919 года. Знакомство с кинохроникой российской аудитории стало возможным благодаря французскому культурному проекту «Альянс Франсез».*

Осенью 2010 года в Интернете были размещены короткий сборный фильм о работе служащих отдела фотографии и кино армии Франции (Section Photographique et Cinématographique de l'Armée (SPCA) в 1919 году в Сибири — от Владивостока до Челябинска.

Культурно-просветительская организация «Альянс Франсез» в начале 2011 года провела две выставки в разных регионах России. В феврале — в Челябинском областном краеведческом музее открылась фотовыставка «Образы русских и французов в Первой Мировой войне» и в апреле в Перми — выставка под названием «Русские и французы в годы Первой Мировой войны». На открытии челябинской выставки военный атташе посольства Франции в России Эрик Гальярд рассказал, что в архиве министерства обороны Франции сохранилось 600 исторических снимков военного сотрудничества русских и французов в те трагические годы. На пермской выставке военно-воздушный атташе посольства Франции в России Оливье Мадью не только рассказал об истории уникальной коллекции, но и передал в дар региону 9 панно со снимками, сделанными французскими фотографами в Пермской губернии в 1919 году.

К сожалению, в других регионах подобные выставки не проходили. Но фотографии и кинокадры быстро стали расходиться в Интернете, они привлекли внимание исследователей Гражданской войны из Алтайского края. Объединив, в том числе и финансовые усилия, барнаульцы Юрий Гончаров, Андрей Краснощеклов, Виктор Суманосов, Евгений Платунов и Андрей Вдовин из Новоалтайска выкупили один из фрагментов французской кинохроники 1919 года, снятой на Алтае. Эти документы уникальны; не будет пре-

увеличением сказать, что для краеведения они имеют сенсационное значение.

Что запечатлено на кинокадрах? Исследователь Юрий Гончаров хорошо знаком с исторической фабулой:

— Пятнадцатого июня 1919 года в Барнауле на Соборной площади (ныне площади Свободы) прошел парад частей барнаульского гарнизона, в состав которого тогда входили не только русские части, но и кавалеристы из 2-го чешского полка, а также подготовленные английскими советниками два дивизиона артиллеристов. Этот парад запечатлен фран-

цузским кинооператором Николя-Люсьеном Айе (Nicolas-Lucien Hayer). Съемки выполнены с нескольких точек. В декабре 2012 года из министерства обороны Франции мне прислали письмо и мелкие образцы фотографий Антуана Манжена (Antoine Mangin), сделанные тоже в Сибири в 1919 году, — всего 80 фото. Есть там и уникальные фото с барнаульского парада, в том числе и групповое фото участников парада, офицеров и приглашенных. На фотокарточках этой серии можно видеть чешских гусар, русских артиллеристов и верховых.

Интересы французского кинеметра

Николя Айе (1898-1978), который был вторым фотографом-оператором, работавшим в Сибири 1919 года в миссии SPCA, позже стал известным кинооператором, автором десятков французских фильмов. Кинозрители должны помнить его работу по экранизации романа Стендаля «Пармская обитель» с Жераром Филипом. А начинал свою профессиональную деятельность Айе у нас в Сибири

Барнаул 1919 года. У городского пруда (в районе нынешнего здания Казначейства).
Фото Антуана Манжена.

Конные колчаковцы. Парад 1919 года в Барнауле.
Фото Антуана Манжена.

* «Альянс Франсез» — культурно-просветительская некоммерческая общественная организация, которая ведет работу по распространению французского языка, а также поощряет диалог культур разных стран. Осуществляет свою деятельность при поддержке Посольства Франции.

КСТАТИ

Строки из письма подполковника Эдварда Энтони Стила, английского военного советника в артиллерийских дивизионах Колчака, написанного 15 июня 1919 года в Барнауле, в день парада:

«Я только что вернулся из поездки по районам от Бийска до Семипалатинска, где я производил проверку подготовительных центров... Эти русские неспособны предпринять каких-либо усилий, чтобы вернуть себе страну, и мне кажется, если бы не мы, они бы ничего не сделали. Все крестьяне в этой стране большевики, и им нужен только человек, который их поведет. Каждую неделю здесь либо разрушают какую-нибудь станцию вдоль линии, либо ломают что-нибудь еще, если бы не чехи, нам бы пришлось очень нелегко».

Жителя Алтая Федора Стахнева снимал на киноплёнку Николая Айе. Позже французский оператор брал в кинообъектив Жерара Филиппа, Жана Марэ и Луи де Фюнеса. Фото из семейного архива Геннадия Акимова.

Что больше всего интересовало французских репортеров в Барнауле? Конечно, их объективы гонялись за кадрами, подтверждающими факт военной помощи странами-союзниками по Антанте армии Колчака. Поэтому на киноплёнке и фотографиях мы видим и французские траншейные пулеметы Сент-Этьен, и английские пушки, и одетых в английское обмундирование новобранцев Алтайской губернии. Но вместе с этими служебными кадрами хроника сохранила барнаульский пейзаж того времени: пасущаяся на косогоре у городского пруда корова (в районе нынешнего здания Казначейства), сохранившиеся следы пожара 1917 года, лица солдат и прохожих, разлившуюся коренной водой Обь.

Судьба солдата двух войн

Группа марширующих на параде прямо на оператора солдат в характерных «разгрузочных» ремнях напомнила фотографию, которая хранится в семье барнаульца Геннадия Акимова. На ней запечатлен Федор Егорович Стахнев. Долгое время его родственники гадали: «Что за форма и кокарда у деда Федора?» Родившийся 22 апреля 1900 года в селе Пономарево, Федор Стахнев подлежал призыву в колчаковскую армию как раз в 1919 году. Теперь стало понятно, где сельский паренек попал в объектив фотографа. Это одно из двух фото Федора Егоровича. Вторая фотография Федора Егоровича сделана в плену у немцев. В Книге Памяти Алтайского края (т. 8, Чарышский район, Малобашцелакский с/с, стр. 591) есть запись: «Стахнев Федор Григорьевич, род. 1900, с. Пономарево, русский. Призв. 1941, рядовой. Погиб в бою 22.06. 1942. Похор. с. Ленинка Харьковской обл.». Но согласно трофейной немецкой учетной карточке военнопленного, красноармеец 35-го стрелкового полка (и отец девяти детей!) попал в плен 24 июня 1942 года под Воронежем. 7 апреля 1943 года Федор Егорович заболел, а 16 апреля умер в Stalag XII F — в Форбахе. Сейчас этот лотарингский городок находится во Франции.

Вот так поиск по одной войне, Гражданской, прояснил судьбу солдата Великой Отечественной!

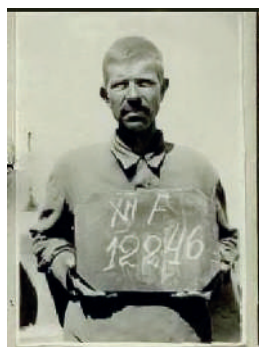
А может быть, общими усилиями (и не только энтузиастов) можно организовать выставку французских кинофотодокументов и в Барнауле? Тем более что на очереди — получение барнаульских фотографий из Военного архива Франции. ■

Кадры кинохроники, отснятой Николаем Айе. На заднем плане здание Казенной женской гимназии на Соборной площади (теперь пл. Свободы) Барнаула.

в непростой период Гражданской войны. Составители французской энциклопедии «Ларусс» текст биографии Айе начали именно с сообщения о его работе в Сибири: «HAYER (Lucien Nicolas, dit Nicolas) chef opérateur français (Paris 1898 — Vence 1978). Il filme des actualités en Sibirie après la Première Guerre mondiale, puis en Indochine de 1924 à 1928».

В Барнауле в июне 1919 года и Манжен, и Айе работали вместе. Например, сделанные Манженом на барнаульском вокзале фотографии транспортировки раненых и чешского броневоза «Прага» усилиями Айе превращены в кинокадры, которые в проекте «Альянс Франсэз» сопровождаются двуязычными титрами, стилизованными под те, что были приняты в немом кино.

Федор Стахнев на трофейной немецкой учетной карточке военнопленного 1942 года. Фото: электронный архив old-memorial.ru.

Маркоцветное Красногорье

текст

ЛАРИСА
ВИГАНДТ

Красногорский район входит в малое золотое кольцо Алтая, туристический потенциал территории огромен — и спортивный, и аграрный, и лечебный, и просто отдых. Но нам более всего интересен познавательный, что накрепко связан с культурой и дает пищу для размышлений и повод для гордости.

Аггей Антонов
(1868 – 1948).

Все фото
Александра
Волбуева.

Аггей Антонов, кооператор и просветитель

Село Красногорское, в прошлом Старая Барда, многими людьми за территорией Алтайского края и даже за рубежом связывается в первую очередь с именем талантливого кооператора Аггея Ефимовича Антонова. Он создал в Старобардинском районе более 300 кооперативных хозяйств: маслодельную артель, ссудосберегательное товарищество, экипажную мастерскую, завод по переработке конопляного семени в растительное масло, мыловаренное производство, магазины и прочее, и прочее.

Аггей Антонов построил первую в Сибири сельскую электростанцию, и в 1912 году в домах жителей Старой Барды светили электрические лампочки. Кстати, электростанция в селе проработала до 1943 года. Иностранцы делегации, бывающие в Красногорском музее, испытывают шок: «Как?! Сто лет назад в этом медвежьем углу столь высокий уровень цивилизации?!»

Экономистам всего мира интересен опыт Аггея Антонова. А нам этот самородок близок еще и тем, что не только сытой жизни он хотел для своих земляков, но и духовной, высококультурной. По его инициативе в Старой Барде был открыт Народный дом, при котором действовали библиотека на 1000 томов, оркестр, театр, кинематограф, телефон. Рядом с Домом был заложен сад. Праздничное открытие старобардинского Народного дома в 1914 году проходило без капли алкоголя —

Красногорский краеведческий музей.
Экспозиция, посвященная деятельности кооператора **Аггея Антонова.**

тоже установка Антонова. Энергия и гражданские качества одного человека способствовали развитию всей старобардинской округи.

В Красногорском краеведческом музее создана экспозиция, посвященная Аггею Антонову, на главной площади районного центра в память о кооператоре и просветителе Антонове воздвигнута стела.

Стоит отметить, что создание музейной экспозиции профинансировал кооператив «Доверие», ныне действующий в Красногорском районе, а макеты Народного дома, маслодельного завода и артельной лавки из бумаги и картона сделаны ребятами из студии «Художественная обработка материалов» под руководством Ларисы Рябовой в Детском доме творчества.

От клуба истории к музею

Красногорский районный краеведческий музей вырос из клуба истории района, который начал свою работу в 1983 году под руководством Зинаиды Дмитриевны Курбатовой.

В наши дни музей демонстрирует тематические экспозиции, к слову, весьма грамотно исполненные, они знакомят посетителей с историей района, начиная с палеонтологического периода и до наших дней. Мы выделим тему Великой Отечественной войны, представленную на музейных стендах. С Красногорьем связаны славные имена воинов. Пять Героев Советского Союза: Николай Жуканов, Григорий Щетинин, Илья Осипов, Яков Беляев, Виктор Молозев. Два полных кавалера ордена Славы: Никифор Побединский и Петр Силаев. Кавалер ордена Александра Невского Степан Бирюлин.

Елбаева Любовь Петровна, Кукуева Лидия Онысовна, Кухтуекова Нина Александровна, участницы фольклорной кумандинской группы «Одычак».

К СЛОВУ

Красногорье. По одной из версий, село и вслед за ним район получили название от майского жаркоцветья, когда в предгорьях дружно зацветают огоньки, на Алтае их называют еще жарки.

Детский танцевальный коллектив «Чакаяк».

Еще об одном человеке, известном всей России, рассказывают в Красногорском музее — о поэте Николае Рубцове (1936–1971). На стендах представлены фотографии с Рубцовым, сделанные здесь, в Красногорском. Все лето 1966 года он гостил у Геннадия Володина (1936–2013), нашего замечательного алтайского поэта, в то время ответственного секретаря красногорской газеты. Известно, что в этих краях Рубцов написал стихи «Шумит Катунь», «Весна на берегу Бии», «Сибирь как будто не Сибирь», «Старая дорога».

«Одычак» и «Чакаяк»

Особая тема в Красногорском районе — кумандинская культура. На территории района проживает 287 человек этой национальности. На базе Малиновского сельского дома культуры действуют два коллектива, в основе творчества которых — кумандинский народный эпос.

В ансамбле «Одычак» (что значит «Огонек») выступают самые взрослые участницы, самой старшей 77 лет. Они исполняют национальные обрядовые песни, а также современные, слова и музыку к которым пишет Лидия Кукуева. Звучит это так: «Аис тикрете ай шаячит, шалгынактыр чалтыпчит...» Переводим: «В ясном небе месяц светит, ясны звездочки горят...»

Кумандинскую песню «Колокунай», ритмичную и простую для запоминания, на праздниках подпевают «Одычаку» все зрители — и кумандинцы, и русские. Община кумандинцев помогает в проведении всех мероприятий в районе.

В детский танцевальный ансамбль «Чакаяк» («Цветок»), руководитель Айша Амирова) ходят ребята разных национальностей. В его репертуаре существует замечательная композиция «Возрождение», передающая языком танца содержание кумандинской легенды о лебеди и охотнике. Народный эпос хранит историю о том, что кумандинцы берут свое начало из рода лебедей. А танец, поставленный хореографом Алексеем Комлевым, содержит идею возрождения кумандинской нации. Ансамбль «Чакаяк» существует недолго, однако является успешным участником многих этнических фестивалей и международных выставок: из Москвы и Улан-Удэ они вернулись с дипломами.

При кумандинской общественной организации «Тореенчер» («Родная земля»), председатель Любовь Елбаева) существует воскресная школа, где обучают кумандинскому языку.

В октябре 2013 года в Красногорском районе будет открыт этноцентр. Вся его деятельность будет направлена на сохранение и развитие самобытной культуры, народного языка, на формирование этнокультурного мировоззрения у детей и молодежи, на объединение людей разных национальностей.

Вышивка как социальное явление

— Чтобы поймать взгляд Путина, мне пришлось два раза распустать работу. А сейчас я жду Медведа, — так мы познакомимся с жительницей села Красногорского Ниной Дмитриевной Ситниковой.

Расшифруем: портрет Президента России она уже выполнила простым русским крестом и нитками мулине, а комплект для вышивки портрета премьера вот-вот должен подойти.

Ее персональные выставки из вышитых картин, которые экспонируются как на крупных районных мероприятиях, например, на медово-сырном празднике, так и на межрегиональных фестивалях в «Бирюзовой Катуни», пользуются огромной популярностью. Де-

Нина Ситникова на своей выставке «Красота для души» в районной библиотеке.

Урок сольфеджио в подготовительной группе Красногорской школы искусств.

Алина Попова, Данил Трайзе, Данил Терентьев, учащиеся отделения живописи Красногорской ДШИ.

Нина Ситникова. Есенин. Шерсть, лен, крест.

сятки прекрасных работ, объединенных в серии — православные храмы, пейзажи, известные картины, животные, русская баня, — радуют зрителей. Книга отзывов заполнена похвалами и восторгами, ее называют волшебницей, а в июне нынешнего года кто-то написал: «Подарите портрет Владимиру Владимировичу!»

Среди портретов, выполненных вышивальщицей, нельзя не заметить Сергея Есенина. Знаменитый образ русского поэта Нина Дмитриевна вышивала полгода, здесь иная техника: шерсть, лен, крест.

На всех крупных выставках Нину Дмитриевну просят дать мастер-класс, желающих узнать секреты мастерства всегда много. В своем районе она ведет клуб рукоделия для пожилых женщин и занимается с детьми-инвалидами при центре социальной помощи семье и детям. Кроме того, члены клуба шефствуют над общежитием для престарелых людей: приходят с подарками, изготовленными своими руками, и концертными номерами.

Мало того, что ремесло вышивальщицы интересно, оно еще производит терапевтический эффект.

— Я сама перенесла два инсульта, — рассказывает Нина Дмитриевна. — Стала вышивать, почувствовала, что живая. Пальцы в работе, особенно с бисером, оживают. А вообще занятия вышиванием могут и сколиоз убрать, и зрение улучшить. Для это-

го нужно правильно сесть и правильно организовать свое рабочее место. Но первым делом, мы, собираясь вместе, лечим душу.

Самая известная вышивальщица в Красногорье известна еще и тем, что получает больше всех писем в районе, Нина Дмитриевна переписывается, можно сказать, со всей Россией, с такими же рукодельницами, как она.

Клуб под руководством Нины Ситниковой провел уже семь выставок, на них, кроме вышивки, были представлены плетение, вязание, шитье. Все выполнено с выдумкой и вкусом. Людей, увлеченных рукоделием, в Красногорском районе становится все больше и больше.

Рисуем все

Красногорскую школу искусств посещают 220 человек — дети от 4 до 18 лет. Симпатии учеников распределяются между тремя отделениями: живопись, хореография, музыка.

Для самых маленьких — школа раннего эстетического развития, где малыши рисуют, лепят, поют, танцуют. Все в удовольствие, но это уже учеба.

Начало нового учебного года было ознаменовано большим детским вернисажем. Первого сентября 2013 года в красногорском выставочном салоне открылась выставка работ учащихся отделения живописи. Около семисот листов плотно заполняют стены небольшого зала, и даже потолок — там пришлось закрепить рисунки на тему «Космос». Участники выставки ведут родителей, друзей — на открытии многолюдно и празднично. Также бывает на ежегодном внутришкольном конкурсе «Рождественская свеча», когда присуждается Гран-при. Первые три призовых места определяет жюри, а вот Гран-при присуждается автору, набравшему большее количество голосов. В тайном голосовании принимают участие все: ученики и зрители, учителя и родители.

Юные художники участвуют в конкурсах самого разного уровня, начиная с зональных и заканчивая всероссийскими, и не остаются незамеченными, их работы всегда с дипломами.

Ребятам повезло с учителями. Сами люди увлеченные, Лариса Радыгина, Татьяна Асямова и Лилия Созыкина создают в классах атмосферу исключительного творчества. Сколько здесь обычных и даже бросовых предметов, превращенных в эксклюзивные вещицы.

— Дети уже знают, что ничего не выбрасывается, все сюда, все перерабатывается и создается новая оригинальная вещь, — рассказывают преподаватели. — Из этого могут получиться подарки на 8 Марта, на Новый год.

Камушки, стекла, старые пластинки, диски — все это подспорье для произведения искусства. Настоящая скульптура может быть выполнена из рамной замазки, картина — из листьев и веточек, подобранных на улице, стакан — расписан витражными красками.

Дети знакомятся на уроках с разными видами дизайна, и в каждом — выполняют упражнение. Декоративно-прикладное творчество идет на ура.

Как, впрочем, и другие предметы, предписанные для изучения ученикам отделения живописи:

рисунок, живопись, композиция, графика, скульптура, история искусств. Заниматься нужно много, но с каким победным торжеством продемонстрировали нам свои автопортреты первоклассники!

«Вариации»

Хореографическое отделение существует в Красногорской ДШИ с 2005 года. Его организатором стала Ольга Новоселова, которая в то время вернулась в родное село с дипломом учителя младших классов и дополнительной специализацией «Хореография». Начали танцевать в комнате без зеркал, держась за спинки стульев. Сейчас в хореографическом зале есть и стена зеркальная, и станок. В прошлом году танцевальный ансамбль «Вариации» сделал первый выпуск. «На глазах выросли», — говорит об этих ребятах директор Красногорской ДШИ Светлана Астахова. Коллектив сегодня состоит из старшей и младшей групп, без него не обходится ни один праздник в районе, и на зональных и краевых конкурсах он становится заметным.

Народный театр

В марте 2013 года в Доме культуры районного центра состоялась премьера, народный театр Красногорья поставил пьесу Степана Лобозерова «Маленький спектакль на лоне природы». Почти двести человек пришли на театральную постановку, для села это очень плохо. Еще лучше то, что односельчане просят повторить показ, и творческий коллектив готовится это сделать осенью. В основе своей актерскую труппу составляют люди, работающие в сфере культуры. Инна Адамович, художественный руководитель ДК; Алексей Комлев, хореограф; Маргарита Володина, работник Дома культуры; Раиса Григорьевна Казанцева, учитель на пенсии. Семью Адамовичей можно назвать театральной, она выходит на сцену почти в полном составе. Кроме Инны, в спектаклях заняты бабушка Ираида Гавриловна, дедушка Александр Иванович и дочь Инны, одиннадцатиклассница Виктория.

За последние годы народный театр на подмостках Красногорского ДК представлял следующие спектакли: «Свадебный марш», «Энергичные люди», «Семейный портрет с посторонним», «Саня, Ваня, с ними Римас». Коллектив является участником краевых театральных фестивалей «Театральный разъезд» и «Театральная околица».

Стоит отметить, что народному театру в Красногорском сорок лет. Первым его режиссером был Валерий Иванов, известный человек в районе, член Союза писателей России, в настоящее время — участник красногорского литобъединения. Сейчас руководство театральным коллективом взял на себя директор ДК Юрий Чернышов, музыкант и бард. В Красногорском ДК он работает с 1981 года и почти четыре года возглавляет районный Дом культуры.

Выставка художественных работ учащихся Красногорской школы искусств.

На репетиции народного театра. Актеры: Раиса Казанцева, Алексей Комлев, Инна Адамович.

Хореографический ансамбль «Вариации» Красногорской ДШИ.

О студиях и творческих коллективах Красногорского района можно рассказывать еще и еще. Заслуживает внимания работа литературного объединения под руководством Любви Вульвач; невозможно представить районный праздник в Красногорье без женского народного вокального трио «Девчата» (Людмила Мотовилова, Инна Адамович, художественный руководитель Светлана Астахова); как о настоящем просветительском центре можно говорить о районной библиотеке. Все это вместе взятое служит созданию привлекательного культурного пространства в районе. ◀

* * *

Танцуй, дитя,
под оторопь гостей
среди разбросанных в беспамятстве костей
той утончённой и утраченной эпохи!

ЕВГЕНИЙ БЕССМЕРТНЫХ

Евгений Васильевич Бессмертных родился в 1954 году в Бийске. Литературной деятельностью занимается с 1978-го. Публиковался в газетах «Бийский рабочий», «Алтайская правда», «Молодежь Алтая», в журналах и альманахах «Алтай», «Барнаул», «Бийск», «Бийский вестник», «Встреча», «Истоки», «Академия поэзии», «Москва». Записал несколько музыкальных альбомов. Автор трех книг стихов: «Неопознанный летающий поэт» (Бийск, 1994), «Пепельные сны» (Бийск, 1995), «Рыбный день» (СПб., 2000).

* * *

В хоругвях белых боль уснёт —
Сибирь белее «белых» чести.
Угрюмый лик, былого гнёт
Не вопиет, как ангел мести.
Зима... Гори, моя звезда!
Я эту боль впитал навеки.
Вновь лжепророков череда
Проходит из варягов в греки...
Что им кокарды и кресты,
Что им забытые могилы!
Их души злы и нечисты,
В пустой трезвон уходят силы.
Не их, печальный адмирал,
Венчало небо на страданья!
...На старом стрельбище сознанье
Обращает ясности кристалл.

* * *

Дурак, подслеповатый грузный парень,
как церебральный цесаревич,
покачивался в такт музыке,
переступая тупо, неуклюже,
но весь улыбкой детской светясь.
Не получив презентативный сэндвич
(поскольку далеко стоял
и девками в нарядах не замечен),
он просто верил в светлый праздник,
когда всем и любому хорошо.
...Ещё одним кафе разжился город.
Стояла расчудесная погода,
как подобает в бабье лето.
В тот день не видел я угрюмых лиц.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ

— Сражаться до конца...
Девиз или диагноз?!

И доктор Фрейд с презрительной гримасой
следит за воблой в облаках.
А между тем его флаконы
куда быстрее, чем «эрликоны»,
крушат безропотных солдат —
и Пашендаль, и Сталинград
познали адское веселье...

Я опоздал к раздаче зелья —
уже закончилась война,
на допинг выросла цена.
Я становлюсь бойцом-без-цели.
Я помню, чьи-то письма грели,
и песенку про Типперэри,
и эту, про Лили Марлен...
Но губы превратились в тлен.

Ни дать ни взять — пропащий зомби!
И ни Манштейн, ни Аберкромби
таких уже не призовут.
Мне не покинуть мой редут,
что стал давно моей могилой.

* * *

Солдат умеет умирать
 Без малодушного упрёка —
 Пусть гимн победный так далёко
 И резвой Ники не видать!

В хаосе вздыбленной земли,
 Среди кусков кровавой плоти
 И корчась в собственной блевоте,
 Он знает: там, в родной дали,

Он будет чист и детски прост
 В сердцах отзывчивых и тёплых,
 Без маршальских речей поблёклых
 Запечатлённый в полный рост.

* * *

Заря вечерняя над Бией
 Отрадна, как величие души.
 Пустырь прибрежный мой союзник;
 Вселенские открыты шлюзы,
 Всё сущее в согласии благом.
 Поэт затюканный, он знает,
 За что любви суровый край достоин!
 Благая весть? Любви предошущенье?
 Чист, погружён и отрешён.
 Собачий краткий лай вдали
 Очарованья не нарушит —
 И вновь покой и тишина.
 Всё дышит вечностью: и лес заречный,
 И горы вдаль (почти фантомы!),
 И солнце, окунувшееся в реку,
 Пред тем как на покой уйти.

* * *

Поэзия...
 Погост и парадиз,
 Сиянье звёзд,
 Зияющая пропасть,
 Простреленное знамя,
 Лёгкий бриз,
 «Титаника» пугающая лопасть!
 Сияй,
 Зияй,
 Петли моей Олимп! —
 Пространство слов, живое духа всплеском.
 И ад,
 И рай,
 И свой изгойский нимб
 Отдам я этим звёздным арабескам.

* * *

Старики всё несут неуклюжие строки
 В сангвинический шум литкружков
 Не смиряясь с непреложным природы диктатом —
 Аккуратные тени.
 Самаряне предельно тактичны
 И это порой умиляет.
 Разве плохо быть там, где уж точно не скажут:
 «Вы банкрот, лишь ходячая прошлого тень».
 Это качество русской души —
 Сталинградская стойкость!

* * *

*Как скульпторы, из глины и тоски
 В неясном ощущении блаженства
 Мы сами создаем себе богинь —
 И разбиваемся об их несовершенство.
 Сергей Филатов.*

Из бледных дней составлю пастораль —
 в её строках следа не будет бури.
 Как хороша забвения вуаль! —
 без желчных мук и лермонтовской дури.

Давно не мальчик. Полно мне стенать,
 кляня давно фантомные твердыни,
 кумир бесстрастный ложью пеленать —
 что я Гекубе? где Гекуба ныне?!

Что мой мятеж – в эфире краткий всплеск?
 сомнамбулизм Улисса-перестарка?..
 ...Что там горит в ночи — маяк? бурлеск?
 бродяги неспокойная сигарка?!

* * *

...Умолк сверчок. Давно за полночь.
 Уймись и ты, душа, — довольно
 Стенать сиротски и неволью
 Искать усладу в пепле фраз!
 Сродни кладбищенским мерцаньям
 Все эти пафосные пени.
 Ну что за вздор — искать свет в тлени, —
 Ужель врачует смертный газ!
 Век девятнадцатый — в могиле.
 Плита двадцатого надёжна...
 Но чьи же тени осторожным
 Касанием тревожат нас?!

* * *

Мой воздушный змей,
 Погоди немного, —
 На исходе март,
 Холода уйдут.
 Полетим с тобой,
 Как улыбка Бога,
 Находясь, как Небо, —
 Сразу там и тут.
 Город долго спал —
 Вряд ли он проснётся,
 И сосед едва ль
 Мутный вскинёт взгляд.
 Лишь у дурачка
 Сердце оборвётся —
 Загугнит, блаженный,
 Беспричинно рад.
 Но душа жива —
 Значит, есть причина.
 Пусть совсем не свят —
 Только весь я тут, —
 Коли на ветру
 Пляшет дурачина,
 Коль в душе пропащей
 Вновь сады цветут.

ВИОЛЕТТА МЕТЕЛИЦА

Виолетта Валерьевна Метелица родилась в Барнауле.

Окончила Новоалтайское художественное училище.

В 1998 году вступила в Союз художников России; 9 персональных выставок: Новосибирск, Барнаул (4), Краков (2), Буэнос-Айрес (2).

Стихи публиковались в газете «Молодежь Алтай», журналах «Алтай», «Барнаул», самиздатском альманахе «Город». Авторский стихотворный сборник «Хождение по кругу» (1995).

В настоящее время живет в Аргентине, в Буэнос-Айресе. Преподает живопись детям от 3 до 14 лет, занятия проходят в русской школе при посольстве России, в торгпредстве России; дает частные уроки.

А также красит кукол в человеческий рост в тажере (мастерской) скульптора. Эти куклы чаще всего известные люди Аргентины — актеры, певцы, музыканты, но среди них есть и Дева Мария.

* * *

Скоро в Русском доме Буэноса состоится поэтический вечер Виолетты Метелицы.

Праздничен вечер.
Теплеют глаза.
Полуулыбка сжигает безумьем.
Я понимаю, ты — часть миража
Перед полетом моим
В полнолуние.
Музыка, музыка...
Банданион.
Следом гитары,
Милонга и танго...
Ты — словно страсти моей
Почтальон.
За этот пламень
Тебе благодарна.

Вот они, звуки, рассыпались вдруг
И попрощались
Пожатием рук.

* * *

Разрушен плач,
И мой палач
Уснул в моей траве.
И я рисую тишину
В уставшей голове.

* * *

Когда сотрутся все следы
От наших с вами ног,
Дороги станут так чисты,
Как ангелы дорог.

* * *

Мой учитель испанского,
Странный,
Безумный,
Шальной,
Он везет меня в ночь
На своем мотоцикле.
Я теряю года, прикасая колени к нему.
Он сквозь ветер роняет слова,
И я их не пойму.
Мой учитель испанского
Курит траву и молчит.
И глаза его щурятся,
Хитрой улыбкой светясь.
Мой учитель испанского
Нежно целует меня.
Говорит, что язык — это связь.
Мой учитель испанского
Учит меня говорить на любом языке
И смеется, закончив урок.

* * *

Упали слова в тишину.
Замирают, как спелые гроздья.
Упали глаза на тебя.
Замерцали, как водные глади.
Упали ладонь на ладонь.
И сладкою кровью моя стала.
Желанием воздух пронзен,
Густой, травнопряный.
Касание губ разорвет
Ткань этого лета.
Смеешься...
Окончен полет,
И нежностью пахнет восход
у этой планеты.

* * *

Дождь — как поток.
 Он проник в эту брешь.
 Я засмеялась,
 Накинув платок.
 Он — похититель вчерашних надежд.
 Вы — открыватель исчезнувших строк.
 Переполняя пространство дождем,
 Мы друг от друга
 Не ищем, не ждем.
 Просто на миг прикасаются рты.
 К времени — я.
 К времени — ты.
 Словно пришельцы
 в чужие миры,
 Мы преподносим друг другу дары.
 Нежность и страстность горячего дня...
 Завтра, пожалуйста, вспомни меня
 И сумасшествия теплый глоток.
 Дождь прекратился.
 Снимаю платок.

* * *

Листается как календарь...
 И от маленькой стрелки
 Почти не осталось следа.
 За окном — новый год.
 Это значит январь.
 Я живу в лабиринте,
 Но как я попала сюда?

За окном — тишиною пронизанный мир.
 Как шашлык, его дни
 Нанизались на шпагу веков.
 Каждый день бытия —
 Это я.
 В моем мире — основа основ.
 Остальное — начало берет из меня.
 И в меня всё вливается,
 Мною растет.
 Перевернуто время.
 А с ним перевернута я.
 Кто считает?
 Кому пригодится отчет?

Замирая в безумстве,
 В потоке,
 В огне,
 Кто себя от меня
 Отличит в этом дне?

* * *

Кажется,
 Снова я
 Воин.
 День подо мной храпит.
 И загоня дни,
 Я перейду в галоп,
 Чтобы догнать себя.

* * *

Плавная лодка —
 моя душа...
 Скольжение,
 Всплеск.
 Нежная песня.
 Успех
 Всему, что хотело взойти.
 Бутоновость
 Переполняет меня.
 Осенью расцвести,
 Миру преподнести
 Праздничность веры
 В него.
 Открыть границы себя самой,
 Соединиться,
 Взойти,
 Прорасти
 Радугой духа
 Над суетой.

* * *

К приходу себя
 К себе
 Я пол подмела повсюду.
 К прилету себя
 В себя
 Я вымыла всю посуду.
 Сидела, ждала три дня,
 Три года ждала,
 Три века.
 Готовила тело я,
 Чтоб в нем
 Поселить человека.
 С молитвой накрыла стол.
 Училась прощать и верить
 И чтобы уметь отпускать,
 Открыла все окна и двери.
 Я в маленьком
 Теле своем
 Растила пространства и дали.
 Очистила водоем
 От боли и от печали.
 Вокруг посадила цветы
 И все полила деревья.
 В узорах ткала холсты,
 Чтоб снова в себя поверить.
 Я сердцу велела жить,
 Обманутому однажды.
 Я снова училась любить
 Кого и за что, не важно.
 К приходу себя к себе
 Я вымостила дорогу.
 Я очень себя ждала
 Всецело доверившись
 Богу.

И В А Н У Ж А К И Н

За нами идет «Россия»

Из дневника врача полярной дрейфующей станции
«Северный полюс — 37»

Октябрь, 2009

Пора сборов в дорогу и разворачивания инфраструктуры лагеря позади. Домики полярников, кают-компания, радиоцентр и метеобудка, ДЭС и галюн, склад и эстакада, аэрологическая и гидрологическая лаборатории, полигон ледоисследования и баня сданы «арктическим СМУ», а значит, можно сесть и спокойно начать делать заметки в своем журнале. Журнале заметок российской арктической станции — «Северный полюс — 37» (СП-37).

Хронологию пути из Мурманска к Гренландии, снятия СП-36 и нашей высадки пересказывать не буду, так как она широко освещалась в СМИ. На борту ледокола «Ямал» было много журналистов. Очень сильно удивила работа мурманской таможни, задержавшей наш выход в море на три дня. Волокитчики мытарили нас за таможней научного оборудования и относились к нам не как к научной экспедиции с государственными задачами, а как к челнокам, выезжающим расторгивать свой товар. Три дня канцеляризации вылились в солидную копеечку, так как аренда ледокола у Росатомфлота стоит два миллиона рублей в сутки.

На «Ямале» провели месяц. Наш транс-океанский маршрут на нем закончился у берегов необитаемого острова Врангеля, что в пятистах километрах севернее Чукотки. Подходящее поле подбирали мучительно долго, глобальное потепление делает свое дело. Раньше необходимая льдина с

площадью в десятки квадратных километров и толщиной в десяток метров находилась с легкостью, практически визуально. Сейчас, для выбора нашего пристанища поиск велся с помощью спутников почти месяц, после чего была выбрана одна привлекательная претендентка с толщиной льда всего в три метра. С высадки на нее взята стартовая координата дрейфа. Именно отсюда 09.09.09 мы передали первую метеосводку в Петербург. С этого момента станция считается действующей.

Текущая бытовуха однообразна и фиксировать ее на бумаге для истории полярных экспедиций, наверное, не имеет смысла, хотя для небольших философских этюдов наблюдение за бытом вещь небесполезная. Утро, день, вечер. Ночь без рассвета и снова ночь. Звезды над головой и хоровод луны над нами. Краски ночи на картинах Куинджи. В конце месяца наблю-

Иван Сергеевич Ужакин родился в 1983 году в Барнауле. Выпускник школы-гимназии № 45. Окончил Алтайский государственный медицинский университет. Во время обучения четыре года работал на районной подстанции скорой помощи в Барнауле. Прошел интернатуру в НИИ скорой помощи имени И.И. Джанелидзе, ординатуру — в Российской медицинской Академии последипломного образования в Санкт-Петербурге. Врач-хирург. Работал в НИИ фтизиопульмонологии, медицинском университете им. И.П. Павлова — в Санкт-Петербурге. В 2009-2010 гг. участник высокоширотной научной арктической экспедиции СП-37. В 2011 году совершил одиночный велопробег: Узбекистан-Таджикистан-Киргизия. В настоящее время участник высокоширотной научной экспедиции в Антарктиде на станции «Восток». Увлечения: этнография, энтомология, философия.

Ледокол «Ямал» доставил команду российской арктической станции СП-37 к берегу необитаемого острова Врангеля.

Все фото предоставлены Иваном Ужакимым.

дали длительное полярное сияние. Одноцветное, молочно-белое. Двадцать минут сполохов, после чего оно словно скатывается за горизонт и рассыпается. На самом деле полярное сияние можно увидеть и на европейских широтах, если бы не световое загрязнение городов. Но только пребывание в высоких широтах делает это зрелище феерическим и незабываемым.

От безжизненного вида ледовой пустыни мысли в основном о работе, прочитанных книгах, Большой Земле и ее обитателях. Именно в этих условиях ощущаешь смысл и красоту своей малой родины — Алтай, мирно дрейфующего сейчас в центре великого материка. А погода непредсказуема: за считанные минуты может накрутить ветер, по своим порывам граничащий с ураганом, но день, два и его снова нет — тишина, и флаг, до этого гордо реявший над кают-компанией, опять недвижим. Подобными частыми эксцессами проявляется крутой нрав Центральной Арктики в лице Канадского сектора, как самого сурового из всех ее секторов. По словам матерых полярников — это только цветочки, на противополож-

ном конце земли, т.е. в Антарктиде, подобные ветра иногда своей силой могут гнуть торчащую из земли арматуру.

До ближайшего берега сотни километров и не факт, что на этом самом берегу будут обитать люди. Высота станции 10 сантиметров над уровнем моря и кронштадтского футштока соответственно. Иногда придешь в гидрологичку, сядешь около прорубленного сквозь ледяной панцирь окна, всмотришься в эту безмолвную бездну, в прекрасный лик голубой планеты, и оторопь берет — неужели я здесь, неужели такое существует? Экзистенциальный естественнонаучный парадокс.

Я думал ранее, что океан тут сер и убог, тих и непритязателен, суров и одинок в своем величии, но это не так. Взору терпеливого наблюдателя порой открываются сокровенные его тайны — живые обитатели. Перечень пойманных мною животных уже сейчас насчитывает порядка десяти видов, и это только начало биологической коллекции. Скоро пушу в ход изготовленную мною планктонную сетку, после чего лов пойдет уже в «промышленных» масштабах.

Январь, 2010

Вот и встретили Новый год. Отметили как надо, не обошлось без русского мучного пирога с вареньем и трескучего фейерверка на сорокаградусном морозе. Даже в новогоднюю ночь сотрудники СП несли вахту — здесь нет, как на Земле, рождественских каникул. В условиях полярной ночи одиночество пустыни чувствуется очень остро. В середине весны к нам, возможно, будет организован авиарейс с заброской людей на сезонные работы, а вместе с ними и драгоценного груза.

Живет каждый из нас в так называемом домике ПДКО — что эта аббревиатура обозначает, так до конца и не выяснили, а потому в минуты отдыха, в теплой и уютной кают-компании шутки ради ищем нужную расшифровку. Ясно одно, что это обшитый фанерой слой пенопласта толщиной чуть толще ладони, этакий сэндвич, который при желании легко продырявить. Не знаю, выдержит ли он при случае шторм и натиск медведя, которые иногда подходят к станции, — снаружи все это выглядит немного легкомысленно.

Домик полярника был спроектирован нашими инженерами еще в 1950-е, в золотые годы советских арктических исследований. Кардинально с тех пор он не изменился, разве что межпанельный наполнитель заменен на более современный. Увидеть макет ПДКО можно в музее Арктики и Антарктики в Петербурге, рядом с настоящей палаткой первой полярной экспедиции, и есть там особенность — при реконструкционном экспонировании индивидуального быта была выложена измятая в хлам банка

сгущенки, как будто все полярные медведи срывали на ней ярость.

Печки, которые нас греют, жгут солярку. Каждый раз все ходим с канистрой на один из бочечных складов, которые разнесены по разным сторонам станции, и если часть из них будет оторвана или уйдет под лед, другая часть будет надежно служить. Сегодня идем к ДЭС (дизельная электростанция), осторожно «цизим» горючку и заправляем свои печки. И так день ото дня. В домике с площадью в 12 квадратных метров тепло, если хорошо коксовать. Можно натопить и до сауны.

Питание раздельное, многокомпонентное, сбалансированное, трехразовое, минерализованное, витаминизированное и одобрено НИИ гигиены питания РАМН, так что продолжать дальше не имеет смысла. Баня раз в 10 дней, с парилкой, теплой водой, мылом и алтайской пихтовой настоеккой. Каждый из нас несет вахту по 24

Основной разлом льдины, служившей пристанищем для научной экспедиции «Северный плюс — 37».

часа, дежуриим по станции и бдим за ледовой обстановкой, а также трем тарелки после завтрака, обеда и ужина — такая уж доля дежурного. Наша экипировка также заслуживает особого внимания. Свою одежду мы долго подгоняли с помощью специалистов еще на материке, в институте Арктики и Антарктики. В личный комплект входит большой перечень теплых и удобных вещей, начиная от теплых штормовых комбинезонов и меховых курток и заканчивая оранжево-серым специальным обмундированием на случай непредвиденных и чрезвычайных ситуаций. Но надеюсь, что этот комбинезон нам не понадобится, ну разве лишь для фотографии на память.

Чтобы не скучать, в кают-компании есть куча фильмов и телик со встроенным кинотеатром, или кинотеатр со встроенным теликом, ну, в общем, вы поняли. Скучать особо не приходится, хотя порой навева-ет. ТВ на этом ТВ нет в принципе, да тем и лучше, не тратится время на потребление культурного мусора. У каждого есть своя научная программа, которой и заняты. Это и регулярная передача метеосводок, и мониторинг воды, льда, воздуха и т.д. Кли-

мат России и погода от Выборга до Анадыря определяется движением арктических воздушных масс, вот почему наши данные так важны на материке. Для изучения ледовой обстановки в нашем распоряжении имеется даже один беспилотник. Есть научно-медицинская программа и у меня, помимо штатных врачебных обязанностей.

Так как нет ТВ, мы поздно узнаем о мировых событиях. Единственный канал получения информации, кроме дорожного спутникового телефона, — радиостанция. Сядешь за рацию, в сумерках радиорубки крутишь ручку и вслушиваешься, а эфир тебя оглушает разнообразием своих звуков. Тысячи голосов, говорит вся планета: тут тебе и ситар-джаз из Индии, и «хлопцы Битлз» из Японии, и рассказ о деле импичмента Уотергейт из Штатов, переговоры судов на Тихом океане и нефтяников Аляски. При желании можно вызвать станцию «Восток» у Южного полюса. Эта живая речь огромной планеты, ее ни на секунду не замирающая голосовая пульсация оглушают и потрясают не меньше ее великой природы.

Время летит то заметно, то незаметно. Живем не по поясному времени, а по часам, выставленным на Петербург. В условиях полярной ночи и вахтенной пересменки поясной дифферент на полсутки второстепенно значим. Недаром наши экспедиционные хронографы традиционно имеют шкалу не в двенадцать, а в двадцать четыре часа. Можно спать по часам «днем», а работать «ночью» — все равно тьма кромешная. Светло только при ясном небе: луна и звезды светят так ярко, что можно обходиться без фонарей, фар и лампочек.

Время, время, время: оно знает свое дело. О нем не думают только собаки, взятые щенками с порта Диксон еще в былые времена СП-36. Что и говорить, одним словом, северные псы, гадят, где хотят, невзирая на мой станционный санитарный контроль, но службу свою несут исправно. Наши дворняги Дина и Дик, не простые пассажиры, а равноправные члены станции. Их задача простая и важная — вовремя оповещать своим лаем полярников в случае приближения белых медведей к постройкам.

Март, 2010

Свершилось! 26 февраля! Светило взошло! Его холодные лучи извещали наш пустынный мир о начале очередного планетарного кругово-

рота, и все же окружающий мир продолжает спать. Спит снег, спит лед, спят твари под водой и над водой, мысли и дела, думы и былые. Пока никто не отдает себе отчета в том, что это происходит, — плоды полярной ночи. Кажется, что такого события не должно по природе быть вообще, что этот мир создан лишь для подавления воли монотонным унынием своей бездонной мглы, но никогда не спящий солнечный реактор вновь опровергает эти убеждения. Именно здесь ты видишь воочию круговорот планеты, конец и вновь начало.

С середины февраля диск расплавленного золота обнаружил себя свечением линии горизонта, усиливавшимся с каждым прожитым сутками. Сначала оно было пурпурным, потом красным, потом оранжевым и желтым. 26 февраля наблюдать за появлением его верхнего края вышла вся экспедиция. Длилось это событие, которого мы ждали более ста дней, всего несколько минут. Удлинение световой части суток шло стремительно, на час за три дня. Еще неделя и вот уже виден нижний полюс солнца, еще немного и космическое тело наконец-то оторвалось от горизонта и поднялось над ним на несколько своих проекций. И это за какие-то считанные дни. В середине марта прошли равноденствие, то есть на две недели раньше, чем в широтах Южной Сибири.

Наблюдая все это, можно лишь вообразить, с каким гигантским темпом планета мчится сейчас по своей орбите. Еще раз повторю, все происходит очень быстро. Таким образом, официально рассвет можно считать произошедшим, теперь дело только за временем, с исходом которого все ближе и ближе к нам приближается непрерывный день.

9 марта отметили полгода станции. Дата принесла огорчительные новости. Полноценного авиарейса к нам не будет. Не прилетят люди, не прилетит кое-какое оборудование и посылки. Конечно, жаль, сейчас это уже состоявшееся событие. Ожерелье российских арктических аэродромов распалось, отдельные его бусины, соскочив со связывающей нити единого управления, утеряны навсегда. Оставшиеся будут функционировать на величину времени, которого будет достаточно для того, чтобы металл сгнил, а выработанный ранее ресурс был завершён окончательно. Но пришло время собирать камни. И когда я разговариваю со своими старшими коллегами, опытными, закаленными многими экспедициями полярниками, я начинаю верить, что возрождение полярных традиций уже близко. Наши люди в ААНИИ — только на них и держится русская мечта об Арктике. Нашу экспедицию возглавляет один из корифеев Севера — Сергей Борисович Лесенков. За его плечами не одна полярная экспедиция, которые закалили его характер. Трудно представить кого-то другого в качестве

капитана нашего дрейфующего ледового «судна». Есть в нем что-то от полярников первой волны, от знаменитого Папанина — рассудительность, надежность, неиссякаемая энергия, ирония и присутствие духа в любой, самой сложной ситуации.

За полгода уже вырисовывается картина генерального дрейфа СП-37. Она необычная. Типичный дрейф станции — линейный, а у нас так пока не выходит. Наш дрейф нелинейный, так как наша льдина все время нарезает круговые петли, возвращая нас по два или три раза в те же координаты, где мы уже были. С момента высадки на лед мы двигались от Врангеля на восток, с пересечением линии перемены дат оказавшись в западном полушарии.

После Нового года очень долго болтались в тысяче километров севернее границ Аляски и Юкона, рискуя быть затянутыми в ловушку Канадского архипелага. Это было бы нежелательно по двум причинам. Первая гидрографическая — архипелаг десять месяцев в году запаян неподвижными льдами самой высокой, десятой категории плотности. Дрейф был бы минимальный. Вторая причина политическая — мы не должны «вторгаться» в территории другого государства. Только в случае ЧП это не имеет значения, ведь спасал же «Красин» дирижабль «Italia». В конце марта наша льдина повернула от островов Канады на запад, и в данный момент мы медленно движемся вдоль Аляски на траверс Берингового пролива.

К весне дала о себе знать динамика ледяного покрова. Наш кристаллический ковчег был неоднократно поврежден. По кругу несущей лагерь льдины образовался ряд водяных разводов. От материнского крупного ледяного поля, размером примерно с Васильевский остров, было оторвано несколько участков, отчего резко сократилась площадь нашего обитания. Сейчас она составляет примерно 1 квадратный километр против 12, что было ранее. Поэтому если бы даже авиарейс к нам и состоялся, воздушному судну просто некуда было сесть.

Прошло около недели, и началась эпоха торошения — разводя сжались, подошедшие края льдин начали постепенно напозать друг на друга, образуя тем самым посреди степного пейзажа Арктики гряды торосов высотой до 3–5 метров. И это отнюдь не веселуха. Подобное природное явление сопровождается повсеместной вибрацией и звуком, который отдаленно напоминает срежет гвоздя по стеклу. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, заметно ощущается качка в 2–3 балла по шкале земных землетрясений. Страшно? Ну, во всяком случае, беспокойно. Каждый из нас осознает, что вся эта эпопея минимум закончится переселением на соседнюю льдину, как максимум досрочной аварийной эвакуацией всего лагеря

на Большую землю. Это наихудший сценарий, ведь мы не должны прерывать экспедицию досрочно, мы просто обязаны продержаться год.

А впереди нас ждет климатическое лето. Произойдет это только в июне. Изменение структуры льда с приходом околонулевой температуры воздуха неизбежно, он станет более рыхлым и колким, так что приключений будет через край. Что дальше — никому неизвестно, но постарайтесь аккуратно записывать все спецпроцессы. До свидания, полярная зима, и здравствуй, полярное лето!

Июнь, 2010

Итак, мы все же оказались в ледяном плену Канадского архипелага и наш ледяной ковчег практически прекратил свой дрейф. В начале мая пошли процессы, которые заставили нас объявить всеобщую мобилизацию. Наша льдина вышла на траверс ледяного потока, сминающего все на своем пути. По ее краю образовалась первая неприятная трещина. Вот тут и пошел в ход самый надежный измерительный прибор, простая консервная банка, такая же, что выставлена в музее Арктики и Антарктики. Закрепив жестянку между краями раскола, мы оставили ее на непродолжительное время. Если банка будет замята, то надо ждать торошения, если провалится, то отколовшаяся льдина от нас «убежит». Через час вахтенные проверили импровизированный маячок — банка мирно плавала. Изрядный кусок нашей льдины медленно уходит, а значит, пришло время эвакуации техники, оборудования, строений.

Процессы разрушения нашей льдины все нарастают. Если так пойдет и дальше, то у каждого из нас останется по небольшому профессиональному осколку, а на обед мы будем прибывать на лодках, мужественно шутит наш повар. Началось все с того, что после неприятного скола, почти посредине льдины обозначилось торошение, и через все ледяное поле вырос небольшой ледяной гребень. Через сутки он стал резко увеличиваться в размерах, и вскоре уже достигал метровой отметки. Время предсказуемого ожидания закончилось. Льдина резко теряет свои размеры. Внезапно под лед ушло несколько строений, наш трудяга трактор оказался на отдельном ледяном поле и потому стал совершенно бесполезен. Добраться до него можно лишь на лодке или в случае, если его вновь прижмет к нашей льдине.

С материка пришли вести: оценив ледовую обстановку, в штабе экспедиции приняли решение о нашей экстренной эвакуации, и мы с сожалением вынуждены с ними согласиться. Состояние нашей команды нормальное, хотя сейчас все работают на пределе своих сил, а это, как известно, лучшее лекарство. В этих условиях сейчас самое главное, чтобы не было случайных и нелепых травм, и своих пациентов я теперь осматриваю каждый день. Дважды наш лагерь «посещали» американцы. Средней величины «Дуглас», вылетев с порта Кадьяк, аккуратно облетел место нашей дислокации и, сделав низкий, изящный вираж, ушел в сторону Канады. Через пару дней мы узнали, что американцы предлагают нам экстренную эвакуацию. Произвести ее можно только на вертолетах, с мыса Барроу, да еще к тому же с двумя аэродромами «подскока», где надо будет оставлять топливо для дозаправки. Такая эвакуация может означать только одно — будут спасены люди, но все оборудование и строения будут брошены. Сегодня будем держать совет в нашей боевой кают-компании.

За нами выслан атомный ледокол «Россия». Выйдя из Мурманска, он быстро продвигается в нашей акватории, и теперь, вглядываясь в просторы снежной пустыни, мы говорим себе: «За нами идет «Россия».

Мы уже не живем в своих домиках. Вот и я вынужден оставить свое полярное пристанище, ставшее родным за долгую полярную ночь. Это был и мой дом, и медицинский пункт, и операционная, и перевязочная, и научная лаборатория. Сейчас он стоит сиротливо, и сигнальный фонарь на его мачте уже не включен. Мы все живем в одном помещении. Тесно, скажете вы? Нисколько, ведь главные заботы сейчас не в бытовых удобствах, а в экзамене на прочность, заготовленном нам мудрым и строгим учителем — Северным Ледовитым океаном.

Ледокол столкнулся с ожидаемыми трудностями. Чем ближе канадский сектор Арктики, тем прочнее становится лед. И если у открытой воды молодые льды имеют зеленоватый, оттенок, то здесь они вековой выдержки, спрессованные, сталисто-серого цвета. Наш атомный флот еще ни разу не заходил в эту акваторию, а потому для экипажа «России» это испытание ничуть не легче нашего, а психологическая нагрузка, пожалуй, что и сильнее.

Ведь в отличие от экипажа ледокола мы «ничего не делаем» и мирно качаемся на нашей льдине, успевая при этом заниматься научными исследованиями.

Время напряженного ожидания подошло к концу. К нашему лагерю прилетел корабельный вертолет. Это означает что наш «круизный лайнер» уже близко, на расстоянии не более двухсот километров. Облетев несколько раз станцию, летчики присмотрели место для своей посадки и «парковки» ледокола, и развернули стальную птицу в обратном направлении. Через день вертолет прилетел вновь и совершил посадку. Все ликуют, настроение полярников радостное, скорее даже праздничное. Мы собираем первую группу тех, кого надо доставить на ледокол. Вместе с ними улетает Лесенков, чтобы обсудить все детали эвакуации. Еще несколько дней и мы видим борт атомного гиганта. Описав небольшую дугу, атомный ледокол встал на небольшом уда-

лени от станции. Все приходит в движение, задорно работают курсанты из мореходки, взятые специально для заключительного этапа, стрекочет вертолет, разбираются наши домики, плашкоуты с оборудованием, материалами и бочками медленно поднимаются на борт ледокола. Мы вычищаем все под метелку и, забрав последний мусор, поднимаемся на борт судна. Последним поднимается Лесенков. Он долго стоит на льду, молча и пристально смотрит на место нашей стоянки, затем резко поворачивается и, не оглядываясь, поднимается на борт. Холодный металл под ногами возвращает нам забытое ощущение земли.

Мы сошли с дистанции на пару месяцев раньше, и потому на ледоколе не встретили свою смену, тех, кто пойдет в дрейф на СП-38. Сейчас они далеко, они только еще готовятся к своей миссии, и потому передавать оборудование мы будем на материке. Обратный наш ход легок и непритязателен,

хотя впечатлений от общения и услышанных новостей достаточно. По пути домой в районе Новой земли мы сделали остановку и на вертолете забросили наших полярных псов на материковую станцию, где они будут дожидаться наших сменщиков.

И вновь Мурманск. Почти все члены экспедиции уже отбыли домой, нас осталось всего трое. Мы пакуем, декларируем, следим за своим ценным грузом. Все как-то буднично и пока еще непривычно. Сохраняется ощущение того, что ты был на другой планете, вернулся, и кроме тебя этого события никто не заметил, мир живет в другом ритме, погруженный в свои житейские заботы и радости.

Экспедиция завершена. Мы сделали свою мужскую работу. Каждый из нас выполнил свою миссию. Экипаж, за который я отвечал, вернулся домой здоровым и невредимым, а в моей сумке мирно покоятся гигабайты научных наблюдений, дневни-

Степной пейзаж Арктики.

новые записи и сотни фотографий теперь уже исторической экспедиции. Я стою на перроне вокзала, через полчаса мой поезд на Петербург. Все мытарства с отправкой экспедиционного груза завершены, медикаменты, инструменты и оборудование тщательно упакованы и отправлены в институт. Через полчаса я буду в уютном вагоне, который помчит в северную столицу, где меня уже ждут близкие мне люди, как ждет своего часа и отчет о проделанной работе, над которым придется сидеть не меньше месяца в тишине уютного кабинета на окраине Васильевского острова. И только затем домой, к теплу родного дома и в жару короткого сибирского лета. На влажной скамейке полупустого перрона я смотрю на уходящую в туман дорогу, делаю свою последнюю экспедиционную запись и мысленно вновь повторяю слова, которые мы говорили в самый сложный момент нашего дрейфа: «За нами идет «Россия».

МИХАИЛ ГУНДАРИН

ВОСЬМАЯ БАЛЛАДА

Любовь не рискует сажать самолет
 Туманному сердцу под кожу.
 В печальную трубку вмерзает «алле!» —
 Ты понят и прожит.
 Сворачивай трубкой свои чертежи,
 Кривые, как листья герани.
 Хронометрам сдохшим пример покажи,
 Давай, до свиданья!
 Но вот чем утешься, ботаник-простака:
 В сумятице бывшего сада
 Терновый венец не покинет куста,
 Сочувствие — взгляда.
 Везунчик-очкарик, в такой простоте
 И вновь оказаться на воле!
 Что делать с пространством? Конечно, лететь!
 Отсюда — на полюс.
 Ты снова ребенок, пустынный-Амур,
 Укройся в темнейшей из комнат,
 Где сила твоя не нужна никому,
 Что значит — огромна.

* * *

Не печалься. Твои рецидивы
 даже смерти, и той не смешны.
 Сочетанье вины и мотива
 создает ощущение страны.

Сочетанье любви и неволи
 создает перемену картин.
 Сладко свищет магнитное поле..
 Не спеши, ты еще не один.

* * *

Музыка замолчала. Куда исчезла она —
 Совершенно не важно (вариантов мильон).
 Теперь разве что революция или, не дай Бог, война.
 Судьба и эпос не справились. Родина вышла вон.

* * *

Трижды сгоревший голос в ночном эфире —
 Он для больного берег чужого моря.
 Словно ребенок плачет в пустой квартире,
 Некому даже понять небольшого горя.

Молодость — это тема для мелодрамы.
 И не надейся, ты не уйдешь отсюда
 Выше прилипшей к небу оконной рамы,
 Дальше буфета, где прошлое, как посуда.

Им ты нужнее (чем полутьме больничной
 Или холодной музыке карнавала)
 Здесь, где оклеены, как скорлупой яичной,
 Нашими снами своды ночного зала.

* * *

Тренья слизистых, пенья медных,
 Шелестение остальных.
 Целый мир — от его победных
 До его никаких —
 Умещается между бедных,
 Беглых гласных имен Твоих.

Здесь безумие, и паденье,
 И любовь моя, и вина —
 Просто звуков сосредоточенье,
 Неудавшаяся тишина.
 Нам оставлено только зренье,
 Жизни судорожная волна.

Что же я все хочу услышать
 Предназначенное не мне?
 Мир таится полночной мышью,
 И в мучительной тишине,
 Как оборванная афиша,
 Бьется небо в моем окне.

Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году в городе Дзержинске Горьковской области. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Более 20 лет преподает в Алтайском госуниверситете, почти столько же работает на телевидении. Опубликованы поэтические сборники: «Календарные песни» (1994), «На экране» (1999), «Горячо-бесполезно» (2008), «Старый поэт» (2011) и др. Член Союза российских писателей.

Фото Александра Волобуева.

СЕМИДЕСЯТЫЕ

На каникулах, возле Бийска,
А сегодня мы на базаре —
Грязном, скомканном, как записка,
Как окуроч на тротуаре.

Жарко. Люди толпятся возле
Деревянного туалета,
Солнце в спины колотит гвозди,
Бесполезно пылится лето.

Сонно стелется «Арлекино»
По киоскам и по прилавкам.
Под ногами сухая глина,
Издающая муравка.

Здесь толпа без конца и края,
Огород разномастной речи...
И русалка — точь-в-точь такая
У соседа на левом предплечье.

(Он кедровые ложки режет,
он ругается тяжким матом,
ходит, курит в майке несвежей
и глаза его — две гранаты).

А русалка-то — среди лилий,
На ковре. Не ковер, а сказка,
Где отсутствие четких линий
Искушается красок пляской.

Самодельное, как окрошка,
В стиле ранних пятидесятых —
В золотые миры окошко
Из прокуренной тесной хаты.

Может, это о Пугачевой,
Может быть, о грядущем порно,
Что-то есть в картинке ничевой,
В дне, пропахшем известью хлорной.

Наши бредни об океане
В изнывающем, злом июле,
Чья-то смерть на большом экране
И мясник на скрипучем стуле.

Сонный морок, распад империй,
Все, что было и будет с нами,
Все падения и потери —
Здесь, в рисованной телеграмме.

Раскрывайся, тройной гармошкой
Косо сложенная записка!
Жизнь, стучи деревянной ложкой
По базарной площади Бийска!

* * *

Все закончится новым побегом.
Но не сам ли ты мне говорил,
Что зимою теплее под снегом,
А весною — в одной из могил.

Допустимые вольности слога!
Юность знает, где лучше упасть,
Чтоб с грядущего спрашивать строго,
Как с партнера — козырную масть.

* * *

Когда движняк минут
Расчистит все углы
Пускай тебе споют
Подземные битлы

Не выслушав Michelle
Не поступить в МИ-6
А если есть мишень
То и пощада есть

*В ритмическом аду
Черешневом саду
По каменному льду
Я линию веду*

*Еще темней вода
Еще черней весна
На небе нет следа
И песня не слышна*

* * *

Закрыли от нас комету
Предутренние облака.
А дальше время рассвету.
И снова ты далека.

Лежи, где тебе сказали:
На дне далекой грозы,
Увиденная глазами
Полуночной стрекозы,

Покуда не время миру
Окутываться огнем,
Небесному командиру
Ломиться в земной проем...

* * *

Архаичен, тяжеловесен,
Словно медный (типа) пятак
Тех поддельных советских весен,
Когда мы различали знак
То в железной брехне трамваев,
То в холодном движенье глаз...
Ты мой Venus, о, ты мой fige!
Эта жизнь пропета про нас.

* * *

Тает снег на серебряном блюде,
восхваляя свое серебро...
так бывает при сильной простуде,
или если швырнуть на ребро

ледяную от счастья монету —
закружись ли, ничком упаду,
прославляя любовь и победу,
ускользая по новому льду...

И В А Н М О Р Д О В И Н

Иван Фёдорович Мордовин
 родился 11 сентября 1948 года
 в с. Колыванском Павловского района
 Алтайского края.
 Окончил Кемеровский медицинский
 институт и Литературный институт
 им. А. М. Горького (заочное отделение).
 Его стихи публиковались в краевой,
 региональной и центральной
 периодике. Автор четырех
 поэтических книг. Дипломант
 первого всесоюзного конкурса
 поэтов-верлибристов им. Велимира
 Хлебникова (1988 г.); лауреат краевых
 литературных премий:
 им. Н. М. Черкасова (2005 г.),
 «Певцу родного края» (2008 г.).
 Живет в Барнауле, работает
 в Барнаульском медицинском колледже
 преподавателем.
 Член Союза писателей России.

БАБЬИМ ЛЕТОМ

Когда свой рыжий чуб сентябрь,
 Форся, как юноша, лохматит,
 Идёт к нам осень, шелестя
 По роце разноцветьем платья.

Величем женственным горда,
 Она скрывает грусть в походке.
 И, ожидая холода,
 К причалам зазывает лодки.

Напрасно камыши шуршат
 И ветер завывает в трубы,
 Совсем не им принадлежат
 Её рябиновые губы.

Я забываю обо всём,
 О чём на свете птица плачет...
 И пусть соседи под окном,
 Вслед глядя, обо мне судачат.

Сентябрь 1965, 2013

НА ГОНЬБИНКЕ*

Цепи перехватывал,
 Отбивал ножи.
 С местными ребятами,
 Гоньбинскими дружил.

Мостик. Пивоварка,
 За спиной вокзал...
 Царевну из горпарка
 Сюда я провожал.

Улочками старыми
 На Второй Забой
 К проспекту Коммунаров
 Счастливый шёл домой.

В памяти засняты,
 В рассветах давних пор,
 Жёлтыми маслятами
 Путьеишки депо,

Заспанные лица
 Прохожих, тротуар...
 От свистка милиции
 Здесь бросало в жар.

Грохоты и шумы,
 Кинотеатр «Заря»...
 Вот какая штука –
 Позабыть нельзя

Улочки вилючие,
 Мостик и вокзал,
 Где, казалось, лучшую
 Девчонку повстречал.

Пролетели годы,
 Отошла пора
 Солнечной погоды
 Весеннего двора.

Кто я?
 И откуда
 Вновь сюда попал?
 Мостик – просто чудо,
 За спиной вокзал.

Машенька-трамвайвожатая
 С угольно-горячими глазами
 В сердце понаделает пожара,
 Мне твои подруги предсказали.

В женском образцовом общежитии,
 Где вахтёрши наставляют страхами,
 Далеко не просто чаепития
 Сочиняли юные монахини.

Девичьи святые дни рождения
 Налитых, неповторимых лет!
 Те вахтерши знали, без сомнения,
 Отчего гас в вестибюле свет.

В чайниках чаи забыто булькали
 В час, когда назначенной порой
 В гости проникали богохульники,
 Слившись на мгновение с темнотой.

Машенька-трамвайвожатая,
 Комнаты бесхитростный уют
 И твоя ладонь к моей прижатая
 И сегодня в памяти встают.

Горячей предсказанного, близкая,
 Ты полночной музыкой жила.
 Со стены – Настасия Вертинская
 наших тайн свидетелем была.

Да еще с кривой соседней улочки
 Заглянуть в окно пытался клён,
 И хрипел в углу себе на тумбочке
 Взятый напрокат магнитофон.

Машенька-трамвайвожатая,
 Весь сгорел до основания май...
 Солнцем переполненный,
 оранжевый,
 Ты куда свой увела трамвай?

* Гоньбинка – микрорайон Барнаула.

Валерий
Тебеков.
В гостях
у Рембрандта.
2005.
Фото Дмитрия
Золотарева.

Любопытная особенность графики Тебекова — она вовсе не черно-белая, как это может показаться вначале. При ближайшем рассмотрении замечаешь, что у линий есть свой колорит, теплый — охристо-красной или холодный — чернильно-синий. Эти разноцветные линии, зачастую причудливо переплетенные, больше всего напоминают пульсирующие вены и артерии живого организма.

В НОМЕРЕ:

Статья памяти А.М. Родионова

Интервью с поэтами Алексеем Шороховым (г. Москва),

Игорем Беловым (г. Калининград), Алексеем Машевским (г. Санкт-Петербург)

Фоторепродукции картин Ивана Айвазовского, Андрея Никулина,

Степана Двойноса, Геннадия Тарского, Ивана Чашникова, Алексея Дрилева,

Юрия Капустина, Валерия Тебекова, Виталия Борисова, Петра Кудинова,

Ивана Дмитриева, Ирины Щетининой.

Творческий портрет актера МТА Игоря Бочерикова

Проза Ивана Ужакина

Стихи Евгения Бессмертных, Михаила Гундарина,

Виолетты Метелицы, Ивана Мордовина

Государственный художественный музей Алтайского края и журнал «Культура Алтайского края» предлагают любителям искусства проект «Чарующий Алтай». С декабря 2012 года на страницах журнала размещаются картины из коллекции музея, снабженные QR-кодами. Это лучшие полотна XX века, посвященные Алтаю. QR-коды восемнадцати картин из собрания ГХМАК размещены на сервере Государственного Русского музея, выступившего генеральным партнером проекта.

О музее.

Хотите знать о картине больше?

1. С телефона на платформе ANDROID или IOS зайдите в GOOGLE PLAY или APP STORE.
2. Выберите и установите программу RM GUIDE.
3. Запустите программу, наведите телефон на код.
4. Получайте информацию в виде фото, текстов, аудио- и видеофайлов.